Левиафан

Ефим Грекулов

Церковь и государство

Две головы власти в России

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ефим Федорович Грекулов, известный историк, пишет в своей книге о союзе церкви и государства в России. Перед читателем предстанут такие знакомые исторические персонажи, как князь Владимир, креститель Руси, монах Филофей, создавший теорию «Москва – третий Рим», Иван Грозный, «православный царь», патриарх Никон, проведший свою знаменитую реформу, Петр I, упразднивший патриаршество в России и полностью подчинивший церковь государству, Николай I, при котором утвердилась идеология «православие, самодержавие, народность».

Вместе с тем в книге разбирается, как отражался этот союз светской и духовной власти на положении народа, а также о народных движениях против церкви. Наконец, здесь же показана позиция образованных слоев русского общества, непростые отношения М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина и других видных представителей русской интеллигенции с церковными властями.

- Ефим Грекулов
  -
  - Часть 1. Церковь и государство в России (из книги Е. Ф. Грекулова «Православная инквизиция в России»)
    - «Церковные мятежники»
    - Монастырские тюрьмы
    - Отлучение и анафема
    - Религиозная нетерпимость
    - Гонения на просвещение и науку
    - Приложение к 1-й части
      - Отлучение Л. Н. Толстого от церкви
      - Церковь и государство (из статьи Л. Н. Толстого)
      - О православии (из религиозно-философских произведений Л. Н. Толстого конца 1870-х – нач. 1880-х гг. и его работы «Исследование догматического богословия»)
  - Часть 2. Нравы русского духовенства (из одноименной книги Е. Ф. Грекулова)
    - Состав древнерусского духовенства
    - «Носительница культуры и просвещения»
    - «Безмерное упивание»
    - «Блудное объядение»

        - «Плотское похотение»
        - «Содомская пагуба»
        - «Особые стяжания»
        - Ростовщики от духовенства
        - Нравы духовенства в XVIII веке
        - Приложение к 2-й части
            - Жозеф де Местр. Русское православие и священники (из книги Жозефа де Местра «Религия и нравы русских»)
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34

- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122

- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125

Ефим Грекулов
Церковь и государство. Две головы власти в России

© Грекулов Е. Ф., правообладатели, 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Часть 1. Церковь и государство в России (из книги Е. Ф. Грекулова «Православная инквизиция в России»)

«Церковные мятежники»

…Уже в XI в. князья и их суды сурово расправлялись с противниками церкви. Как отмечает летопись, еще при князе Владимире епископы благословляли князей на применение казни. «Ты поставлен от бога на казнь злым, а добрым на помилование», – говорили они. В 1004 г. монаха Адриана обвинили в нарушении церковных уставов и в хулении церкви. По распоряжению митрополита Леонтия Адриан был отлучен от церкви и заточен в монастырскую тюрьму. Новгородского архиерея Луку Жидяту, жившего в XI в., летописец называет «звероядивым». От жестокости этого епископа, от «заточения и грабления» пострадало много людей. «Сей мучитель, – говорит летописец, – резал головы и бороды, выжигал глаза, урезал язык, иных распинал и подвергал мучениям». Так же сурово расправлялся Лука с принадлежавшими ему крестьянами. Холопу Дудику, не угодившему чем-то своему феодалу, по приказанию Луки Жидяты отрезали нос и обе руки [1].

В XII в. «немилостивым мучителем» был владимирский епископ Федор. Он лишал своих противников сел, одних обращал в рабство, других заключал в тюрьмы, рубил им головы, выжигал глаза, резал языки, распинал на стенах. В рассказе летописца отразилась борьба, которую вели между собой церковники за власть. Владимирский епископ как крупный феодал отказывался признавать власть киевского митрополита. Обвинив своих противников в еретичестве, он через свой суд приговорил их к смертной казни, добился конфискации их имущества, а многих заключил в тюрьмы. В борьбе с киевским митрополитом Федор потерпел поражение, и его выдали на суд митрополиту. Митрополичий суд в свою очередь обвинил Федора в еретичестве и подверг жестокому наказанию: ему отрезали язык, затем отсекли правую руку и «вынули очи», т. е. ослепили.

Инквизиционные меры воздействия на еретиков применяли и церковные соборы – собрания видных представителей церкви, имевших большое влияние на церковные дела и светскую власть. Церковные соборы осуждали своих противников как врагов церкви – еретиков и требовали от светской власти беспрекословного исполнения соборных решений, оставляя за собой право контролировать исполнение приговоров.

Особенно жестоко расправлялись соборы с церковными врагами в XIV–XVII вв., но и в более ранний период ослушников церкви ждала не менее суровая кара. В 1123 г. по приговору Киевского церковного собора заточили в тюрьму как «злого

еретика» какого-то Дмитрия. В 1157 г. тот же церковный собор осудил другого еретика, Мартина. Учение Мартина, направленное против господствующей церкви, привлекло на его сторону, как рассказывает об этом летопись, много простого народа и вызвало широкое общественное движение против православной церкви. По приговору собора Мартин был сожжен.

Не только русские князья признавали за церковными иерархами право уничтожать противников «злою казнью». Это же право признавалось и монгольскими завоевателями. Так, по ярлыку хана Менгу Темира митрополиту Кириллу было предоставлено право наказывать смертью за хулу на православную церковь и за нарушение церковных привилегий.

* * *

Во второй половине XIV в. в Новгороде возникло движение, известное под именем ереси стригольников. Стригольники выступали против епископов, их поборов и стяжательства; они отрицали некоторые догматы и обряды, связанные со смертью человека, необходимость исповеди и причастия, говорили, что их молитвы неугодны богу и что напрасно жертвовать им земли «на помин души». В критике церковных догматов и обрядов были элементы рационализма. Во главе ереси стояли рядовые люди, а также дьячество, т. е. низший слой духовенства.

Господствующая церковь сурово осудила новую ересь, как направленную против церкви. Ересь называли «прямой затеей сатаны», а ее участников – «злокозненными хулителями церкви», «развратителями христианской веры». Новгородские епископы настояли на том, чтобы руководителей ереси – дьякона Никиту, ремесленника Карпа и др. сбросили в 1375 г. в реку Волхов. Затем стали вылавливать и казнить остальных участников движения в Новгороде и Пскове. Физическое уничтожение еретиков одобрил и московский митрополит Фотий. В посланиях 1416–1425 гг. он благодарил псковичей за расправу над еретиками. Он советовал им применять все средства уничтожения, однако без пролития крови, во имя «спасения души» казненных. Послушные псковичи последовали советам инквизитора. Они переловили, обыскали и казнили многих еретиков [2].

В XV в. широкое развитие получило новое движение – новгородско-московская ересь. Сторонники этого движения требовали уничтожения церковного землевладения, отмены исповеди, не верили в воскресение мертвых. Они отрицали внешнюю обрядность и основные догматы православной церкви,

например догмат о троице, не признавали икон.

Они выступали также против церковной знати, осуждая ее стяжательство. Для борьбы с ересью в 1490 г. был созван церковный собор, на котором присутствовали самые воинствующие представители церкви. Собор отлучил от церкви и предал проклятию участников этого движения и потребовал от царской власти их смерти. Проповедуя необходимость жестокой казни еретиков, духовные власти руководствовались в своей практике Кормчей книгой, являвшейся переводом византийского Номоканона (свод правил византийских императоров, касающихся церкви и церковных дел). В главах 31–33 «градского» закона, вошедшего в состав Кормчей, были положения, которым в течение многих столетий следовали духовные власти: «Аще жидовин, христианина раба имый, и обрежет его, да отсекут ему голову; аще жидовин или агарянин дерзнет развратити от христианской веры христианина, главней повинен казни, иже сподобився святого крещения и еретичествует и еллинствует, конечной муце повинен есть»[3].

С требованием смерти еретиков обратился к царю Ивану III и новгородский архиепископ Геннадий Гонзов, прозванный современниками «кровожадным устрашителем преступников против церкви». Геннадий был в восторге от испанских инквизиторов, особенно от его современника Торквемады, который за 15 лет своей инквизиторской деятельности сжег на кострах и предал различным наказаниям многие тысячи человек. Настаивая на казни еретиков, Геннадий писал в 1490 г. московскому митрополиту Зосиме: «Смотри, франки по своей вере какую крепость держат! Сказывал мне при проезде через Новгород посол цесарский про шпанского короля, как он свою землю очистил, и я с тех речей и список тебе послал»[4].

Геннадий советовал митрополиту Зосиме поставить деятельность «шпанского короля» Фердинанда и испанских инквизиторов в пример Ивану III. Но еретики своей агитацией против церковного землевладения и церковной знати облегчали Ивану III борьбу за ликвидацию крупного церковного землевладения, которую он вел в интересах светских феодалов и служилых людей. Поэтому он ограничился лишь наказанием еретиков. Их били кнутом, а затем отослали к новгородскому епископу для осуждения церковным собором. Осудив еретиков и предав их проклятию, Геннадий, по примеру полюбившихся ему католических инквизиторов, устроил еретикам позорный въезд в Новгород. За 40 километров от города их посадили в шутовской одежде на коней «хребтом к глазам конским», т. е. задом наперед, на головы им надели берестяные шлемы с надписью «Се есть

сатанино воинство» и в таком виде возили по городу. Городские жители обязаны были плевать на еретиков и говорить: «Это враги божьи и христианские хулители». В заключение на их головах были сожжены берестяные шлемы. Некоторых еретиков, как рассказывает летопись, по требованию Геннадия сожгли на Духовском поле, а других он послал в заточение[5].

* * *

После разгрома новгородского антицерковного движения его центр перешел в Москву. Во главе этого движения стали Федор и Иван Курицыны. Они выступали против монашества, критиковали «творения» отцов церкви, но не посягали на основы христианства. Суровым и непримиримым гонителем этого движения был игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин (Волоцкий). Он был представителем воинствующей церкви, сторонником сильной светской власти, создателем теории божественного происхождения царской власти. Подобно новгородскому архиепископу Геннадию, Иосиф хорошо знал практику испанской инквизиции, восхищался ее деятельностью по борьбе с ересями и пытался перенести на русскую почву теорию и методы ее борьбы.

Иосиф обрушил на еретиков немало богословско-полемических «Слов», написанных в злобно воинствующем духе. В них много общего с писаниями францисканских монахов, боровшихся в XIII в. с ересью альбигойцев. Настаивая на казни еретиков, Иосиф доказывал, что даже те из них, которые, убоявшись смерти, покаялись, не заслуживают помилования и прощения. В «огненных казнях» и тюрьмах Иосиф видел «ревность» к православной вере. Он проповедовал, будто руками палачей казнит еретиков сам «святой дух». Убеждая царя в необходимости физического уничтожения еретиков, Иосиф говорил, что «грешника или еретика руками убить или молитвой едино есть» и что казнить еретика – значит «руку освятить». Иосиф призывал всех «истинных христиан» «испытывать и искоренять лукавство еретическое» и грозил строгим наказанием тем, кто «не свидетельствовал», т. е. не доносил, на еретиков. Вслед за католическими инквизиторами Иосиф учил, что в борьбе с еретиками допустимы все средства – обман, хитрость, ложь, предательство. Одно лишь сомнение в законности сожжения противников церкви этот инквизитор считал «неправославным». Необходимость суровых мер против еретиков Иосиф подтверждал примерами из ветхозаветной истории. Он ссылался также на примеры из жизни представителей церкви, например Льва

Катежского, который якобы одной своей епитрахильей сжег еретика Лиодора. Иосиф обращался также к «градским» законам, вошедшим в состав Кормчей книги, которые предписывали карать смертной казнью за переход из православия в другую религию. Жестокие «градские» законы, преследовавшие свободу совести, Иосиф называл «божественным писанием», подобным так называемым пророческим и апостольским книгам. Одобрив и освятив церковным авторитетом эти инквизиторские законы, духовные власти постоянно пользовались ими в борьбе с антицерковным движением.

Московских еретиков судил церковный собор 1504 г. По настоянию собора наиболее активных еретиков – Ивана Волка, Михаила Коноплева и Ивана Максимова сожгли в клетке в Москве, а Некраса Рукавова – в Новгороде, предварительно отрезав ему язык. Духовные инквизиторы во главе с митрополитом Симоном настояли еще на сожжении юрьевского архимандрита Кассиана. Его брат Иван Черный бежал «в немцы».

Кровавый террор против участников антицерковного движения на этом не закончился. Иосиф продолжал выискивать их и предавать их суровому наказанию. Уступая Иосифу, царь Василий Иванович, как сообщает летопись, велел оставшихся еретиков «в темницы вметати до конца живота их».

После расправы с еретиками на соборе 1504 г. Иосиф стал знаменем воинствующей церкви – «презлых иосифлян», боровшихся с участниками антицерковного движения посредством духовного и светского меча. За заслуги перед светской властью и церковью Иосиф в 1591 г. был объявлен общерусским «святым».

* * *

После Иосифа во главе церковников, настаивавших на казнях противников церкви, стал московский митрополит Даниил. Пытаясь теоретически обосновать необходимость таких казней, Даниил в своих проповедях приводил слова Иоанна Златоуста, оправдывавшего казнь «по воле божьего человеколюбия», а также епископа Емесского Евсевия, учившего, что «убийство бога ради несть убийство».

В обоснование своих взглядов Даниил ссылался и на блаженного Федорита, говорившего, что и Моисей велел убивать лжепророков. Даниил предлагал сеять вражду и раздоры среди противников церкви – «богонаученное коварство», чтобы с ними легче было разделаться.

Участников антицерковного движения Даниил называл «хулителями имени божьего». Он доказывал, что еретики – враги не только церкви, но и государства. Запрещая общение с еретиками, Даниил старался вызвать к ним чувство «совершенной ненависти». Он убеждал правящие классы «воззревать против врагов божьих» (так он называл сторонников антицерковного движения) «божественной ревностью и проявлять к ним праведную ярость»[6]. Он подчеркивал также, что право судить еретиков и присуждать их к суровым наказаниям принадлежит церковной власти. Обязанность же светской власти – беспрекословно выполнять решения церковных соборов и церковных иерархов[7].

Церковь обрушила свой меч и на так называемых нестяжателей Максима Грека и Вассиана Патрикеева. Максим Грек раньше сам выступал за смертную казнь еретикам. Так, он умолял церковный собор предать смертной казни Исаака Жидовина, смутившего, по его словам, Христову паству[8]. Но он был противником церковного землевладения и беспощадной эксплуатации трудившихся на церковно-монастырских землях крестьян. Вассиан Патрикеев, стоявший во главе боярской оппозиции, также обличал стяжательство монастырей, ибо владение землей, по его словам, развращает монахов, заражает их «ненасытным сребролюбием». В своих произведениях Вассиан писал об эксплуатации монастырских крестьян, которые, по его словам, жили в последней нищете.

Вассиан и Максим Грек критиковали крепостнический быт церковных вотчин и стремились склонить великого князя к отчуждению церковных и монастырских земель, что и вызвало ненависть к ним церковных иерархов. Максим Грек предстал перед церковным собором в 1525 г. Его признали «злохулительным еретиком» и заключили в тюрьму Волоколамского монастыря. Максиму Греку запретили писать, мучили голодом, морозом и, как отмечает один источник, он «от дыма и от горести темничные был яко мертв». В таких условиях Максим пробыл шесть лет. В 1531 г. он был привезен в оковах в Москву и предстал перед судом нового церковного собора. Здесь в его сочинениях нашли «хулу на господа бога и богородицу» и обвинили в том, что он составлял «писания хульные и еретические», критиковал церковные уставы и законы, что он еретик и чернокнижник. Церковный собор осудил Максима как «хульника и Священного писания тлителя» и сослал в оковах в Тверской Отрочь монастырь, где его заточили в каменный мешок.

В ереси обвинили и помощников Максима по исправлению книг – Михаила Медоварцева и Сильвана. Медоварцев был сослан

в Коломну, а Сильван в Волоколамский монастырь, где его «уморили дымом». На этом же соборе еретиком был объявлен «князь-инок» Вассиан, противник церковного землевладения. Он также попал в каменный мешок Волоколамского монастыря и в «прегорчайшей темнице» умер от голода и дыма. Сделано это было по приказу митрополита Даниила.

Вскоре в руках инквизиторов оказался игумен Троицкого монастыря Артемий – противник церковной знати и церковного землевладения. Он писал об этом царю и умолял его в интересах самой церкви отобрать ее имения. Артемия судил церковный собор 1553 г. Его обвинили в ереси и сослали в Соловецкий монастырь с предписанием «пребывать ему внутри монастыря с великой крепостью, в келье молчательной».

На церковном соборе 1554 г. как «безбожного еретика и отступника православной веры» осудили Матвея Башкина. Он считал, что рабство несовместимо с принципами истинного христианства, и говорил о необходимости уничтожить холопство, так как «Христос всех братией нарицает»[9]. Башкин подверг критике церковные каноны и догмы: отрицал божественное происхождение Иисуса, не признавал «угодников» и поклонения иконам.

Башкина подвергли пыткам и заставили признаться в еретичестве. Как передают некоторые источники, по приговору церковного собора Башкина посадили в деревянную клетку и сожгли. Его сторонники были разосланы по монастырям в строгое заключение[10].

Не прошло и года, как вновь собрались церковные иерархи. На этот раз они судили Феодосия Косого, выдающегося идеолога социальных низов середины XVI в. Феодосий Косой учил, что не следует повиноваться попам и властям, он призывал на борьбу за уничтожение церковного и светского гнета и коренное переустройство общества. Церковный собор приговорил Феодосия к тяжкому наказанию, но ему удалось вырваться из цепких лап инквизиторов и бежать в Литву.

Кровавый террор по отношению к еретикам и другим противникам церкви получил широкое распространение и нашел отражение в народном творчестве. В былине о Добрыне Никитиче рассказывается, например, как он «учил» жену свою Марию Игнатьевну – еретичку, безбожницу: «Сперва отсек руки и ноги, а затем голову. И этот язык не надобен, Знал он дела еретические»[11].

* * *

По мере того как ограничивались права церкви, обязанность бороться с ересями принимала на себя государственная власть, осуждение же церковных противников по-прежнему производилось иерархами церкви. При содействии и по настоянию московских митрополитов Даниила и Макария «церковные мятежники» стали рассматриваться как государственные преступники. На борьбу с «обидящими церковь» государство ополчилось в контакте с представителями церкви. На стоглавом соборе 1551 г. епископы просили царя строго наказывать еретиков «градским» судом. Просьба церковных иерархов была выполнена. Царем был издан указ «о великой царской опале на еретиков по градским законам, а от святителей духовным запрещением»[12]. Наказание по делам об еретичестве по-прежнему устанавливалось церковным судом, светские же суды были их исполнителями. Г. К. Котошихин, живший в XVII в. и известный своим сочинением «О России в царствование Алексея Михайловича», так рассказывает о существовавшей в XVII в. системе террора по отношению к церковным противникам: «…а кого у них (т. е. в судах патриарха и церковных властей. – *Е. Г.*) за духовные дела… осудят на смерть, кто какую заслужил, и они, из дела выписав приговор свой, посылают с теми осужденными людьми в царский суд, и по тому их приговору из царского суда велят казнить без задержания, кто чего достоин». Пытки обвиняемых также производились по требованию духовных властей[13].

Требования кровавой расправы над церковными противниками отразились и на законодательстве XVII в. В Соборном уложении 1649 г. критика церкви и ее догматов рассматривалась как богохульство и каралась сожжением на костре. Так же наказывались «без вся кого милосердия» и другие выступления против религии и церкви – переход в «басурманскую» веру, святотатство и др. По свидетельству иностранца Петрея, врагов церкви, «святотатцев», сажали на кол, после смерти тело снимали с кола, выносили за городские ворота и сжигали, а пепел засыпали землей[14]. По указу 1684 г. смертной казни через сожжение предавались еретики, которые «отшатнулись от церкви и чинят соблазн и мятеж», а также «перекрещенцы».

Церковники уверяли, будто начиная с Петра I в России признавалась свобода совести. В доказательство они приводили слова Петра из указа от 16 апреля 1702 г.; царь-де не желает приневоливать совесть человеческую и предоставляет каждому христианину на его ответственность «пещись о блаженстве своей души»; никакому государю не позволено оную силой в другую

веру «принуживать»[15]. В действительности было не так. И в петровских законах отразилась непримиримая вражда церкви к ее противникам. Выступление против господствующей церкви, критика ее догматов и обрядов рассматривались как «богохуление». «Хулители веры, – говорил Петр, – наносят стыд государству и не должны быть терпимы, поелику подрывают основание законов». Виновным выжигали язык раскаленным железом, а затем их предавали смерти. В «Воинских артикулах» было записано, что смертью наказывались также и те, кто не доносил на еретиков, ибо они считались «причастниками богохуления»[16].

Нетерпимость церкви и царской власти к церковным противникам в петровский период ярко проявилась в деле переписчика книг Григория Талицкого (1701 г.). Талицкий отличался начитанностью и хорошо разбирался в богословских вопросах. Выражая взгляды людей, отрицательно относившихся к петровским реформам, Талицкий проповедовал, что в лице Петра появился антихрист и что наступает конец мира. Он резко критиковал деятельность Петра, призывал народ не платить податей, не выполнять государственных повинностей, стремился поднять восстание против Петра. Свои взгляды Талицкий изложил в «тетрадках», которые раздавал народу. Церковный певчий Федор Казанец донес на Талицкого, и по этому доносу Талицкого арестовали. При обыске у него были найдены доски с текстом его обращения к народу. В этом обращении он критиковал также и православную церковь, говорил о близкой кончине мира и возмущал народ против Петра и его реформ. Талицкого подвергли пыткам. Не стерпев их, он покаялся, т. е. признал себя виновным. Талицкий назвал при этом 17 своих сторонников, в числе их князя И. И. Хованского и тамбовского епископа Игнатия.

Правительство и церковь придали большое значение осуждению взглядов Талицкого, так как они получили в народе широкое распространение. Митрополит Стефан Яворский по поручению царя написал особое «увещание», в котором подверг учение Талицкого резкой критике. Талицкого обвинили в том, что он «с великой злобой и бунтовским коварством» писал «письма плевельские о пришествии антихриста», и приговорили к казни копчением. Во время свершения этой мучительной расправы на место казни поднимались для допроса и напутствия священник Преображенского приказа и начальник последнего Федор Плещеев. После казни Талицкого еще четвертовали. В месте с Талицким казнили и его сторонников: Артамона Иванова, Савина, попов Луку и Андрея. «Тетрадки» Талицкого, в которых он

осуждал церковь и петровские реформы, были сожжены[17].

* * *

Мучительная казнь не приостановила распространения учения Талицкого, оно было очень популярно среди простого народа. Митрополит Стефан Яворский, ближайший помощник Петра, возглавлявший кровавый террор над церковными противниками, пытками и казнями вызвал к себе всеобщую ненависть. Стефан составил также «Камень веры» – обличительное сочинение, в котором он доказывал право церкви на физическое уничтожение еретиков. «Иного на еретиков врачевания нет паче смерти», – писал он. Преданный ему новгородский митрополит Иов рассказывал, что по приказу Стефана в Новгороде было арестовано 12 человек и многие из них «зело жестоко пытаны и рваны». По его же настоянию в 1713 г. подвергся преследованию лекарь Дмитрий Тверитинов. Это был просвещенный человек своего времени. Изучая Библию на латинском языке, Тверитинов выбрал из нее до пятисот текстов в подтверждение своих взглядов; он был сторонником известных преобразований в русском обществе, особенно среди духовенства. Тверитинов отвергал значение церковного предания, культ святых, мощей, поклонение иконам. Он обличал «пастырей лживых», как он называл священников, не признавал монашества, считал недопустимым для церкви владеть богатствами, в первую очередь имениями и крепостными. Выступая против религиозного догматизма, Тверитинов едко высмеивал религиозные суеверия, распространявшиеся духовенством, осуждал церковные обряды, являвшиеся часто причиной болезней. Своих взглядов Тверитинов не скрывал, так как он поверил Петру, будто в России возможно открыто исповедовать свои религиозные убеждения: «Ныне у нас повольно всякому, кто какую веру изберет, в такую и верует», – говорил он.

Этому поверили и его ближайшие сторонники Иван Максимов и Михаил Косой. Однако скоро им пришлось убедиться в своем заблуждении. Тверитинова и его последователей обвинили в том, что они «рассеивают» среди «неискушенного народа» «плевелы соблазнительные». Сперва арестовали Ивана Максимова, который-де «острыми укоризнами и невежливыми речениями укорял православные догматы». Максимова заключили в колодническую палату при патриаршем дворе, а после первых пыток перевели в Преображенский приказ, где пытали вторично. Не выдержав пыток, Максимов выдал своего учителя Тверитинова

и его учеников – цирюльника Фому Иванова, фискала Михаила Андреева и «торгового человека» Никиту Мартинова.

Вначале Сенат, рассматривавший дело московских рационалистов, отнесся к еретикам снисходительно и потребовал от них лишь отказа от их религиозных взглядов, шедших вразрез с учением господствующей церкви. Но против такого отношения к еретикам возражал Стефан Яворский. Он обратился с письмом к Петру, в котором доказывал необходимость применения к еретикам пыток. «Что же речем о допросах? – писал он. – Допросы обычно бывают ради известия истины. Аще же вопрошаемый начнет запираться, то надобно или достоверных свидетельств или пытки»[18]. Чтобы собрать обвинения против Тверитинова и его учеников, Стефан обратился к народу с «увещеванием». Под угрозой церковного проклятия он призывал «православных» доносить на еретиков. «Увещевание» сделало свое дело, и на Тверитинова посыпались «обвинительные сказки», главным образом от духовенства. Всех обвиняемых заключили в тюрьмы: Тверитинова – в колодническую палату московского духовного приказа, а его ближайшего ученика Фому Иванова – в московский Чудов монастырь, где держали «на цепи со стулом». В цепях их приводили в церковь и предавали анафеме. Стефан обвинял Тверитинова и его учеников в том, что они пытались отторгнуть простой народ от церкви и что делали они это «по злобе на церковь». По поводу «лукавого дела» начались расспросы, пытки, церковные проклятия. По распоряжению Стефана из 39 допросов был сделан «экстракт», и вместе с «правилами святой церкви» о необходимости сурового наказания еретиков материалы были переданы церковному собору.

Тем временем пытки продолжались. Первым не выдержал Фома Иванов. Когда его вели из тюрьмы в церковь, чтобы предать церковному проклятию, он схватил косарь (топор) и на глазах духовенства и народа изрубил икону Алексия. Его немедленно подвергли церковному проклятию, перевели в духовный приказ, где по распоряжению Стефана вновь пытали. Сгущались тучи и над головой Тверитинова. Стефан обвинял его в том, что он широко распространял свои еретические взгляды, что он размножал и раздавал свои «народно – развратные пункты».

24 октября 1714 г. в патриаршей крестовой палате собрались архиереи, архимандриты и попы для соборного суда над Тверитиновым и его учениками. Собор перечислил их «богомерзкие и богохульные ереси», трижды пропел им анафему, а затем передал обвиняемых светскому суду. Заклиная «страшным судом божиим», собор требовал от светской власти «сии богоненавистные еретические плевелы конечно истребить не

только духовным судом, но и судом гражданским». 30 декабря 1714 г. Фому Иванова подвергли жестокой казни. В Москве, на Красной площади, построили сруб, куда поместили Иванова, и зажгли его. Перед казнью был зачтен приговор. Иванова осудили за то, что он возложил хулу на иконы и мощи угодников, на причастие, был противником церкви, врагом и богоотступником. Сперва сожгли его руку с косарем, которым он разрубил икону, затем в срубе сожгли его самого. При совершении казни Иванов держался с величайшей твердостью и не принес, как от него требовали, покаяния. Суровость наказания Стефан Яворский оправдывал необходимостью «угасить всенародный мятеж», вызванный, по его словам, учением Тверитинова.

Стефан Яворский и другие церковные иерархи настаивали на суровом наказании и Тверитинова как еретика и великого злодея не только церкви, но и государства. Однако вопреки их требованиям Петр освободил Тверитинова от наказания. Его ученика Михаила Косого сослали в Тобольск, а оттуда в Обдорск в крепкое заточение «на хлеб и на воду»[19].

* * *

Прошло несколько лет, и в 1722 г. вновь запылал в Москве костер. Отставной капитан Василий Левин произносил против церкви «злые и возмутительные слова» и не признавал икон. Подобно Талицкому, он говорил, что Петр – антихрист, и призывал народ не повиноваться ему. Левина подвергли пыткам – подняли на дыбу и дали одиннадцать ударов. Как богохульника и противника власти Левина казнили в Москве, на Болоте: ему отсекли голову, а затем сожгли туловище. Голова Левина была отправлена в Пензу, туда, где он проповедовал свои взгляды. Здесь ее выставили для всеобщего обозрения, на страх другим. Вместе с Левиным казнили еще четырех его сторонников. Их обвинили в том, что они знали об «еретичестве» Левина, но не донесли на него. Их головы были выставлены в Пензе рядом с головой Левина. После казни Синод хотел уничтожить монастырь, где жил Левин, но это требование даже царским палачам показалось жестоким и ненужным[20]. Однако всех монахов монастыря долго содержали под арестом в «земельном хладе».

В 1721 г. в Новгороде судили новгородского дьячка Василия Ефимова за то, что он, рассказывая о виденном им якобы чуде, «вместо славы нанес хулу имени божьему». Несчастного дьячка сожгли публично в Новгороде, о чем сообщил Синоду

новгородский архиерей. Но и после смерти дьячок казался церковникам опасным: его останки – голова и кости, способные якобы вызвать в народе «соблазн», по распоряжению Синода были отобраны у родственников и сожжены вторично, а прах был развеян[21].

Духовное ведомство всюду видело мятеж против церкви и настаивало на суровых мерах для искоренения «злых плевел». По поручению Синода петербургский митрополит Гавриил представил в Уложенную комиссию 1767 г. свои соображения о том, как бороться с церковными противниками. Гавриил предложил виновных смирять прежде всего публично – одевать в позорную одежду и выставлять как преступников на всеобщее осмеяние. Затем им следовало дать 30 ударов струнными «кошками» о двенадцати хвостах, выжечь каленым железом клеймо – буквы ЗБХ (злобный богохульник) и сослать навечно в каторгу, где использовать на самых тяжелых работах «вместо скотов»[22].

Жестокость этого наказания Митрополит Гавриил объяснил тем, что отступление от православной церкви, безверие и богоотступничество являются заразой для государства. Предложения митрополита – изувера, одобренные предварительно Синодом, нашли широкое применение. Еще в 1785 г. в местечке Крупца на Волыни крестьянина Генриха Немирича обвиняли в том, что он «безбожный оскорбитель тела и крови Христовой». По настоянию церковников его предали суду, и суд вынес решение: «Отдать его под меч палача… предать тело четвертованию, а перед тем живцом вырвать язык… и драть пасы (полосы) из тела, затем все тело порубить на мелкие куски и раскидать по дорогам в пищу диким зверям» [23]. Этот зверский приговор был одобрен и представителями церкви.

Духовные власти пытались канонически и юридически обосновать инквизиционные методы расправы с церковными противниками. Положение, выдвинутое еще Иосифом Волоцким, будто царский суд обязан своим мечом «искоренять еретический злой плевел в конец», на долгие годы вошло в практику светской власти, защищавшей всем своим карательным аппаратом неприкосновенность и исключительность положения казенной церкви, этой, по образному выражению В. Г. Белинского, «опоры кнута и угодницы деспотизма» [24].

Монастырские тюрьмы

Многие монастыри России служили тюрьмами, в которые заключались лица, обвиняемые в религиозном свободомыслии, участники антицерковных движений, а также боровшиеся против самодержавия. Монастырское заключение – одно из самых тяжких наказаний, применяемых православной церковью с давних пор. Так, в Никоновской летописи рассказывается, что еще в начале XI в. еретики заключались в погреба архиерейских домов. Особенно переполнены монастырские тюрьмы были в XVII–XVIII вв., когда выступления за свободомыслие часто принимали религиозную окраску. Немало лиц, обвиненных в антицерковных и политических выступлениях, содержалось в монастырских казематах и в XIX в.

Самыми страшными из монастырских застенков были земляные тюрьмы. Там держали наиболее опасных для церкви и царизма преступников – «раскольников и церковных мятежников». Земляные тюрьмы представляли собой вырытые в земле ямы, в которые затем опускались деревянные срубы. Поверх земли делалась кровля с небольшим оконцем для передачи пищи. В такой земляной тюрьме томился один из вождей раскола, протопоп Аввакум. «Еретики – собаки, – говорил он, – как-то их дьявол научил: жива человека закопать в землю»[25]. На него надели еще «чепь со стулом», которые он носил в течение всего заключения в монастырской тюрьме. В такую же яму по приказанию патриарха Иоакима были брошены в оковах участники соловецкого восстания 1668–1676 гг.

Во многих монастырях узников помещали в особые каменные мешки. Например, в Прилуцком монастыре Вологодской губернии каменные мешки представляли собой узкие каменные шкафы, возведенные в несколько этажей внутри монастырских башен. Каменные мешки были изолированы друг от друга, их окна и двери заделывались кирпичом, оставлялось лишь небольшое отверстие для передачи узнику пищи и воды. Каменные мешки имел также Спасо-Каменский монастырь Вологодской губернии, основанный в 1260 г. Тюрьмой здесь служили монастырские башни. Из этих тайников узники редко выходили на волю. Сибирский селенгинский Троицкий монастырь также был известен бесчеловечными условиями содержания узников. В одиночных казематах – «каютах», в «заклепных железах» несчастные жертвы часто сходили с ума. Еще в 1770 г. в такой «каюте» селенгинского монастыря был обнаружен подпоручик Сибирского пехотного полка Родион Колев, просидевший в ней в

кандалах 25 лет и сошедший с ума[26].

В каменном мешке макарьевского Унженского монастыря Костромской губернии был заточен в 1757 г. основатель религиозной секты Тихон Смурыгин. По предписанию Синода его заковали и вели «наикрепчайшее смотрение о неимении им прежнего злого действия»[27].

* * *

Широко известны были тюрьмы Соловецкого монастыря, основанного в первой половине XV в. Каменные мешки в монастырских башнях и стенах этого монастыря имели форму усеченного конуса длиной около трех метров, шириной и высотой по два метра, в узком конце – один метр. В верхних этажах Головленковской башни Соловецкого монастыря каменные мешки были еще теснее: 1,4 метра в длину, 1 метр в ширину и высоту. Маленькое оконце служило не для освещения, а только для подачи пищи. В таком мешке нельзя было лежать, узник спал в полусогнутом состоянии. Сюда заключали узников «безысходно», т. е. на всю жизнь, никакой связи с внешним миром они не имели.

Помещая свои жертвы в эти страшные тюрьмы, синодальные инквизиторы обычно писали: «Посадить его (т. е. заключенного) в Головленковскую тюрьму вечно и пребывати ему в некоей келий молчательной во все дни живота и никого к нему не допускать, ниже его не выпускать никуда же, но точно затворену и зоточену быть, в молчании каяться о прелести живота своего и питаему быть хлебом слезным»[28]. В таких нечеловеческих условиях узники пребывали в течение многих лет, пока смерть не приносила им избавления.

В башне Соловецкого монастыря, носившей название Корожня, тюремные кельи были устроены на каждом этаже. Это были маленькие и темные каморки с небольшими отверстиями вместо двери, через которые узник с трудом мог пролезть внутрь. Еще в XIX в. местные жители рассказывали о суровом режиме в этой тюрьме – заключенных морили дымом, замуровывали, пытали (для пыток служил нижний этаж башни). Тюрьма Соловецкого монастыря постоянно расширялась. В 1798 г. под тюрьму было приспособлено выстроенное ранее здание, а в 1842 г. и этого оказалось мало: для узников построили специальное трехэтажное здание и особые казармы для тюремной охраны. В новой тюрьме в полуподземном нижнем этаже были небольшие чуланы, без лавок и окон, куда помещали особо важных преступников.

Среди монастырских тюрем первое место, особенно в XIX в., занимала тюрьма при суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре, основанном около 1350 г. Эта тюрьма существовала с 1766 г. и с ростом антицерковного движения все время расширялась. В 1824 г. под тюрьму было переделано старое помещение духовной семинарии, находившееся за крепкими монастырскими стенами. В 1889 г. к тюрьме был присоединен каменный флигель на 22 одиночные камеры[29].

Тюремные помещения были и в других монастырях – Антониево-Сийском на Северной Двине, Новгород-Северском, Кирилло-Белозерском и др. Кирилло-Белозерский монастырь, основанный в 1397 г., известен как место ссылки и заключения опальных бояр и церковников. Здесь побывали в XVI–XVII ее. князья Воротынские, Шереметьевы, Черкасские, советник Ивана IV Сильвестр, князь Шуйский, митрополит Иосиф, патриарх Никон. В монастыре была еще особая тюрьма около Косой башни, в которую помещали за «слова и дела против царя», за «сумасбродство», за раскол и сектантство. В 1720 г. в эту тюрьму за «непристойные слова» попал Иван Губский – его велели содержать в кандалах и использовать на монастырской работе «до скончания века». Еще в 1856 г. в этой тюрьме сидел лодзинский учитель Миневич, осужденный в 1839 г. за «возмущение крестьян против правительства»[30].

В петербургский Александро-Невский монастырь помещали особо важных раскольников, захваченных церковными следователями и доказчиками в разных местах. Следствие над ними вели синодальные инквизиторы. Отсюда узники часто попадали в Тайную канцелярию для «дознания истины», т. е. для пыток. Каменные мешки были и в московском Симонове монастыре. Женщин держали в тюрьмах таких монастырей, как суздальский Покровский, Долматовский, Кашинский, Иркутский, Рождественский и др. В Орловской губернии раскольников заточали в монастырь в селе Столбове Дмитровского уезда. Особое здание для «колодников» было выстроено в 1758 г. при московском Сретенском монастыре.

«Церковных мятежников» часто помещали в монастыри, где не было специальных тюремных зданий. Например, в 1760 г. в Берлюков монастырь был отправлен после наказания плетьми крепостной крестьянин Иван Варфаломеев «за богохульные и тяжко предерзостные хульные речи на евангелие». Он жил под караулом и выполнял самые тяжелые монастырские работы[31]. Специальное помещение для узников имели и архиерейские дома. Например, в Коломенском епископском доме, как рассказывает Павел Алепский, была большая тюрьма с железными

колодками для преступников. По условиям заключения эта тюрьма не уступала Соловецкой. Узников держали также в подвалах московских Успенского и Преображенского соборов[32]. В Троице-Сергиевой лавре, кроме подвала, имелись еще особые кельи, без дверей, с одним лишь отверстием. В Москве подследственных содержали в тюрьме, устроенной в подвале консисторского архива, а также в особой палате Знаменского монастыря. В 1758 г. находившихся здесь колодников перевели в Сретенский монастырь, где для них было построено особое тюремное здание.

* * *

В монастырских тюрьмах режим был более суровый, чем в каторжных. Роль тюремщиков выполняли сами монахи, они же наблюдали за приставленными сторожами, а комендантом монастырской тюрьмы был архимандрит, обладавший неограниченной властью. Главным тюремщиком Спасо-Евфимиева монастыря был известный архимандрит Серафим Чичагов, в прошлом полковник царской армии. За организованный им жестокий тюремный режим его обласкал царь и назначил орловским архиепископом. Режим в Соловецкой тюрьме был также настолько суров, что в 1835 г. правительство назначило специальную ревизию этой тюрьмы, так как в обществе много говорили о бесчеловечных условиях содержания в ней узников. Проводивший ревизию жандармский полковник Озерецковский был вынужден признать, что узники Соловецкой тюрьмы несли наказание, значительно превышавшее их вины. В результате ревизии некоторые узники были освобождены, других из монастырской тюрьмы перевели в обычные кельи. Облегчение режима продолжалось, однако, недолго. Камеры Соловецкой тюрьмы вскоре вновь заполнились узниками.

В монастырскую тюрьму попадали и такие лица, как новгородский архиепископ и первый вице-президент Синода Феодосии Яновский – соперник и враг всесильного архиепископа Феофана Прокоповича. Феодосий Яновский боролся против ограничения церковной власти и подчинения ее государству, против попыток отобрать у церкви ее имения. Он говорил, что введение монастырских штатов 1701 г. является порабощением духовных пастырей, что «пасомые овцы власть над пастырями возымели» и что неожиданная смерть Петра I была небесной карой за присвоение им власти над духовенством. «Только коснулся он духовных дел и имений, – писал Феодосий, – как бог

его взял». Особой присягой он обязал подчиненных ему служителей церкви бороться против ограничения церковной власти, против «тиранства над церковью». Феодосия обвинили в «злохулительных» словах против Екатерины I, в «предерзостных упротивностях», а также в расхищении церковных ценностей. 12 мая 1725 г. с Феодосия сняли архиепископский сан и вместо смертной казни сослали в Николаевско-Корельский монастырь. Здесь его поместили в каменную тюрьму под церковью, в которой предварительно был снят деревянный пол и разрушена печь. Камеру запечатали особой печатью, и узника стали называть «запечатанным старцем». Пищей ему служили хлеб и вода. Феодосий не выдержал тяжести заключения и вскоре умер[33]. Секретаря Феодосия Семенова обвинили в том, что он знал о «злохулительных словах», которые произносил Феодосий, и не донес на своего «владыку». За «укрывательство» ему отсекли голову[34].

В 1661 г. ростовский митрополит Иона рассматривал дело о «церковных развратниках» – ростовском портном Богданове и его учениках, посадском человеке Федоре Логинове и огороднике Постникове. Их обвинили в том, что они не ходят в церковь, не выполняют церковных обрядов, оскорбляют иконы, мощи называют куклами, священников – мучителями, а патриарха Никона – лживым отцом, предтечей антихриста. По окончании следствия митрополит Иона передал обвиняемых светскому суду. По настоянию митрополита их подвергли допросу «с пристрастием», т. е. пытали. Во время жестоких пыток Богданов держался мужественно и не отказался от своих убеждений. За «неистовые речи и развратие церковного устава» Богданова отправили в Кандалажский монастырь на Кольском полуострове с предписанием держать с «великим бережением». Он был заключен в каменный мешок, где находился в кандалах, лишенный света, мучимый холодом и голодом.

У ростовского архиерея Георгия Дашкова были немалые «заслуги» перед самодержавием – он принимал активное участие в подавлении астраханского стрелецкого восстания 1706 г. Но Дашков выступал против ограничения имущественных прав церкви, пытался восстановить патриаршество, возмущался всесильным Феофаном Прокоповичем, осуждая его жестокость. «Сколько людей погубил Феофан совершенно напрасно, – писал он, – измучил, сжег медленным огнем, подверг пыткам и заточениям без всякого сострадания и сожаления». В 1734 г. Георгия Дашкова обвинили в выступлении против правительства, во взяточничестве и разорении епархии. Его лишили сана и сослали «под крепкое смотрение» в вологодский Спасо-Каменский

монастырь на Кубенском озере, но и здесь Дашков не перестал осуждать правительство за ограничение им церковных привилегий. За «неспокойствие и подозрение» его отправили за 7000 километров в Нерчинский монастырь для содержания в одиночном заключении «до смерти, неисходно»[35].

* * *

В монастырских тюрьмах узники часто были закованы в ручные и ножные кандалы, прикованы к стене или к деревянной громадной колоде, подвергались «смирению по монастырскому обычаю». «Смирение» выражалось в том, что узников сажали на цепь, наказывали батогами или плетьми, изнуряли тяжкими монастырскими работами. Для усиления наказания на узников часто надевали «рогатки» – железный обруч вокруг головы, закрывавшийся под подбородком на замок при помощи двух цепей. К обручу приделывались перпендикулярно несколько длинных железных щитов. Рогатка не позволяла узнику лечь, и он вынужден был спать сидя. Такой режим применялся к узникам, считавшимся особо опасными для самодержавия и церкви.

Инквизиционное хозяйство монастырей было самое разнообразное: оковы большие и малые, ручные и ножные, рогатки, кнут, ременные плети, шелепы (расширявшиеся на конце лопатообразные дубинки), батоги. Все это приобреталось на церковные деньги и хранилось в консисторских и монастырских тюрьмах. Цепи были неотъемлемой принадлежностью всех судебных дел, которые вели духовные власти. Выражения «посадить на большую цепь», «содержать в цепи» встречаются во многих памятниках. Узников подвергали наказанию на особом лобном месте, существовавшем во многих монастырях. Характер наказания зависел от усмотрения архимандрита. Виды монастырского «смирения» перечислены в одной сатирической челобитной XVII в., имевшей широкое хождение в рукописных списках. «А в Калязине обитель не малая, – читаем в челобитной, – казна большая, после мору старых лет в запасе осталось, в хлебне по подлавичью стулья да чепи валяются, в мукосейке по спицам шелепы да плети висят, в караульне по подлавичью снопы батогов лежат, а у нас, богомольцев твоих, от того страху они не видят, а у малодушных за плечами кожа вертится, от того и ночью не спится»[36].

В монастырских тюрьмах за узниками велось постоянное наблюдение. Монахи-тюремщики производили обыски, выискивая «зловредные тетрадишки и письма», так как узникам было

запрещено писать. Они следили, чтобы узники не общались между собой и с караулом. Беспокойным узникам, нарушавшим суровые тюремные правила, монастырские тюремщики вкладывали в рот кляп; его вынимали только при принятии пищи. Для испанской инквизиции типичен кляп в форме груши, которая могла раздвигаться во рту. Кляп, применявшийся в монастырских тюрьмах, был проще по конструкции, но действовал не хуже испанского, когда надо было заставить узника замолчать.

В 1728 г. в один монастырь был послан иностранец Яков Иванов, принявший незадолго до того православие. Он обвинялся в том, что произносил «сумасбродные слова». Чтобы лишить его этой возможности, ему всунули в рот кляп. Такой режим предписывался и специальными инструкциями Синода: «…а если оный колодник станет произносить важные и непристойные слова, то класть ему в рот кляп и вынимать, когда пища будет дана, а что произнесет в то время, то все записывать и, содержа секретно, писать о том в Тайную канцелярию». Пищей для большинства заключенных были хлеб и вода, некоторым давался скудный тюремный паек. Среди узников были, впрочем, и привилегированные заключенные «благородного звания», которые получали пищу от своих родственников.

Рассматривая своих узников как арестантов, монастырские тюремщики хотели придать им и внешний арестантский вид. Так, архимандрит суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Серафим Чичагов пытался одеть своих заключенных в тюремную одежду. Синод, однако, был вынужден охладить рвение тюремщика, так как в монастыри часто ссылались лица без решений суда, в административном порядке. Формально они не лишались гражданских прав, поэтому обращаться с ними как с арестантами было признано неудобным. В 50-х годах XIX в. правительство в связи со слухами об изуверском отношении монахов-тюремщиков к своим узникам пыталось несколько смягчить режим в монастырских тюрьмах. Во главе арестантского отделения хотели поставить светского коменданта, а в придачу ему дать помощника из монахов. Но Синод решительно возражал против такой реформы и в монастырских тюрьмах все осталось по-старому: военная стража и тюремные служители были в полном подчинении архимандрита.

* * *

В монастырских застенках «для познания истины» заключенных нередко пытали. Епископ Георгий Конисский так

описывает практиковавшиеся в конце XVII в. казни и пытки: «Казни сии были – колесовать, четвертовать и на кол сажать, а самая легчайшая – вешать и головы рубить. Вины их изыскивались от признания их самих, к тому надежным средством служило препохвальное тогда таинство – пытки, которой догмат и поныне известен из сей пословицы русской – кнут не ангел, души не вынет, а правду скажет, и которая производилась со всей аккуратностью и по указанию Соборного уложения, сиречь степенями и по порядку, батожьем, кнутом и шиною, т. е. разожженным железом, водимым с тихостью или медлительностью по телам человеческим, которые от того кипели, шкварились и вздымались. Прошедший одно испытание поступал во 2-ое, а кто не выйдет живым, тот считался за верное виновным и веден на казнь»[37].

Чаще всего пытали поднятием на дыбу. Как описывает историк М. Снегирев, «поднятому на дыбу привязывали к ногам тяжелые колодки, на кои ставши палач подпрыгивал и тем самым увеличивал мучение: кости, выходя из суставов своих, хрустели, ломались, иногда кожа лопалась, жилы вытягивались, рвались и тем причинялись несносные мучения. В таком положении били кнутом по обнаженной спине так, что кожа лоскутьями летела»[38].

Пытки производились не только по усмотрению архимандрита, но и по настоянию епископов, которым подчинялись монастырские тюремщики. Так, епископ Холмогорский Афанасий в своей грамоте настоятелю Соловецкого монастыря прямо предписывал прибегать к пыткам, чтобы вырвать от узников нужное признание – «чистосердечное покаяние». Зная о таких монастырских порядках, архангельский губернатор в 1774 г. обратился к архимандриту Соловецкого монастыря с секретным письмом, напоминая, что пытки в монастырях формально законом не разрешались.

Впрочем, нельзя осуждать одних только монастырских тюремщиков за их жестокость – ведь этого требовали от них и Синод, и правительство. Инструкции Синода, на основании которых заключались в монастырские тюрьмы узники, были очень суровы. В них указывалось, в каких тюремных помещениях следовало держать заключенных, какой должен быть для них режим, какие меры следовало применять к тем, кто начнет «сумасбродничать» – одиночное заключение, карцер, лишение пищи, телесное наказание. В инструкциях глухо упоминалась также и «вина» заключенных: «За вину его, за дела, противные благочестию, за многие вины вместо смертной казни бить нещадно кнутом и сослать в монастырь».

В XIX в. режим в монастырских тюрьмах мало изменился. По-прежнему узникам запрещалось общение с монастырской братьей, из среды последней выделялись монахи для «увещевания», а по существу для систематического шпионажа за заключенными. Помимо инструкций от Синода, такие же инструкции получали монастырские тюремщики от высшей и местной администрации. Например, владимирский губернатор (ему подчинялся Суздаль, где находится Спасо-Евфимиев монастырь) требовал от монастырского начальства разные сведения о монастырских заключенных. Как видно из представленных сведений, узники не назывались по фамилиям, каждый числился под известным номером. Правом ссылки в монастырские казематы, помимо Синода, пользовались также губернские гражданские власти, местное церковное начальство. В 1835 г. ревизией Соловецкого монастыря были вскрыты значительные злоупотребления и произвол. Тогда был издан указ, запрещающий сажать в монастырские тюрьмы без особого разрешения верховной власти. Но на практике этот порядок не соблюдался.

* * *

Кого же и за какие «вины» заключали в монастырские тюрьмы? Ответ на этот вопрос дают секретные донесения монастырских тюремщиков. На первом месте были лица, выступавшие против господствующей православной церкви, против ее деспотизма в вопросах веры, за свободу совести: старообрядцы и сектанты, отступившие от православной церкви, осужденные «за вольные мысли насчет нравственности и религии», за непризнание «угодников», за отказ от исповеди и причастия.

В 1554 г. в Соловецкую тюрьму были брошены участники антицерковного движения, возглавлявшегося Матвеем Башкиным. Церковный собор 1554 г. приговорил Башкина к сожжению, а его соучастников к заточению в «молчательные кельи» с «великой крепостью». С 1701 г. в Головленковой башне того же монастыря томились единомышленники Григория Талицкого – тамбовский епископ Игнатий, поп Иванов и др. Сам же Талицкий, как отмечалось выше, был сожжен копчением. В 1744 г. в Соловецкую тюрьму попал Афанасий Белокопытов, обвиненный в «непокорстве» православной церкви. Вначале Белокопытова приговорили к смертной казни, затем смертную казнь заменили «неисходным до смерти содержанием» в «самом крепком

каземате» с оковами на руках и ногах.

В тюрьму Николаевско-Корельского монастыря был посажен «под крепкое смотрение» ростовский митрополит Арсений Мациевич за осуждение им мероприятий правительства, направленных к отобранию у церкви ее имений[39]. В 1786 г. среди узников Соловецкой тюрьмы были Павел Федоров и перс Александр Михайлов. Вина их заключалась в том, что они оба, поддавшись на уговоры священников, приняли православие (первый был еврей, а второй мусульманин). Опасаясь, как бы новообращенные не вернулись к вере своих отцов, Синод распорядился заключить их до самой смерти в монастырскую тюрьму.

Ссылка и заключение в монастырские тюрьмы за свободомыслие и неподчинение господствующей церкви особенно часто применялись в XIX в. Так, в Соловецком монастыре в 1826 г. из 30 узников за «вины» против церкви страдали 29 человек, в 1836 г. – 36 (из 45), а в 1855 – 18 (из 19)[40]. Среди заключенных немало было и борцов против самодержавия, участников революционного движения.

В 1825 г. учителя Новоторжского училища Василия Воскресенского обвинили в богохульстве. Его подвергли жестокому наказанию кнутом, а затем заключили «навечно» в Соловецкую тюрьму. В 1851 г. сюда же сослали придворного певчего Александра Орловского – его обвинили в атеизме, в 1853 г. – вахтера Ивана Буренкова – «величайшего богоотступника».

Среди узников Соловецкой тюрьмы было немало раскольников, отступивших от православной церкви, молившихся по старым книгам и придерживавшихся некоторых старых обрядов. В расколе, как отмечалось выше, выражался стихийный протест против социального гнета и эксплуатации. Самодержавие и церковь видели в расколе и сектантстве не только отступников от православной церкви, но и государственных преступников, поэтому они расправлялись с ними с большой жестокостью. В 1821 г. в Соловецкую тюрьму на 15 лет был заключен солдат Иван Кузнецов за пропаганду раскола среди солдат. В 1857 г. за «противозаконные по расколу проступки» в тюрьму попал самарский мещанин Лазарь Шепелев. Он не выдержал сурового режима и вскоре умер. В 1860 г. в эту же тюрьму посадили основателя секты прыгунов Максима Рудометкина. Он пробыл в одиночном суровом заключении 17 лет, до смерти. В 1859 г. в Соловецкую тюрьму был заключен под строгий надзор капитан артиллерии Николай Ильин – основатель религиозной секты.

Спустя 10 лет царская охранка решила освободить Ильина из

тюрьмы, но этому воспротивился Синод. Он настоял на дальнейшем заточении Ильина, «до изъявления им полного и искреннего раскаяния в своих религиозных заблуждениях». После 15 лет страданий Ильин потерял рассудок, но его продолжали держать в монастырском застенке, и лишь в 1879 г. после 20-летнего заключения он был выпущен на свободу.

В тюрьме Спасо-Евфимиева монастыря также было много узников, обвиненных в отступлении от господствующей церкви, в свободомыслии. С 1766 по 1902 г. здесь перебывало свыше 400 человек, из них 340 – в XIX в. Так, в течение 20 лет, до самой смерти в 1832 г. тут сидел основатель секты скопцов Кондратий Селиванов, присвоивший имя Петра III. Среди узников этого монастыря был молоканин Тамбовской губернии Григорий Булгаков, жаловавшийся Николаю I на притеснения молокан со стороны царских чиновников и духовенства и порицавший православие[41]. Примером религиозной нетерпимости со стороны церкви и царизма может служить дело архангельского мещанина Василия Ракова. Его обвинили в принадлежности к штундистам – секте, которая признавалась наиболее нетерпимой (штундисты призывали народ не посещать церковь, не почитать икон, не принимать священников с требами). Ракова заключили в Суздальскую тюрьму в 1893 г., откуда он вышел только в 1902 г.

* * *

В монастырских тюрьмах было также много заключенных за выступления против крепостнической эксплуатации, против усиления крепостного гнета. Дела о них рассматривались в Преображенском приказе и Тайной канцелярии, в монастырские тюрьмы они попадали по согласованию с Синодом. Участники крестьянской войны под предводительством Степана Разина, сотники Исачко Воронин и Сашко Васильев были брошены в Головленскую тюрьму Соловецкого монастыря. Во время соловецкого восстания они приняли в нем активное участие. Когда же восстание было разгромлено, Васильев и Воронин оказались в оковах в Корожной земляной тюрьме, их затем зарубил царский воевода Мещеринов[42].

В 1670 г. в тюрьму Тихвинского женского монастыря попала активная участница разинского восстания Степанида, стоявшая во главе повстанческого отряда Слободской Украины. В 1721 г. в произнесении «непристойных слов» против царя Петра I был обвинен Федот Костромин. Его пытали в Преображенском приказе, наказали нещадно кнутом, а затем заключили в

Соловецкую земляную тюрьму, где он и умер. В 1752 г. в «важной вине» против царской власти обвинили крестьянина Василия Щербакова. Он был наказан кнутом и сослан «навечно» в Соловецкую тюрьму.

В XVIII веке в связи с усилением крепостнического гнета возникли массовые крестьянские выступления, прикрывавшиеся часто царистскими лозунгами. Руководители отдельных выступлений также попадали в монастырские тюрьмы. Так, в 1764 г. в курский Богородицкий Знаменский монастырь заключили крепостного крестьянина Даниила Тихонова, распространявшего слухи о появлении царя Петра III. В 1765 г. после жестокого наказания в тюрьму Тобольского монастыря заключили крестьянина Евдокимова, выдававшего себя за русского царя[43]. Ближайшие соратники Емельяна Пугачева Чика и Губанов после разгрома крестьянского восстания были посажены в застенок при Казанском соборе в Уфе под соборной колокольней, а крепостной крестьянин Василий Журавлев, поддерживавший во время восстания связь с уральскими казаками, был заточен в тюрьму Суздальского монастыря.

После подавления крестьянского восстания под водительством Пугачева появился новый самозванец Осип Журыгин, выдававший себя за сына Екатерины II. Самозванца бросили в Суздальскую тюрьму. В Соловецкой тюрьме закончил свою жизнь другой самозванец, Тимофей Курдинов, называвший себя принцем Иоанном и пытавшийся вызвать народное возмущение[44].

И в XIX в. в монастырские тюрьмы попадали участники антиправительственных и революционных движений. В Соловецкую тюрьму из Красноярска был переведен декабрист Ф. П. Шаховской, после того как он заболел там психическим расстройством. Сюда же были посажены участники тайного общества, студенты московского университета Николай Попов и Михаил Критский, сочувствовавшие декабристам. В 1850 г. здесь оказался студент Георгий Андрузский «за вредный образ мыслей и злонамеренные сочинения».

В монастырские тюрьмы попадали также крестьяне, боровшиеся против крепостного гнета и пытавшиеся облегчить свое положение. Так, в 1837 г. в Рыльский монастырь заключили крепостного крестьянина Ефима Никитина за «сумасбродные вымыслы о преобразовании государственного управления». Несмотря на тяжкие условия заключения, он не пал духом, даже изобрел какую-то машину. Его освободили только в 1850 г.[45]. В Соловецкой тюрьме в 1864 г. находился студент Казанской духовной академии Яхонтов. Он принимал участие в организации

панихиды по крестьянине Антоне Павлове, казненном после зверского подавления крестьянского восстания в местечке Бездна Пензенской губернии, когда было убито и умерло от ран более 90 человек.

6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге состоялась антиправительственная демонстрация, организованная Г. В. Плехановым. В числе многочисленных ее участников, арестованных царской охранкой, были молодые рабочие Яков Потапов, Матвей Григорьев и Василий Тимофеев. Их осудили на пять лет монастырской тюрьмы «для исправления их нравственности и утверждения в правилах христианского долга». Потапова, развернувшего во время демонстрации красное революционное знамя, отправили в вологодский Спасо-Каменский монастырь, Григорьева – в чуркинскую Николаевскую пустынь Астраханской губернии, а Василия Тимофеева – в Крестный монастырь той же губернии. Потапова и Григорьева вскоре перевели в Соловецкую тюрьму. Сделано это было для того, чтобы пресечь антиправительственную агитацию, которую они вели в местах своего заключения[46].

* * *

Среди узников монастырских тюрем было немало психически ненормальных. Царское правительство не нашло для них другого места! Но часто психически ненормальными объявляли совершенно здоровых людей. Ненормальность их заключалась в том, что они боролись за свободу совести, выступали против господствующей церкви. Например, в 1834 г. монаха Антиоха за его «нелепые слова» против православной церкви признали сумасшедшим и заключили в Суздальскую тюрьму. Узники этой тюрьмы из-за тяжелых условий действительно сходили с ума. Это не освобождало их, однако, от монастырского заключения. Во время обследования тюрьмы Суздальского монастыря в 1835 г. среди заключенных оказалось одиннадцать «поврежденных в рассудке». Несчастных продолжали держать в тюрьме, так как их «заблуждения», т. е. выступления против церкви, все еще считались вредными.

В отдельных случаях участников антицерковных выступлений, сектантов объявляли сумасшедшими и отправляли в психиатрические лечебницы. Например, в Казанскую психиатрическую лечебницу поместили основателя секты «малеванцев» Кондрата Малеванного и Степана Чекмарева. Их признали параноиками, а их влияние на последователей –

«магическим». Это не помешало, впрочем, вызвать их на диспут – «религиозное собеседование», устроенное во время миссионерского съезда в Казани в 1897 г. «Параноики» горячо защищали свои взгляды от нападок воинствующих миссионеров-церковников и проявили себя вполне нормальными людьми. После диспута их вновь поместили в психиатрическую больницу, где они провели 15 лет[47].

…На какой же срок помещали узников в монастырские тюрьмы? Часто этот срок не уточнялся. В приговорах и указах встречается обычно выражение «безысходно, навсегда», т. е. узники приговаривались к пожизненному заключению. Фактическое заключение можно подсчитать по сохранившимся спискам узников. Например, за период с 1772 по 1835 г. в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре перебывало 102 человека. К моменту составления сведений (1835 г.) умерло 29 человек, до 5 лет просидело 46 человек, от 5 до 25 лет – 32 человека[48]. Крестьянин Калужской губернии Степан Сергеев находился в монастырской тюрьме 25 лет, а крестьянин Вятской губернии Семен Шубин – 43 года. Вина этих узников заключалась в том, что они отступили от православия и перешли в раскол и сектантство.

Освобождение узников зависело от отзыва монастырского начальства. Но отзывы эти редко были положительными. Обычно монастырские тюремщики давали такие характеристики об узниках: «не может быть освобожден без явной опасности для общественного порядка», «заключение полезно, доколе не придет в чувство христианского самосознания в преступлениях»[49]. В Суздальской тюрьме в течение 35 лет содержался раскольник Семен Мошонов, мелкий чиновник из Павлова Нижегородской губернии. Когда решили, наконец, его освободить, то возражать стал архимандрит Пафнутий, считавший, что Мошонов представляет для церкви большую опасность. «В народе, не имеющем здравого смысла, – писал он в своем заключении, – этот человек может поселить совершенное отчаяние и уныние». И Мошонов остался в монастырской тюрьме[50].

В монастыри попадали также люди по приговорам светского суда. Это был особый вид уголовного наказания, часто в дополнение к другому наказанию. Заключение на срок от 4 до 8 месяцев рассматривалось как тюремное заключение без ограничения прав. Насколько часто прибегали к этому виду уголовного наказания, можно судить по тому, что в 1857 г. в монастырях содержалось 648 человек – крестьян, мещан, ремесленников, осужденных за различные проступки против господствующей церкви – за отступление от православия, за

неисполнение «новообращенными» церковных обрядов, за систематическое отклонение от исповеди и причастия. Осужденные насильственно отторгались от своих семей и занятий, что нередко приводило их к разорению. Естественно, что монастырское заключение вызывало у них ожесточение и ненависть к церковникам.

Частыми узниками в монастырях были также священники и другие служители церкви. В 1900-х годах среди небольшой части духовенства наблюдалось движение за ослабление власти Синода и епархиального начальства, за оживление приходской деятельности. Синод сурово расправлялся с участниками этого движения и рассылал недовольных по монастырским тюрьмам. Так, в 1901 г. в Суздальскую тюрьму был заключен священник Цветков. Его вина была в том, что он выступал за ослабление власти Синода, говорил о необходимости созвать церковный собор для упорядочения церковной жизни[51].

* * *

Соловецкая тюрьма существовала до 1883 г., когда из нее были выведены последние узники, но караульные солдаты содержались в ней до 1886 г. После официального закрытия Соловецкий монастырь продолжал служить местом ссылки для провинившихся служителей церкви. Тюрьма при суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре существовала до 1905 г., еще в 1902 г. в ней насчитывалось 12 узников. В 1905 г. в ней томился крестьянин Петр Леонтьев, заключенный в эту тюрьму в 1871 г. по обвинению в том, что он распространял среди крестьян «лжеучение», направленное против верховной власти и духовенства. Несчастный пробыл в монастырской тюрьме 34 года, и об этой трагической судьбе спокойно рассказывается в отчете обер – прокурора Синода[52]. О суровом тюремном режиме 900-х годов свидетельствует письмо одного суздальского жителя, писавшего в петербургскую консисторию: «Обратите внимание на тамошнего архимандрита – коменданта, за что он так зверски запер несчастных заключенных и теснит их самым ужасным образом. Прислали какого-то зверя, который совершенно позабыл, что он служитель божий».

В конце письма автор, возмущенный жестокостью архимандрита-тюремщика, советует архимандриту идти в жандармы[53].

Даже царская охранка считала необходимым ликвидировать эту тюрьму. В 1903 г. она уведомляла Синод, что, поскольку

тюрьма находится в заводском районе Суздаля, среди рабочих распространяются слухи о тяжелом положении ее узников. Царские чиновники предлагали перевести заключенных Суздальской тюрьмы в другие, более отдаленные монастыри. Синод, однако, не хотел расставаться со своей бастилией. Лишь в 1905 г., под влиянием роста революционного движения, правительство было вынуждено ликвидировать Суздальскую тюрьму. Эта ликвидация, впрочем, носила формальный характер. Еще в 1907 г. в смете Синода были предусмотрены средства на содержание тюремной стражи, а в 1908 г. эта стража была даже увеличена. Понадобилось еще немало времени, чтобы эта «бастилия духа» была полностью уничтожена.

Отлучение и анафема

Православная церковь практиковала отлучение довольно широко, в зависимости от характера и суровости его последствий, оно называлось еще «анафемой», «извержением», «неблагословением», «клятвой». Православная церковь также применяла отлучение не только к отдельным лицам, но и к целым городам и областям. Посредством отлучения церковь и правительство расправлялись с антицерковными движениями, принимавшими форму ересей и раскола и являвшимися одной из форм социального протеста.

Некоторые церковные иерархи активно выступали на стороне московских князей против феодальных княжеств и отлучали от церкви князей, не желавших подчиниться власти Москвы. Так, борясь с псковским князем Александром, митрополит Феогност отлучил его и всех псковичей от церкви до тех пор, пока те не выдадут своего князя на расправу князю московскому. Во время вражды Василия Темного с князем Дмитрием Шемякой митрополит Иона, защищая интересы Василия, обратился в 1448 г. к населению с посланием, в котором он освобождал его от присяги Шемяке. За неподчинение он обещал отлучить от церкви, закрыть все храмы и прекратить совершение церковных обрядов. В том же году митрополит Геронтий «в последний раз» угрожал отлучением вятичам за нежелание подчиниться московскому князю. «Если не послушаете нас, – писал разгневанный владыка, – и мы вашим игуменам и попам… приказали, чтобы они не благословляли вас… и церкви бы все затворили и от вас пошли бы из земли всей вон». Геронтий предупреждал жителей, что он затворит все церкви и отзовет из их земли всех священников[54].

В 1537 г., в малолетство Ивана IV, князь Андрей Старицкий хотел оставить Москву и уехать во враждебную Москве Литву. Митрополит Даниил послал к князю Андрею своих посланцев с угрозой, что если он выполнит свое намерение, то на него и на жителей его земли будет наложено церковное проклятие. Князю Андрею пришлось смириться.

Последователи новгородско-московской ереси конца XV – начала XVI в., представшие перед церковным судом, в 1490 г. были также отлучены от церкви и преданы церковному проклятию. После разгрома этого антицерковного движения на соборе 1504 г. руководителей ереси Ивана Волка, Курицына, Ивана Максимова, Митю Пустоселова и Некраса Рукавова вместе со всеми сторонниками предали анафеме. Затем их сожгли.

В борьбе с расколом, кроме светского меча, использовалось

также отлучение. Церковный собор 1667 г. отлучил от церкви раскольников и предал их проклятию не только в этой жизни, но и в будущей как «еретиков и непокорников». Особо были преданы анафеме расколоучители – протопоп Аввакум, поп Лазарь, дьякон Федор и др. Анафеме подвергались раскольники и при Петре I – их обвиняли при этом в возмущении против гражданского и церковного правительства и поругании церкви.

Отлучение от церкви было также одним из средств защиты церковных привилегий, ее недвижимых имений. Митрополит Киприян в своей грамоте 1395 г., угрожая проклятием «за невнимание и нерадение», уговаривал псковичей не отнимать от церкви земли и села. Игумен киевского Михайловского Златоверхового монастыря Макарий в 1562 г. устрашал своих «обидчиков-разорителей», пытавшихся захватить монастырские земли, церковным проклятием не только в этот век, но и в будущий, «вместе с родом своим».

В период острой борьбы за церковные и монастырские земли, развернувшейся в XV–XVII вв., отлучение от церкви – частая кара. Проклятие с ссылкой на соборные решения надолго вошло в церковный обиход и было включено в «Чин православия».

В XVII в. церковное и монастырское землевладение стало сильно ограничиваться, а в 1764 г. под влиянием массового крестьянского движения церковные имения вместе с населявшими их крестьянами были отобраны.

Секуляризация, т. е. отчуждение церковных и монастырских имений, проводилась не без сопротивления группы церковных иерархов. Возглавлял эту борьбу ростовский митрополит Арсений Мациевич, считавший, что в результате секуляризации церковь «в конец истребится». В 1763 г., когда подготовлялась секуляризация, Арсений открыто выступил против попыток отобрать у церкви ее имения. В соборной церкви он подверг проклятию «обидящих церкви», имея в виду Екатерину II, по распоряжению которой проводилась секуляризация. У Арсения было даже желание наложить всеобщий интердикт. Но его не поддержали другие иерархи из-за боязни репрессий. За строптивость и неповиновение Арсений жестоко поплатился. Его лишили архиерейского сана и сослали в заключение в Николаевско-Корельский монастырь под «крепкое смотрение». Но и в далекой ссылке Арсений продолжал выступать против правительства, он сочинил особые молитвы о гонениях против церкви. В декабре 1767 г. Арсения расстригли и под именем Андрея Враля сослали на «вечное и безысходное содержание» в ревельский каземат, где он вскоре умер[55].

«Вседомовное» отлучение применялось особенно часто

начиная со второй половины XVII в., когда усилились покушения на церковные привилегии. Защищая свои богатства, церковь налагала запрещение на представителей гражданской власти, посягавших на них, а также на целые области, обвиненные в непослушании церкви. Так, в 1681 г. за «преобидение церковного притча» отлучили от церкви суздальского подьячего Толмачева. Ему не разрешалось посещать церковь, а священникам не велено было приходить к нему в дом с требами, а также иметь с ним какие-либо дела под угрозой отлучения[56]. В 1689 г. некоторые новгородские купцы и посадские люди хотели избавиться от подсудности митрополиту, связанной с уплатой пошлин, и с такой просьбой обратились в новгородский приказ. Новгородский митрополит Корнилий пожаловался московскому патриарху Иоакиму, и тот в гневе пригрозил новгородским купцам за непослушание и непокорство вечным проклятием и отлучением от церкви. Купцам пришлось смириться[57].

В конце XVII в. царский чиновник, боярский сын Яков Елагин стал судить лиц, которые были ранее подсудны сибирскому митрополиту Павлу. Митрополит усмотрел в этом для себя «ругательство» и отлучил Елагина от церкви. Под страхом проклятия гражданам запрещено было всякое общение с опальным Елагиным, что было равносильно гражданской смерти. Елагину пришлось смириться и пойти к митрополиту на поклон. Отлучению подвергались не только рядовые чиновники, но и служилая аристократия, если она посягала на привилегии церкви. Так, в 1697 г. властный сибирский митрополит Игнатий за попытку лишить церковь доходов от судебных пошлин отлучил от церкви царского воеводу Андрея Нарышкина с семьей и стольниками. Нарышкин жаловался царю, но, не найдя поддержки, вынужден был пойти к митрополиту с повинной[58].

* * *

Частые отлучения и запечатывание церквей вносило расстройство в церковную жизнь, поэтому светская власть была вынуждена ограничить право церковных иерархов прибегать к этой мере. По требованию Петра I в текст архиерейской присяги было введено обещание применять отлучение только в исключительных случаях к явным преступникам, «разорителям заповедей божьих или церковным еретикам».

Изданный при Петре I в 1720 г. Духовный регламент пытался определить меру вины, требовавшей церковного проклятия. Анафему и отлучение разрешалось применять за выступления

против церкви, ее обрядов и таинств, за «презрение к церкви и безбожие, явное ругательство и посмеяние закона божьего». В дополнение к этому церковному наказанию Духовный регламент ввел еще гражданские последствия отлучения, усилив этим его значение как устрашающего акта. Лица, подвергшиеся отлучению, лишались некоторых гражданских прав, не допускались к торговым делам, они были «словно арестованные». Еще большим ограничениям подвергались лица, преданные анафеме. Духовный регламент сравнивал их с «убиенными», т. е. они лишались всех гражданских прав.

Широко использовалось отлучение и анафема в борьбе с народно-освободительным движением, с восстаниями против крепостнического гнета и самодержавия.

Крестьянская война 1667–1671 гг. под предводительством Степана Разина была стихийным протестом народных масс против крепостнической эксплуатации. В восстании принимали активное участие не только русские, но и другие народы – башкиры, татары, чуваши, мари, мордва, стонавшие под двойным гнетом, крепостным и национальным. По призыву Разина восставшие убивали помещиков и их приказчиков, «сажали в воду» царских воевод, заковывали в «железа» ненавистных им дворян, громили их имения, уничтожали крепостные акты, убивали священников. Разгромив восстание и предав его вождей «злой казни» – четвертованию, царь и патриарх шумно отпраздновали победу над восставшими. По словам К. Маркса, «царь был вне себя от радости, и по его приказу агнец божий, московский патриарх предал анафеме Стеньку (бунт его был направлен и против попов!)»[59]. В московском Успенском соборе в присутствии царя и духовенства отслужили благодарственный молебен по случаю разгрома восстания: «Покорал господь бог… врагов и крестопреступников». Торжественные молебствия были проведены повсеместно. Они должны были убедить народ, что на борьбу с восставшими мобилизованы не только царские войска, но и силы небесные. Чтобы внушить народу мысль о Разине как о злейшем враге царя и церкви, Разин – «пагубный волк, страх бога презревший, церковь возмутивший, крестное целование обругавший» – был предан церковной анафеме[60]. Однако несмотря на агитацию церкви и правительства народ сохранил память о Разине и его соратниках как о защитниках народа:

«И хотя каждый год по церквам на Руси Человека того проклинают, Но приволжский народ о нем песни поет И с почетом его вспоминает»[61].

Царскому проклятию подвергли и руководителя крестьянской войны 1773–1775 гг. Емельяна Пугачева. В разгар восстания, в

августе 1774 г., Синод распространил по церквам особое «увещевание», в котором Пугачев был назван орудием дьявола, поправшим веру и закон, последователем антихриста, ниспровергателем алтарей, разорителем церквей. Казанский архиепископ Вениамин Пуцек-Григорович, призывая крестьян соблюдать верность престолу и помещикам, предал Пугачева церковному проклятию как «нарушителя веры, хулителя и похитителя власти царской». После разгрома восстания церковные инквизиторы приняли участие в суде над его руководителем. Членами суда были епископ Крутицкий Самуил, суздальский епископ Геннадий, архимандрит московского Новоспасского монастыря Иоанн и протоиерей московского Архангельского собора Петр Алексеев, известный своим доносом на русского просветителя Н. И. Новикова. В приговор суда были включены тексты из Священного писания, посредством которых церковники стремились доказать, что царская власть установлена богом и что восстание против нее – тягчайшее преступление против религии. Пугачев и его соратники по этому приговору, освященному авторитетом церкви, были казнены четвертованием, а Синод особым определением предал их церковному проклятию[62].

Анафема применялась также для защиты установленного при Петре I порядка престолонаследия и для утверждения якобы божественного происхождения царской власти. Тех, кто выступал против самодержавия, помимо сурового наказания подвергали еще царскому проклятию. В 1718 г. майор Степан Глебов выступил против Петра I и его реформ и распространял против Петра и церкви «подметные письма». Глебова пытали горячими угольями и раскаленным железом, били кнутом, а затем посадили на кол на Красной площади. Глебов умер в страшных мучениях лишь через два дня; уже после смерти ему отрубили голову. Через три года Петр вновь вспомнил о своем враге. По его приказанию Синод предал Глебова проклятию, «яко лютейшего благочестия преступника и презирателя и богоненавистника»[63].

* * *

Анафема участникам революционных движений, направленных против царизма, сохранилась в «Чине православия» вплоть до Октябрьской революции. Читалась эта анафема так: «Помышляющим, яко православные государи возводятся на престолы не по особливому о них божьему благоволению… а также дерзающим против них на бунт и измену – анафема!»[64]

Анафема применялась православной церковью как средство борьбы с передовой общественной мыслью, с прогрессивным демократическим движением, с материалистической наукой, с атеизмом. «Отрицающим бытие божие и утверждающим, яко мир сей есть самобытен и вся в нем без промысла божия и по случаю бывает, – анафема!» Так возглашали священники ежегодно во всех соборных церквах в неделю православия. «Чин православия» был вновь пересмотрен в 1869 г. Из «Чина православия», по которому совершалась анафема по политическим и религиозным преступлениям, исключены были имена церковных и государственных противников, которых церковь проклинала каждый год, и оставлена была лишь общая анафема всем борцам за политическую и религиозную свободу.

В начале XX в. православные иерархи вновь прибегли к этому средству борьбы со своими противниками, на этот раз выступая против Л. Н. Толстого и его учения. Толстой вел борьбу с Синодом и всем полицейским аппаратом господствующей церкви, но он не был противником всякой религии. Толстой отвергал признанную казенной церковью обрядность, чем подрывал ее устои.

Синод усмотрел в деятельности Толстого «нарушение мира церковного» и отлучил его от церкви. 24 февраля. 1901 года «Церковные ведомости при святейшем правительствующем синоде» опубликовали соответствующее «определение»[65].

Отлучение преследовало цель восстановить против Толстого все темные силы реакции, разжечь к нему ненависть и вражду. Однако злобные выпады духовенства и реакционных элементов не отразились на отношении к Толстому широких масс. Как вынужден был признать обер-прокурор Синода Победоносцев, послание Синода вызвало лишь «тучу озлобления».

Чествуя память Толстого в статье, опубликованной в газете «Социал-демократ», В. И. Ленин писал в 1910 г., через несколько дней после смерти писателя: «…святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскаялся». Святейший Синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки»[66].

После отлучения Толстой с еще большей страстностью обличал церковь и духовенство[67].

Следует отметить, что не только Толстой, но и другие видные деятели русской культуры и науки подвергались отлучению от

церкви. В 1912 г. отлучению подвергся выдающийся русский математик академик А. А. Марков (1856–1922). Марков писал, что он не усматривает существенной разницы между иконами и идолами и не сочувствует религиям, которые, подобно православию, поддерживаются огнем и мечом[68].

Духовные власти грозили анафемой всем «неправославномыслящим», о чем они не раз сообщали в церковной печати и с церковных амвонов. Защищая эту меру воздействия на массы, царское законодательство лишало лиц, подвергшихся отлучению, некоторых гражданских прав, в частности отлученных не допускали в качестве свидетелей на суде.

* * *

Октябрьскую революцию 1917 г. церковь встретила с непримиримой враждебностью. В послании от 19 января 1918 г. патриарх Тихон предал большевиков церковному проклятию, назвав их «извергами рода человеческого». Тихон призывал верующих восстать против Советской власти, «на защиту оскорбляемой и угнетаемой церкви», и, если окажется нужным, «пострадать за дело Христово».

Обращаясь «к верным чадам православной церкви» и ссылаясь на власть, якобы предоставленную ему богом, Тихон запретил верующим и духовенству входить в какое-либо общение с представителями Советской власти.

Церковный собор одобрил послание Тихона. Церковный собор предлагал не подчиняться декрету об отделении церкви от государства и угрожал за непослушание интердиктом. В воззвании от 22 января 1918 г. к духовенству и верующим он уговаривал церковников и верующих не отдавать представителям Советской власти церковные ценности, рассматривать их как «грабителей и захватчиков», а имена их сообщать церковным властям для предания анафеме. Зная, что мероприятия Советов во многих местах встретят полное сочувствие трудящихся, собор предлагал в этих случаях отлучить от церкви всех местных жителей, закрывать церкви и не совершать никаких церковных треб. Для прекращения интердикта жители, поддерживавшие декрет, должны были «покаяться», а главное – добиться возвращения церкви изъятых ценностей.

25 января 1918 г. церковный собор вновь принял решение об отлучении от церкви сторонников проведения декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Собор

объявил декрет «злостным покушением на весь строй жизни православной церкви, актом открытого против нее гонения». «Всякое участие в издании сего враждебного церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь, – писал собор, – несовместимо с принадлежностью к православной церкви и навлечет на виновных кары вплоть до отлучения от церкви»[69].

Религиозная нетерпимость

Представители современной православной церкви стараются уверить, что расистская идеология враждебна христианству и что «любая форма сегрегации, основывающаяся на различии расы, цвета кожи или народности, противоречит Евангелию и несовместима с христианским учением о человеке»[70]. В подтверждение они ссылаются на Ветхий и Новый заветы и на свидетельства отцов церкви. Уже в так называемой библейской таблице народов (10-я глава книги Бытия), уверяют они, есть «глубочайший смысл – исповедание единства и братства всего человечества». Ветхозаветное учение о равенстве людей, по их словам, нашло свое завершение в Евангелии, в словах апостола Павла, что во Христе «нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа».

Представители современной православной церкви стараются доказать, будто не только христианство вообще, но и православие в частности неизменно выступало против неравенства народов, против признания отдельных народов неполноценными, так как такое учение, по их словам, нарушало бы главную заповедь Христа о любви к людям, разрушало бы дело спасания, ради которого учреждена церковь[71].

В действительности было совсем не так. Критикуя подобные взгляды представителей современной церкви, усердно распространявшиеся в церковной печати, В. Д. Бонч-Бруевич писал, что слова «несть эллина и иудея» надо менять и говорить, что есть эллин и иудей, ибо того желает христианский православный царь, а за ним попы, министры, дворяне, капиталисты, полиция, черносотенцы[72]. Подобно тому как на Западе католическая и лютеранская церковь разжигали ненависть к народам, исповедовавшим другую религию, и воспитывали народ в духе религиозной нетерпимости, так и в России православная церковь проповедовала нетерпимое отношение к иностранцам, приезжавшим в Россию, к их религиям, утверждая, будто лишь православная религия является истинной. В Москве долгое время не разрешали строить лютеранские церкви, а ранее построенные были разрушены, их алтари выброшены на поругание. Православные церковники рассматривали протестантство как незаконное уклонение от «истинной» церкви. Протестантство они называли «еретическим», а его основателя Лютера «слугой антихриста, самовольным похитителем учительского права».

Враждебное отношение православной церкви к

протестантству хорошо выразил московский патриарх Филарет, когда во время сватовства Михаила Романова к племяннице шведского короля в ответ на требование послов иметь в Москве свою церковь ответил: «Костелы иных вер в Московском государстве никогда не бывали и впредь то статься не может, потому что то нашей вере православной противно»[73]. Для борьбы с проникновением в Московское государство западных идей и просвещения архимандрит московского Новоспасского монастыря Игнатий по поручению патриарха Никона составил против лютеран особое «Слово», в котором, разжигая религиозную нетерпимость, называл последователей Лютера «проклятыми еретиками и развратителями», а лютеранские церкви – «вертепами разбойничьими». Игнатий настаивал на разрушении лютеранских церквей, а лютеран предлагал изгнать из России[74]. Против лютеран и катехизиса Лютера было направлено и послание патриарха Адриана (1696 г.). В составленном им «Православном исповедании веры» патриарх обвинил иностранцев в том, что они, как волки в овечьих шкурах, вошли в русскую землю и начали тайком вносить свои обычаи и обряды. Подобно другим представителям церкви Адриан старался помешать проникновению в Россию западных идей, сеял недоверие и неприязнь к вере иностранцев. Примером для него было нетерпимое отношение католиков к протестантам и протестантов к католикам, а тех и других к православию.

Нетерпимость православного духовенства к другим религиям не раз отмечали иностранцы, посещавшие Московское государство. Вот что писал в «Записках о Московии» немецкий дипломат и путешественник С. Герберштейн: «Московиты хвалятся, что они одни только христиане, а нас осуждают как отступников от первобытной церкви и ее установлений». Эту нетерпимость подметил и иностранец Д. Флетчер в своем сочинении «О государстве русском» (1591 г.).

* * *

Только в обстановке такой религиозной нетерпимости могло возникнуть дело Квирина Кульмана, закончившееся сожжением его как еретика. Квирин Кульман родился в 1651 г. в Бреславле и был последователем протестантского мистического учения «башмачника» Бема и других мистиков, казненных ранее в Саксонии, Венгрии и Пресбурге за пропаганду учения, противного господствующей лютеранской церкви. Кульман отвергал светскую науку, всюду видел господство антихристианского духа. В его

произведениях, как отметили московские переводчики, были «многие еретические и богомерзкие дела», проклинался римский папа и вся римская вера, содержались «злоплевельные и бунтующие массы мысли».

Приняв учение своих учителей, Кульман, приехав в Москву, стал распространять печатные листы, в которых «содержались пророчества странные и еретические». Доносы на Кульмана сделали отличавшийся своей нетерпимостью московский лютеранский пастор Иоахим Мейнека, а также иезуиты, мстившие Кульману за раскрытие политического заговора, в котором они участвовали. Еретическим учением Кульмана заинтересовался и патриарх Иоаким – непримиримый противник проникновения в Московское государство западноевропейских идей, светских наук. По настоянию патриарха Кульман был арестован вместе со своим горячим сторонником купцом Кондратием Нордерманом. Кульмана и Нордермана обвинили в том, что они еретики и чернокнижники, а писания их «безумные, злоплевельные и ложные, христианской вере вредительные». Кульмана и Нордермана трижды пытали, жгли клещами и дали каждому по 25 ударов кнутом. Но пытки не сломили их мужества. Они продолжали говорить, что в их учении нет ничего противного православной вере и интересам Московского государства. По настоянию патриарха Кульмана и Нордермана как «ложных пророков», за «богоотступничество и отрицание власти государей» приговорили к казни. 4 октября 1689 г. их доставили из тюрьмы, где они содержались, на городскую площадь и сожгли в срубе. Вместе с ними были сожжены и их «еретические и богомерзкие хульные книги и письма». Вместе с Кульманом и Нордерманом собирались еще сжечь живописца Генина, но он, находясь в тюрьме и не видя для себя избавления, повесился. После казни в Новгород и Псков по настоянию патриарха Иоакима были отправлены грамоты о задержке иноземцев, желавших приехать в Москву, с тем, чтобы недопустить проникновения иноземного влияния[75].

Предав казни Кульмана и Нордермана, церковь и государство тем самым пытались защитить «чистоту» лютеранства, хотя с распространением его они боролись всеми средствами, не исключая и смертной казни. Так, в 1715 г. за переход из православия в протестантство судили крестьянина Унруда. Ему вырвали язык, затем отсекли руки, а под конец голову. За оставление православия судили в 1696 г. и Якова Янсена. Это был голландский матрос, поступивший на русскую службу и принявший православие. Во время первого азовского похода Янсен перешел на сторону турок и принял мусульманство. По

требованию Петра турецкие власти выдали перебежчика. Янсена привезли в Москву скованным, с петлей на шее, поставили под виселицей и сделали надпись: «Сей злодей веру свою переменил четырежды, изменник стал богу и человеком, католик сей стал протестант, потом грек, а вконец магометанин». Янсену изломали колесом руки и ноги, затем отсекли голову и насадили ее на кол[76].

Несмотря на разжигание ненависти к иностранцам-иноверцам, многие москвичи пытались завязать с ними дружеские отношения и перенять у них практические знания. Интересна в этой связи жалоба матери на сына Кондрата, с которой она обратилась к московскому патриарху. Религиозная женщина жаловалась на своего сына, что он, «забыв страх божий, в церковь божью не ходит, отца духовного не имеет, с иноземцами некрещенными водится». Любознательного юношу по распоряжению патриарха били батогами и сослали под начал в московский Симонов монастырь[77].

* * *

Непримиримо относилась православная церковь и к католической религии, тем более что католицизм вел воинствующую политику по отношению к православию и даже лелеял планы обращения России в католичество (разработанные папским дипломатом Антонием Поссевиным). В западных областях Белоруссии и Украины католическая церковь учиняла свирепые гонения на национальную культуру и православие, захватывала православные церкви, устраивала нападения на православные крестные ходы, закрывала русские школы, организовывала религиозные процессии, оскорблявшие религиозные чувства православных. Широкое развитие получили братства, которые вели шовинистическую пропаганду.

Московское правительство не допускало приезда в Москву сторонников «латинской» веры. Под угрозой смертной казни купцам и торговым людям, приезжавшим в 1634 г. из Голштинии (герцогство в Северной Германии) в Москву, запрещалось привозить и держать у себя католических священников и учителей латинской веры. Иезуитов и католических священников, приезжавших тайно, как сообщал саксонскому правительству пастор Грегори, хватали, ссылали в Сибирь или казнили. О враждебном отношении к католикам писал в 1661 г. посол австрийского императора Леопольда А. Мейерберг. В его путевых записках мы читаем: «Русские всех приверженцев латинской

церкви называют погаными; к римскому же первосвященнику они питают еще такую ненависть, что никогда не хотели дозволить свободного богослужения проживающим в Москве католикам»[78]. Не разрешая иностранцам-католикам строить костелы и открывать школы, московское правительство и церковь обвиняли их в том, что они «живут противно», пропагандируют свою веру, печатают на русском языке свою литературу «на прелесть и ссору», привлекают в свои школы русских людей, подрывают авторитет патриарха и «чинят противность благочестию». Духовные власти считали католиков «сквернейшими и лютейшими из всех еретиков», так как они «прияли» в свой закон «проклятые ереси всех древних вер».

По инициативе папы Климента VIII была выдвинута идея объединения православной церкви с католической на Украине и в Белоруссии. По Брестской унии 1596 г. православная церковь Польши и Литвы должна была признать главенство римского папы, что вызвало ожесточенную борьбу украинского и белорусского народов западных областей против гнета панской Польши и унии, освящавшей этот гнет. В западных областях начались массовые гонения крестьян, не желавших принять унию.

Оказывая сопротивление проникновению в Россию западной культуры и объявляя ее еретической, православное духовенство насаждало неприязнь и вражду ко всему западному, запрещало общение с католиками. По настоянию патриарха Иоакима в 1690 г. созвали церковный собор, на котором обсуждалась покаянная исповедь духовника царевны Софьи Сильвестра Медведева. Собор осудил сторонников латинской веры. В своем завещании Иоаким также умолял царя не допускать проникновения в Россию католической пропаганды, не дозволять строить костелы и беречь чистоту православия, запретить русским дружить с иностранцами-иноверцами[79].

Распространявшаяся церковниками вражда к католикам нашла отражение и в церковной литературе. В «Слове на латинов и лютеров» католики обвинялись в том, что они несут «явную прелесть и соблазн и претыкание православным». Русские купцы жаловались на иностранцев, которые захватывают русские рынки, а они «приходят в последнюю нищету». Защищая интересы купцов, автор «Слова» архимандрит Игнатий настаивал на изгнании всех иностранных купцов – католиков из России, потому что они «благочестие русское подкрасти хотят изветом купечества своего и гостинства». О гонениях, которым подвергались в Московском государстве католики, и о непримиримости к ним церковников писал и католический дьякон Петр: православные-де священники «вместо евангелия огнем и вместо апостола кнутом

просвещают»[80].

Лишь в 1735 г. правительство и церковь были вынуждены разрешить католикам свободное отправление церковных служб. Однако проповедь католической религии и обращение православных в католичество по – прежнему запрещались под угрозой жестоких наказаний. Помещики – дворяне, переходившие в католичество, особенно в первой половине XIX в., лишались своих имений. Это не мешало, впрочем, Екатерине II и Павлу I использовать католиков – иезуитов как реакционную силу, которая помогла царизму держать массы в узде и бороться с вольнодумными идеями.

В свою очередь, католическая церковь насильственно обращала в католичество крестьян, особенно в западных и юго-западных областях, уверяя, что переход в католичество производится «добровольно». А в Астрахани образовалась даже армяно-католическая уния и существовала римско-астраханская проповедническая миссия, развившая в 50-х годах XVIII в. значительную деятельность. По настоянию Синода миссия была закрыта, католики – миссионеры высланы.

С критикой религиозной нетерпимости, проявляемой духовными властями по отношению к тем, кто не хотел верить так, как учила православная церковь, выступил Н. Г. Чернышевский: «Читая свирепые советы отнять все политические права у иноверцев, – писал он, – читая фанатическое правило, что кто католик, тот уже не может считаться настоящим славянином, мы воображали, что слушаем извергов фанатизма, духовных потомков Торквемады и герцога Альбы»[81].

* * *

Религиозная нетерпимость проявлялась также и к евреям. Уже в 1563 г. при взятии войсками Полоцка всех евреев по приказу Ивана IV в «воду пометали», только немногих, принявших православие, пощадили. В Смоленске евреев сжигали на кострах. О бесчеловечной расправе с евреями как с «врагами веры Христовой» рассказывает иностранец Петрей де Эрлезунд. По его словам, при царе Иване IV евреев, не желавших креститься, сжигали живыми, либо вешали и в воду бросали[82].

Преследования евреев производились часто по инициативе и настоянию духовенства. Евреям не разрешалось открыто исповедовать свою веру, делались попытки изгнать их из пределов Московского государства. Но расширение торговых связей и развитие промышленности вынуждали правительство и

церковь мириться с мыслью, что евреи, как и все другие народы, населявшие Россию, необходимы для ее блага и развития. В XVIII в. реакционные силы при поддержке духовенства вновь попытались изгнать евреев из России, но за них вступились помещики и купцы, тесно связанные с евреями торговыми делами.

Православное духовенство разжигало религиозную рознь и стремилось вызвать у народа вражду к евреям, как это оно делало и по отношению к народам других национальностей и религий. Духовные власти проповедовали, что евреи – «род строптивый, изуверный, враги христиан», что их нельзя назвать добрыми людьми, хорошими гражданами. Иудейская вера считалась «лжеучением». Евреям запрещалось совершать церковные службы, против них организовывались гонения, духовенство подымало на евреев и светский меч. Так, ректор киевского духовного коллегиума Иоанникий Галятовский, посвятив свою книгу «Мессия праведный» царю, призывал уничтожить евреев, как врагов Христовых: «Мы, христиане, – писал он, – должны ниспровергать и сожигать еврейские божницы, отнимать синагоги и обращать их в церкви, изгонять из городов, убивать мечом, топить в реках»[83].

В 1731 г. в Россию прибыл по вызову правительства врач Саншес, имевший мировую славу. Он жил в России немало лет, был придворным врачом и членом Академии наук. Но ему не могли простить еврейского происхождения. В 1749 г. он был исключен из Академии, а затем изгнан из России. Как сказано в постановлении об его высылке, императрица хотела, чтобы члены ее Академии были добрые христиане, а не люди, которые «сражались под моисеевым законом»[84].

Пропаганда иудейской религии, а тем более переход в нее, рассматривались как тяжкое преступление и сурово наказывались. В 1737 г. в Синод прислали донос о проступке против религии и церкви отставного капитана морского флота и крупного помещика Московской губернии Возницына. Доносчиком была его жена, мстившая мужу за то, что он бросил ее. Преступление Возницына состояло в том, что он, будучи за границей, оставил православие и принял иудейство. По предписанию Синода Возницына арестовали и поместили в тюрьму Московской синодальной конторы, где держали в кандалах под строгим караулом, отдельно от других заключенных. Следствие велось инквизиторскими методами архимандритом Богоявленского монастыря Герасимом и коломенским епископом Вениамином. Под пытками Возницын сознался, что перешел в иудейство при участии крупного

смоленского купца Боруха Лейбова. По распоряжению императрицы Анны Возницын и Лейбов за их «богопротивные вины» 3 июля 1738 г. были сожжены, манифест об их «винах» был составлен Синодом. В награду за донос жена Возницына, кроме своей части наследства, получила еще 100 душ крепостных крестьян[85]. Инквизиционный акт, совершенный над Возницыным, осужден был Кантемиром в сатире, написанной в год сожжения Возницына:

«Вот-де за то одного и сожгли недавно, Что зачитавшись там, стал Христа хулити явно»[86].

В XIX в. преследования евреев не прекратились. Правительство и церковь продолжали разжигать национальную рознь и религиозную нетерпимость. Евреям запрещалось держать у себя в услужении православных, евреи были ограничены в гражданских правах, их изгоняли из деревень, обвиняя в том, что они оказывают на крестьян дурное влияние. Для евреев была установлена черта оседлости, они облагались дополнительными налогами, христианам – ремесленникам запрещалось работать на них, крестьянам – обрабатывать их земли. На военной службе евреев стремились воспитывать в православном духе, их силой обращали в православие[87]. Еврейских детей отнимали от родителей и направляли для службы в армию, где их насильно крестили, загоняли далеко от родины и подвергали бесчеловечным истязаниям.

А. И. Герцен в «Былом и думах» описал страдания детей – кантонистов, которых он встретил в пути. Партия еврейских детей от 8 до 13 лет шла в Пермь; на полдороге офицер, сопровождавший их, получил приказание гнать детей в Казань. «Беда да и только, – сказал А. И. Герцену офицер, – треть осталась на дороге. Половина не дойдет до назначения». Описывая эту встречу, Герцен не мог сдержать своего возмущения бесчеловечным поведением властей. «Какие чудовищные преступления безвестно схоронены в архивах злодейского, безнравственного царствования Николая I», – писал он[88].

Еврейским юношам после окончания военной службы не разрешалось вернуться в иудейство. Так, еврейский юноша кантонист Кауфман был насильно крещен, но не переставал считать себя евреем. Когда закончилась военная служба и он вернулся к вере своих отцов, над ним учинили суд за вероотступничество. Для «вразумления» его отправили в монастырь, лишив всех гражданских прав, а над имуществом учредили опеку[89].

Чтобы отвлечь народ от политики, его внимание пытались сосредоточить на еврейском вопросе. Евреев обвиняли в том, что

они будто бы неуважительно относились к православной церкви и религии, к ее обрядам. Так, в 50-х годах XIX в. в местечке Полонном Волынской губернии евреев обвинили в «святотатственном посмеянии» над христианством и подвергли гонениям.

На почве антисемитской пропаганды, которую разжигали реакционные элементы и представители церкви, в начале XIX в. возникали кровавые наветы на евреев, обвинения в совершении ими ритуальных убийств. В 1823 г. в городе Велиже Витебской губернии 42 еврея были брошены в тюрьму по обвинению в убийстве нескольких христианских мальчиков с ритуальной целью. Стараясь разжечь национально-религиозную рознь, представители православной церкви подбирали «доказательства» применения евреями крови христианских детей. Минский архиепископ Анатолий первый доставил «материалы» о мифическом «отроке Гаврииле», якобы замученном евреями еще в 1690 г., а киевский митрополит Евгений выискал соответствующие выписки из польской ритуальной литературы. С обвинениями против велижских евреев выступил также местный священник Тарашкевич, пытавшийся доказать враждебность евреев христианству и их «тиранское злодейство». В качестве «сведущего лица» был привлечен и ксендз Паздерский. Запечатав велижскую синагогу, следственная комиссия, исполняя волю Николая I «исследовать все до корня», признала виновными в ритуальных убийствах не только велижских евреев, томившихся в тюрьме в течение восьми лет, но и всех евреев вообще. Осудил велижских евреев и Сенат, и только Государственный совет отменил постыдный приговор, признав обвинение евреев в ритуальных убийствах несостоятельным.

* * *

Для поддержания религиозной и национальной вражды к евреям в 1911–1913 гг. в Киеве был организован постыдный судебный процесс над приказчиком кирпичного завода М. Бейлисом по обвинению в убийстве им христианского мальчика Андрея Ющинского, фактически убитого шайкой уголовных преступников. На предварительном следствии в качестве экспертов-богословов допрашивались представители церкви: архимандрит Амвросий и профессор Киевской духовной академии священник Глаголев. В течение двух с половиной лет, пока продолжался процесс, духовные власти вели агитацию за кровавую расправу и издавали шовинистическую литературу,

стараясь вызвать еврейские погромы.

Эту позорную кампанию возглавляли церковные иерархи – волынский архиепископ Антоний Храповицкий, киевский митрополит Флавиан и саратовский епископ Алексей. Финляндский архиепископ Сергий также писал о возможности ритуальных убийств, а протопресвитер военного и морского духовенства Евгений Аквилонов в своей книге «Иудейский вопрос», доказывая возможность ритуальных убийств, требовал лишения евреев политических прав. Отражая мнение церковных верхов, орган Петербургской духовной академии «Церковный вестник» в ряде статей выступил против воззвания передовой русской интеллигенции во главе с М. Горьким и В. Г. Короленко, организовавшей Комитет для борьбы с антисемитской политикой правительства и церкви.

Помимо православного духовенства в человеконенавистнической кампании приняли активное участие и представители католической церкви. На суде основная роль была поручена ксендзу Пранайтису – «знатоку» по ритуальным убийствам. В. Д. Бонч-Бруевич, активный участник судебного процесса, с негодованием писал об этом мрачном представителе католической инквизиции: «В черной сутане, бритый, хитрый, мстительный и жестокий, он выступал здесь на суде, при свете XX в., выступал так, как когда-то выступали его предки в давно прошедшие, полные ужаса и крови времена. Потомок тех, кто замучил и сжег сотни тысяч людей, ксендз Пранайтис пришел в русский суд и заявил требование на еврейскую кровь. Кровь, пролитая духовными его отцами, подмывает и тревожит его и ему самому нужно хоть чем-нибудь удовлетворить эту жажду крови, жажду ненависти и человеконенавистничества»[90].

После провала процесса пропаганда национальной и религиозной вражды не прекратилась. Духовные власти продолжали издавать антисемитскую литературу, и предприняли попытку сфабриковать «святых» – якобы замученных евреями христианских мальчиков. В апреле 1914 г. состоялось торжественное «прославление», т. е. канонизация, «мученика» Гавриила Заблудовского, якобы убитого евреями в XVII в. В постыдном торжестве участвовали 60 священников во главе с епископами – холмским Евлогием, волынским Антонием и минским Митрофаном.

Вскрывая политический смысл антиеврейских процессов и деятельности духовенства в защиту кровавых наветов, В. И. Ленин писал: «Дело Бейлиса еще и еще раз обратило внимание всего цивилизованного мира на Россию, раскрыв позорные порядки, которые царят у нас. Ничего похожего на законность в России нет

и следа. Все позволено администрации и полиции для бесшабашной и бесстыдной травли евреев – все позволено вплоть до прикрытия и сокрытия преступления»[91].

В обстановке травли народов нерусской национальности возникло и «мултанское дело», когда 10 крестьян-удмуртов, жителей села Старый Мултан Вятской губернии были ложно обвинены в принесении человеческих жертв языческим богам. На суде, происходившем в 1892 г., в качестве «сведующих лиц» выступали и местные священники. Было осуждено семеро крестьян-удмуртов, а все население Мултана было обвинено в участии, укрывательстве и содействии. И в этом позорном деле духовенство выступило с защитой человеконенавистнических идей. Священник Н. Н. Блинов в качестве «специалиста» по удмуртской религии написал статью, в которой он поддерживал версию о человеческих жертвоприношениях удмуртов. Это вызвало резкую отповедь В. Г. Короленко, обвинившего автора статьи в том, что он поддерживает «полицейскую инквизицию». Отповедь В. Г. Короленко не смутила, однако, инквизитора в рясе, и с обвинениями по адресу удмуртов он выступил на X съезде естествоиспытателей и врачей, а затем выпустил книгу «Языческий культ вотяков». В этой книге он продолжал травить удмуртов. «Труд» священника Блинова подвергся резкой критике В. Г. Короленко. В статье «Из Вятского края», помещенной в журнале «Русское богатство», писатель со свойственной ему страстностью разоблачил этого мракобеса в рясе, защищавшего и пропагандировавшего человеконенавистнические взгляды, разделявшиеся также и обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым. Как сообщил А. Ф. Кони в статье «Короленко и суд», Победоносцев внимательно следил за мултанским делом, стараясь дать ему такое направление, чтобы обеспечить обвинительный приговор.

Благодаря вмешательству прогрессивной интеллигенции во главе с В. Г. Короленко позорный приговор, осудивший целый народ, был отменен, и удмурты, томившиеся в тюрьме в течение четырех лет, получили свободу.

* * *

Верховным защитником и хранителем догматов православной церкви и блюстителем правоверия провозглашался царь, повиноваться которому, как сказано в законах, повелевал сам бог. Православная церковь объявлялась национальной, русской церковью. От русских людей требовалось, чтобы они

«любили эту церковь вместе с царем и царицей превыше всего». Обязанность защищать православную церковь и ее интересы возлагалась на все гражданское и военное начальство.

Уважение к православной церкви, ее обрядам, к церковному «благочинию» поддерживалось с помощью полиции. Полиция следила за тем, чтобы при выполнении церковных обрядов не нарушалось благочиние, чтобы народ чтил праздничные и воскресные дни, чтобы раскольники и сектанты не занимались пропагандой своего учения. Она же защищала священников от всяких обид и оказывала им помощь. Под надзор гражданского начальства и полиции было поставлено и соблюдение церковных обрядов, в частности исповеди. За оскорбление церковного благочиния, за неуважительное отношение к церковным обрядам, особенно за богохульство, виновные сурово наказывались, их лишали гражданских прав и ссылали в каторжные работы сроком до 15 лет.

Православный священник как представитель государственной церкви пользовался особой защитой закона: за оскорбление священника словами назначалось тюремное заключение до восьми месяцев, за избиение ссылали в отдаленные места Сибири, за причинение священнику увечья назначалась каторга от 4 до 10 лет. Если же в результате побоев священник умирал, то виновный ссылался на каторгу сроком от 12 до 15 лет.

Православной церкви предоставлялось право без всяких стеснений порицать другие религии, ей оказывала в этом содействие полиция. Выступление же против православной церкви, против ее обрядов считалось кощунством. Такое выступление наказывалось тюрьмой или ссылкой в каторжные работы. Переход из православия в другую религию, хотя бы и христианскую, рассматривался как большое преступление и сурово наказывался. За религиозную пропаганду и «совращение» в Уложении о наказаниях 1897 г. была целая система взысканий, вплоть до каторги. Как отмечалось выше, отступники от православия еще в XVIII в. подвергались смертной казни, а имущество их конфисковалось. По Уложению о наказаниях 1897 г. за переход в магометанство, еврейство или другую нехристианскую религию виновные лишались гражданских прав и ссылались на каторгу на 8–10 лет. За совращение из православия в другую христианскую религию виновных лишали гражданских прав и ссылали в Сибирь. За проповедь или сочинение, направленное к совращению из православия в другую религию, полагалась тюрьма сроком до четырех лет и ссылка в Сибирь. Уложение о наказаниях 1903 г. немногим отличалось от Уложения 1897 г. Оба они имели прямую связь с Уложением

1649 г. Нетерпимость, контроль над совестью и суровые наказания за несоблюдение законов о вере – вот что характерно для них.

Несоблюдение жестоких законов, подавлявших свободу совести, квалифицировалось как восстание против власти. Характеризуя эти законы, В. И. Ленин в статье «К деревенской бедноте» писал в 1903 г.: «Только в России да в Турции из европейских государств остались еще позорные законы против людей иной, не православной веры, против раскольников, сектантов, евреев. Эти законы либо прямо запрещают известную веру, либо запрещают распространять ее, либо лишают людей известной веры некоторых прав. Все эти законы – самые несправедливые, самые насильственные, самые позорные. Каждый должен иметь полную свободу не только держаться какой угодно веры, но и распространять любую веру и менять веру. Ни один чиновник не должен даже иметь права спрашивать кого ни на есть о вере; это дело совести, и никто тут не смеет вмешиваться»[92].

Преследования за несоблюдение этих позорных законов носили массовый характер. Об этом говорит хотя бы количество уголовных дел по религиозным преступлениям. Например, за 1842–1846 гг. зарегистрировано 3192 дела, а за 1847–1852 гг. – 3971 дело [93].

Каждый год в среднем судили до тысячи человек, главным образом за выступление против церкви и религии («богохуление»), за отказ от казенной церкви и переход в разные секты. Естественно, что царский суд редко оправдывал лиц, привлеченных к суду за нежелание верить и молиться так, как требовала казенная церковь. Виновных ждала каторга, ссылка в отдаленные места Сибири.

Тем не менее, уже в 60-х годах XVIII в. широко распространилось движение, направленное против господства казенной церкви. Религиозные вольнодумцы называли казенную церковь содомом и сходбищем нечистого духа, а иконы – идолами. Они отрицали почитание святых, а священников считали слугами сатаны и злого духа. Это антикрепостническое движение под религиозной оболочкой жестоко подавлялось при содействии духовенства. В села, где распространялось это движение, вводились войска, а следствие над захваченными представителями движения вело духовенство. Так, в 1769 г. Синод вел следствие над 232 участниками такого антицерковного движения в Тамбовской и Воронежской губерниях. Сенатским приговором, вынесенным по представлению Синода, участники движения были приговорены к смертной казни. Ее заменили

затем военной службой и ссылкой на крепостные работы. Жен участников этого движения отправили вместе с мужьями, а детей распределили по военным школам. Имущество осужденных поступило в казну[94].

* * *

Жестоким преследованиям подвергались и последователи секты духоборов. Духоборы иносказательно толковали догмат святой троицы (бог-отец – память, бог-сын – разум, бог-дух святой – воля), отрицали необходимость церквей, икон, церковной обрядности, попов, угодников, монашества. Они, однако, не выступали против царя и его власти, считая, что основа зла – это не царь, а его чиновники и духовенство. Духоборчество было признано особо вредной сектой, и против нее начались массовые гонения. Так, в 1799 г. в Новгородской губернии за принадлежность к этой секте было осуждено более 30 крестьян. Их сослали в Екатеринбург навсегда в рудничные наитягчайшие работы, причем их велено было содержать на работе скованными. «Пусть они, – отмечалось в приговоре, – отвергающие вышнюю власть на земле, восчувствуют ее через сие как следует». В 1804 г. духовенство села Троицкая Дубрава Тамбовской губернии пыталось при содействии полиции заставить крестьян-духоборов исполнять обряды православной церкви. Крестьяне отказались, и священник Агеев учинил над ними зверскую расправу. Крестьянам рвали усы и бороды, смазывали дегтем и секли в три кнута. Два крестьянина – Петр Добышев и Филипп Дубасов были засечены до смерти. Тело одного из засеченных духоборов крестьяне привезли в Тамбов и как протест против зверской расправы оставили в передней губернаторского дома. Участников этой политической демонстрации наказали кнутом и сослали в Кольский острог, а их имущество отобрали в казну[95].

В 1807 г. за переход в духоборчество приговорили к смертной казни двух казаков войска донского – Прокудина и Артемьева. Смертный приговор им был заменен затем вечным заключением в Соловецкий монастырь[96].

Чтобы изолировать духоборов от остального крестьянского населения и усилить контроль за ними со стороны священников и полиции, их ссылали из центральных губерний в Крым и Закавказье. В конце XIX в. свыше трехсот духоборов за отказ служить в царской армии и сожжение оружия было отправлено в бессрочную каторгу в Якутию. Многие крестьяне во время насильственного переселения гибли, многие, спасаясь от

преследования, бежали в Канаду и другие страны.

Жестоким преследованиям подвергались и молокане. Основателем секты молокан был крестьянин села Уварово Борисоглебского уезда Тамбовской губернии Семен Уклеин. Молокане отрицательно относились к крепостничеству, но не к царской власти. Они считали, что все зло идет от чиновников и духовенства. Они признавали свободу человеческой природы и равенство всех, независимо от состояния, выступали против церковных обрядов и духовенства. Молоканство получило широкое распространение особенно в среде государственных и помещичьих крестьян, а также среди городских элементов. В 30-х годах XIX в., по официальным данным, их насчитывалось около 200 тысяч. Карательными действиями против молокан отличался тамбовский епископ Арсений. Он заточал упорствующих сектантов в монастыри, закрывал их школы, разрушал семьи, содействовал массовому выселению в Закавказье. Молоканам не разрешалось иметь в услужении православных, равно как самим служить у православных, им не давали паспортов для поездок по торговым и иным делам. Этими мерами правительство и церковь пытались ограничить распространение сектантства. С другой стороны, в XIX в. вожаками сектантства становились буржуазные элементы, влияние секты на крестьянские массы уменьшилось, сами сектанты становились более лояльными по отношению к самодержавию.

В некоторых сектах отразилось недовольство крестьян грабительской крестьянской реформой 1861 г. Эти секты возникли вскоре после того, как правительство подавило активный протест крестьян против их ограбления, выразившийся в массовых крестьянских восстаниях. Так, в 1866 г. среди крестьян Пермской губернии широкую известность получила секта, основанная крестьянином Адрианом Пушкиным. Он призывал крестьян не платить выкупные платежи за землю, что, естественно, нашло горячую поддержку. Секта была разгромлена, многие крестьяне подверглись суровым наказаниям, а ее основатель был сослан в Соловецкий монастырь, где пробыл с 1866 по 1882 г.

В 1868 г. среди крестьян ряда деревень Сарапульского уезда была популярной секта иконоборцев. Наряду с. отказом поклоняться иконам и исполнять церковные обряды сторонники этой секты отказались платить выкупные платежи и другие повинности. Как доносил вятский епископ, они «неблагоговейно и злочестиво выражались о царе». При содействии епископа секта была разгромлена, в острог попало свыше двухсот ее сторонников[97]. Духовенство разогнало также братство людей

божиих, возникшее в 1868 г. Последователи этой секты требовали земельного передела и справедливого раздела земли.

Подрыв православной веры, русской народности и самодержавия церковь и правительство усматривали и в секте штундистов. Штундисты не признавали царя за помазанника божия, а власть считали злом, уклонялись от военной службы, агитировали за имущественное равенство. Представители церкви обвиняли последователей секты в том, что они воспитывают народ в духе неповиновения властям, подрывают веру в божественное происхождение царской власти, сеют недовольство церковью и духовенством. Штундистов ссылали на каторгу, в ссылку, отбирали у них детей и помещали в монастыри для воспитания в «православном духе»[98].

В качестве примера расправы с этой сектой приведем такой эпизод, о котором сообщалось на орловском миссионерском съезде в 1901 г. В 80-х годах XIX в. по настоянию местного священника штундистов заперли в церкви, принесли стол, покрыли скатертью, поставили икону и стали подводить к ней. Тех, кто отказывался приложиться, пороли тут же, в церкви[99]. Одобряя эти меры, духовные власти считали, что карательные действия помогают казенной церкви укреплять ее господство над народом. Многим сектантам запрещалось отлучаться с места жительства, приобретать и арендовать земельные участии, их лишали права выбора в сельские общества. Сектантов выселяли в административном порядке, ссылали в Сибирь и Закавказье, а наиболее опасных заключали в монастырские тюрьмы.

На третьем миссионерском съезде, состоявшемся в Москве в 1897 г., духовенство потребовало учинить над сектантами вторую Варфоломеевскую ночь и применить к ним «сильные средства» – отбирать детей, конфисковывать имущество, лишать гражданских прав закрывать школы, где учатся их дети. Миссионеры настаивали, чтобы на фабриках и заводах производилась регистрация отношения рабочих к религии.

С такой же непримиримостью выступали священники – миссионеры на епархиальных съездах. Присутствовавший на орловском миссионерском съезде в 1901 г. редактор журнала «Миссионерское обозрение» В. М. Скворцов подчеркивал, что вопросы веры и церкви тесно связаны с интересами государственной власти. Он называл сектантов «паразитами» и доказывал, что среди сектантов якобы развиваются антигосударственные идеи, что они подрывают основы религии. Для ограждения «свободы» официальной церкви Скворцов настаивал на физической расправе с сектантами[100]. Участник съезда киевский миссионер С. М. Потехин восхвалял полицейские

методы борьбы с сектантством. «Мы благословляем государственную власть в России, – говорил он, – которая, начиная с помазанника божия и кончая слугами его, всеми этими губернаторами, судьями, исправниками, становыми и урядниками… идет на помощь церкви, препятствует свободе отпадения и совращения»[101].

Так же и воронежский миссионер Рождественский говорил о необходимости беспощадно использовать для борьбы с сектантством во имя «свободы» православия государственный меч.

* * *

Духовные власти и церковная печать жаловались вместе с тем на всеобщее падение религиозности народа, его «благочестия», говорили, что прежнее чувство почтительности к духовенству сменилось прямой враждой и озлоблением к нему. Многим священникам объявляли бойкот, требовали прекращения контрреволюционной пропаганды, их часто удаляли силой как дармоедов и прислужников помещиков и капиталистов. Само правительство устами председателя совета министров С. Витте должно было признать, что духовенство из духовных пастырей превратилось в агентов полицейского надзора и потеряло всякое доверие народа. «Глохнет, замирает церковная жизнь в деревне, с горечью признавал холмский епископ Евлогий, – заменяется фабрично-заводским легкомыслием и равнодушием к церкви».

Интересен с этой точки зрения отчет обер-прокурора Синода за 1911–1912 гг. «Как черная туча надвигается на родную церковь… неверие, – писал он. – Наряду с неверием под вековые устои церкви подкапывается социализм, отрицающий бога и церковь и вместо благ небесных сулящий блага земные. Везде, где успела сложиться крупная промышленность, социализм пленяет себе в послушание множество трудящихся. Не ограничиваясь классом фабричных рабочих, социалисты стремятся оторвать от церкви и крестьянство»[102].

Приведя далее отзывы епархиальных архиереев о распространении в ряде губерний «тлетворного духа отрицания», обер-прокурор говорит о том, что православие «находится в положении враждебных и дерзких нападений». Особенно пугало церковное начальство падение религиозности среди молодежи, которая индифферентно относилась к вопросам религии, проявляла неуважение и кощунство к духовенству и религиозным обрядам и «открыто идет в самый бесшабашный атеизм».

Наиболее непримиримые представители церкви призывали к открытой борьбе со всеми, защищавшими право на свободу совести. Так, профессор Киевской духовной академии священник Лященко взывал: «Все на врага! Вы, стоящие на страже господней, бейте тревогу! Воины, быстрее за оружие. Вот меч, вот шлем, вот щит! Тесней вокруг знамени, вперед на врага Христа!»[103].

В годы первой русской революции развернулось широкое демократическое движение за свободу совести, за отделение церкви от государства и школы от церкви. Царское правительство в страхе перед революцией было вынуждено отказаться от непримиримости к неправославным и нехристианским религиям и предоставило некоторые права иноверцам. Однако указами от 17 апреля и 17 октября 1905 г. переход из христианской религии в нехристианскую запрещался по-прежнему, насилие над верой и совестью граждан не прекращалось.

Уже после издания указов о так называемой религиозной веротерпимости административные ограничения по делам о вере продолжались. «Совращение» из православия, т. е. пропаганда неправославных религиозных учений, наказывалось в уголовном порядке, а за распространение в печати материалов против господствующей церкви заключали в крепость сроком до одного года. Указом от 17 октября была объявлена религиозная амнистия, однако положение людей, сосланных на каторгу и в ссылку за выступления против казенной церкви, не было облегчено.

В годы реакции, наступившей после подавления революции 1905–1907 гг., были аннулированы и те немногие льготы, которые предоставлялись неправославным и нехристианским народам указами о веротерпимости. Наступление на совесть граждан усилилось. Требуя отмены этих указов, духовные власти говорили, что они вырваны у самодержавия «безрелигиозными элементами», что это ловкий подкоп крамолы под устои самодержавия. Они жаловались, что из-за этих законов православная церковь перенесла великие бедствия, что из-за них упала религиозность народа.

Для разработки мероприятий против свободы совести в июле 1908 г. после длительного перерыва в Киеве был созван очередной миссионерский съезд, на котором присутствовало свыше шестисот представителей духовенства, в том числе 3 митрополита и 32 епископа. Это был съезд воинствующего духовенства, пытавшегося драконовскими мерами задушить свободомыслие в области религии и лишить гражданских прав тех, кто выступал против казенной церкви. Съезд принял меры против отпадения в католичество и лютеранство, а также против

распространения социал-демократических идей. Наиболее опасным врагом религии съезд считал революционный марксизм.

На следующем миссионерском съезде, собравшемся в 1911 г., присутствовало около тысячи представителей духовенства во главе с обер-прокурором Синода Извольским. Церковники требовали возврата к старым методам борьбы с религиозным индифферентизмом, с «инаковерующими». В связи с массовым отпадением от казенной церкви особое совещание миссионеров, на котором присутствовал премьер-министр Столыпин, настояло на применении полицейских мер для укрепления христианства.

Уход от казенной церкви рассматривался как «натиск» на православие, как попытка его расшатать, а заодно разрушить и самодержавие[104]. Опасаясь отхода масс от религии и роста революционного движения, царское правительство пыталось пойти на некоторые уступки неправославным религиям и с этой целью подготовило проект закона о свободе совести. Но духовные власти настаивали на сохранении жестоких законов о вероисповедании. Выступая в ноябре 1911 г. в Государственном совете против законопроекта о свободе совести, варшавский архиепископ Николай и новгородский архиепископ Арсений заявили, что задача православной церкви – обрусить и опровославить все нерусское и неправославное. Они говорили, что закон о свободе совести разрушит союз между самодержавием и церковью. Под влиянием Синода законопроект был отклонен. Через два года законопроект вновь обсуждался в Государственной думе. И на этот раз Синод протестовал против смягчения религиозной нетерпимости, считая, что эта мера вызовет возмущение народной совести и потрясение государственных основ. Он настаивал на предоставлении казенной церкви исключительных прав и на сохранении карательных мер против тех, кто пытался выйти из этой религиозной кабалы.

Церковники проповедовали, что свобода совести повлечет за собой нравственную распущенность народа, неповиновение властям, рост революционного движения[105]. Человека нельзя предоставить собственной совести, говорили они, так как человек – существо падшее, растленное. Ему необходима религиозная узда, которую может дать только православная церковь. Особенно нетерпимы были для правительства и церкви атеисты, т. е. лица, не исповедовавшие никакой религии. «Подданные без религии» объявлялись нежелательными элементами, вызывавшими «смуты и беззакония». «Вневероисповедное состояние», т. е. атеизм, решительно осуждалось.

Гонения на просвещение и науку

Представители современной православной церкви пытаются скрыть реакционную деятельность этой церкви в прошлом и ее борьбу с просвещением и наукой. Они утверждают, что гонение на просвещение и науку в России, если оно и было, то носило случайный характер, и что церковь никогда не отрицала необходимости и пользы просвещения и науки.

Профессор Московской духовной академии А. Иванов во время встречи. с представителями церкви США в своем докладе «Христианская вера и современная наука» уверял, что и вера, и наука – каждая имеет свою особую область и не мешает одна другой. Профессор Ленинградской духовной академии Л. Парийский в докладе на ту же тему доказывал, что религия не может противоречить науке, так как, по его словам, «библия и природа – это две книги, написанные богом и предназначенные человеку».[106]. С таким восхвалением церкви не согласился присутствовавший на встрече представитель церковных организаций США доктор Бойль. Он напомнил своим православным коллегам недавнюю историю Церкви, когда наука и ученые преследовались как угрожающие религии[107].

Другие же представители православной церкви не отрицали реакционной роли этой церкви в истории культурного развития русского народа, но говорили, что православная церковь была насильно поставлена на служение самодержавию, которое угнетало церковь, заставило создать догмат о божественном происхождении царской власти, что проповедь реакции проводилась по настоянию самодержавия.

В действительности было не так. Церковь в союзе с самодержавием была гонительницей просвещения народа и насаждала невежество и мракобесие. Православная церковь признавала только такое просвещение, которое было основано на религии. Просвещение же, не освященное благодатным влиянием религии, говорили ее представители, скорее пагубно, чем полезно.

Относясь враждебно к просвещению народа и развитию отечественной науки, церковь часто была инициатором травли наиболее талантливых ученых и прогрессивных учителей. Она тормозила развитие просвещения и науки, добивалась уничтожения книг передовых ученых.

Уже в древней Руси церковь выступала в роли гонительницы просвещения и науки. На церковных соборах XIV–XVII вв. рассматривались и утверждались индексы запрещенных книг.

Древнейший церковный памятник – Кормчая книга – за чтение таких книг назначала церковное проклятие. Книги, признанные вредными, предлагалось сжигать на теле лиц, у которых они были обнаружены.

Особенно ненавистны были духовным властям книги, пришедшие с Запада. Стремясь сохранить в неприкосновенности господствующую религиозную идеологию, духовные власти боролись с проникновением в Москву западноевропейских идей, уничтожали привезенные оттуда книги, а распространителей этих идей и хранителей запрещенных книг подвергали жестокой казни. При Иване III за хранение и чтение иностранных книг в Москве сожгли в деревянной клетке князя Лукомского вместе с переводчиком Матиасом Ляхом, обвинив их в чародействе и злом умысле. Тогда же как колдуна, знавшегося с нечистой силой, казнили врача-иностранца Антона Эренштейна, а в 1580 г., в царствование Ивана IV, сожгли как «лютого волхва» придворного врача-иностранца Бомелия.

Нетерпимость к просвещению и науке проявлялась духовными властями и в XVII в. При царе Федоре Алексеевиче хотели сжечь голландского фельдшера Квиринуса по обвинению в волшебстве. Боярина Артамона Сергеевича Матвеева за его пристрастие к книгам в 1676 г. обвинили в чародействе и сослали в Пустозерский монастырь. При организации в 1687 г. «рассадника просвещения» – Славяно-греко-латинской академии на нее возложили обязанность наблюдать, чтобы иностранцы не производили «противностей» православной церкви. Инквизиторы академии должны были сжигать еретические, гадательные и «богохульные» книги, а лиц, виновных в их распространении, доставлять для наказания в «градский» суд.

* * *

В XVIII в. правительство прикрывалось модным в то время лозунгом «просвещения». Но к просвещению правительство и духовное ведомство продолжали относиться с крайней враждебностью, подвергая гонениям прогрессивных мыслителей и ученых. Уже в начале XVIII в. авторов и распространителей сочинений против церкви предлагалось допросить с «очисткой» и прислать в Синод с расспросными речами. Даже Академия наук не была свободна от бдительного контроля представителей церкви. Они проверяли ее издания, выискивая в них места «сумнительные и противные христианским законам, правительству и добронравию». По их настоянию в 1743 г. был

изъят изданный Академией наук астрономический календарь, в котором духовные цензоры умудрились найти сведения о планетах, «к соблазну народному склонные». Они возражали также против предпринятого Академией наук издания русских летописей – этого ценнейшего источника для изучения русской истории. По отзывам духовных цензоров, в летописях содержится «много лжи явственные».

Ненависть Синода и духовенства вызвал и великий русский ученый М. В. Ломоносов, исследования которого подрывали основы религии. Ломоносов отвергал церковное учение о неизменности природы и создании ее богом. «Напрасно думают, – писал он, – что все, как видим, сначала творцом создано. Таковые рассуждения весьма вредны приращению наук. Легко быть философом, выучив три слова: бог так сотворил, – и сие давая в ответ вместо всех причин»[108].

Ломоносов высмеивал тупость и невежество духовенства, выступавшего против науки. В 1740 г. по инициативе Ломоносова была издана книга французского ученого, академика Фонтенеля «Разговор о множестве миров», в которой в популярной форме излагались научные данные астрономии, шедшие вразрез с религиозными мифами о создании мира. Синод признал книгу Фонтенеля «противной вере и нравственности»; книгу изъяли и уничтожили. Раздраженный выступлениями М. В. Ломоносова против религии и церкви, Синод хотел помешать его научной деятельности. Он требовал, чтобы произведения Ломоносова были сожжены, а сам Ломоносов был отослан в Синод «для увещания и исправления»[109]. Нападки Синода не запугали Ломоносова, он продолжал настаивать на свободе научных исследований, требовал, чтобы духовенство «не привязывалось» к науке и не ругало ученых в своих проповедях.

В 1756 г. Московский университет хотел издать философскую поэму выдающегося английского писателя Александра Попа (1688–1744) «Опыт о человеке». В этой книге автор выступал против средневековых научных взглядов о строении вселенной. Естественно, это вызвало резкие нападки духовных цензоров, которые нашли в книге «зловредные идеи Коперника о множестве миров, противные Священному писанию», и книга была запрещена. «Исправление» книги поручили московскому митрополиту Амвросию. Тот переделал поэму Попа, заменив стихи, в которых говорилось о множестве миров и коперниковской системе, своими стихами. В таком искаженном виде книга и была издана в 1757 г.

Преследованиям духовных властей подвергся прогрессивный ученый, профессор математики Московского университета Д. С.

Аничков (1733–1788), издавший в 1759 г. диссертацию «Рассуждение из натурального богословия о начале и происхождении богопочитания у разных, особенно невежественных народов». Аничков отвергал божественное происхождение религии и обвинял духовенство в невежестве и шарлатанстве.

Отзыв о диссертации Аничкова дал московский митрополит Амвросий. Книга была признана им «вредной и соблазнительной». По его настоянию книгу Аничкова публично сожгли в Москве на Лобном месте. Другой профессор Московского университета, И. Мельман, за критику им религии и церкви по доносу московского митрополита Платона был отстранен от преподавания и отправлен в Тайную канцелярию, где его подвергли пыткам. Затем ученого выслали в Восточную Пруссию. В припадке безумия он покончил с собой.

Ненависть духовного ведомства вызвала деятельность выдающегося русского просветителя Н. И. Новикова, сумевшего за короткий срок издать много книг по всем отраслям знания. В книгах резко критиковались религиозный фанатизм и суеверия. По доносу Петра Алексеева, протоиерея московского Архангельского собора, Новикова арестовали, а изданные им книги конфисковали. За оппозиционное отношение к самодержавию, за активную просветительную деятельность и критику религии и церкви Новикова как опасного государственного преступника заключили в Шлиссельбургскую крепость, откуда он вышел только через 15 лет, после смерти ненавидевшей его Екатерины.

Не избежал цепких лап духовных инквизиторов и другой выдающийся русский писатель, А. Н. Радищев, автор знаменитого «Путешествия из Санкт-Петербурга в Москву». Радищев был материалистом, он считал, что материя и природа существуют вечно, что их нельзя ни уничтожить, ни создать. Радищев отстаивал единство души и тела и критиковал религиозные взгляды на бессмертие души, осуждал царский деспотизм, религиозные суеверия. Воззрения Радищева были найдены «противными закону божьему, десяти заповедям, Священному писанию, православию и гражданскому закону». Книгу Радищева, уничтожили, а его как «бунтовщика хуже Пугачева» приговорили к смертной казни, которая была заменена 10-летней каторгой. Прошло более ста лет, и вновь эта книга писателя-материалиста подверглась осуждению со стороны церкви. В 1903 г. духовные цензоры нашли, что книга Радищева все еще опасна для религии и церкви, что она подрывает авторитет светской и духовной власти. По требованию церковников весь тираж книги

уничтожили.

* * *

Французская революция 1789 г. напугала самодержавие. Опасаясь проникновения в Россию революционных идей, самодержавие усилило цензурные репрессии. Во многих городах были организованы цензурные комитеты с участием представителей духовного ведомства. Эти комитеты были настоящими инквизиционными трибуналами. Они сжигали на кострах «вредные» книги, преследовали их авторов и лиц, заподозренных в хранении этих книг. Не довольствуясь деятельностью этих инквизиционных трибуналов, Синод организовал в 1797 г. еще особую духовную цензуру, которой были предоставлены самые широкие полномочия. Духовная цензура вторгалась во все области науки, в литературу, общественно-политическую жизнь, старалась в корне заглушить все прогрессивное. Она накладывала свою руку на все, что имело хотя бы отдаленное отношение к религии.

Талантливые книги французских философов-материалистов, разоблачавших реакционную сущность религии, встречены были духовным ведомством с особенной враждебностью. Уже с 80-х годов XVIII в. церковники боролись с распространением этих идей. Духовное ведомство издавало литературу, в которой подвергало критике идеи Вольтера и философов-материалистов, добивалось конфискации и сожжения их произведений. Гонения на эти произведения не прекращались и в XIX–XX ее. Так, в 1868 г. в труде Вольтера «Философия истории» духовные цензоры нашли «глумление над истинами и опровержение священного писания». По их настоянию этот труд Вольтера был уничтожен. В 1890 г. уничтожили «Сатирические и философские диалоги» Вольтера, а в 1893 г. – его поэтические произведения, в которых были найдены «антирелигиозные тенденции»[110].

Такая же участь постигла произведения «корифея безбожия», выдающегося представителя домарксова материализма и атеизма Дени Дидро (1713–1784). Начиная с конца XVIII в., духовные власти добивались запрещения и уничтожения не только его философских, но и художественных произведений. Ненависть духовного ведомства вызывали и атеистические трактаты Гольбаха (1723–1789). Его знаменитая книга «Система природы» считалась одной из самых страшных книг и справедливо называлась «библией материализма». Еще в 1770 г. эту «адскую книгу» предали огню католические инквизиторы и с тех пор ее

неоднократно запрещали и в России. Даже в 1898 г., опасаясь «адского» действия этой книги, разрушавшей, по словам духовных цензоров, основные начала религии, духовные инквизиторы настояли на ее уничтожении.

Так же расправились они и с книгой английского философа-материалиста Томаса Гоббса (1588–1679) «Левиафан», которую католические инквизиторы включили в список вредных книг еще в XVII в. и подвергли ее публичному сожжению. Через 200 лет ее осудили православные инквизиторы. Они признали книгу Гоббса «противной священному писанию и православной церкви» и добились ее сожжения в 1874 г. За выступление против церкви уничтожили в 1871 г. книгу «О человеке» другого выдающегося философа-материалиста XVIII в. – Гельвеция.

* * *

Во второй половине XIX в. в связи с ростом революционного движения для охраны самодержавия были приняты крайне реакционные меры. Для усиления влияния духовенства в области просвещения народа была организована широкая сеть церковно-приходских школ. Они должны были воспитывать детей в духе преданности самодержавию, православной церкви и так называемой «русской народности».

Церковно-приходская школа рассматривалась как дополнение к церкви. В ее программе главное место занимали церковные предметы – закон божий, церковнославянский язык, церковное пение, богослужение. Изо дня в день детям внушали, что власть царя дана от бога, им говорили об «избранности» русского народа, проповедовали религиозную нетерпимость и национальную вражду. На уроках русского языка, истории священники убеждали детей, что бог – творец и промыслитель мира, к которому дети должны проникнуться любовью и благодарностью. Из церковных школ «изгонялись» учебники прогрессивных педагогов – К. Д. Ушинского, И. А. Худякова, В. П. Вахтерова, так как они – по отзывам духовных цензоров – мешали развитию религиозных чувств. Их заменяли антинаучные учебники, составленные в религиозно-монархическом духе. К светским начальным школам духовные власти относились крайне враждебно, называя их «орудием растления народа». Церковники обвиняли эти школы в том, что они заражены «противорелигиозностью», «безнравственностью», пытались настроить крестьян против них и добиться их закрытия.

Передовые учителя пытались разоблачить ложь религиозного

толкования явлений природы, дать детям зачатки научного представления о мире. Но эти попытки встречали противодействие со стороны духовенства. Представители церкви писали доносы на прогрессивных учителей, добивались их увольнения. Они говорили: «Пусть дети лучше останутся темными людьми, но добрыми христианами и верными сынами царя и отечества, чем будут грамотными, но напитанными ядом революции»[111].

Особую ненависть вызвала пропаганда в школе идей дарвинизма. Священники внушали детям, что Дарвин – богоотступник, который восстал против Священного писания, что теория Дарвина – еретическая, так как она противоречит Библии. Священники запрещали пользоваться учебными пособиями – картинами по географии, зоологии, даже глобусом, ибо школа должна развивать не ум, а сердце и религиозность.

Реакционные цели преследовались самодержавием и в средней школе. Учеников воспитывали «в духе истин религии, уважения к правам собственности». Древние языки и закон божий не оставляли времени на естественные науки. Писатель А. Серафимович, вспоминая свои ученические годы, писал: «Нас душили в гимназиях латинским, греческим, законом божьим, давили всем, лишь бы задушить живую душу»[112].

Духовные власти рассчитывали, что преподавание закона божьего спасет учеников от религиозного индифферентизма, от неверия. Поэтому закон божий считался главным предметом, его учили во всех классах, начиная с приготовительного. Для религиозного воспитания использовались и другие предметы школьной программы – русский язык, история, законоведение и др. Представители церкви превозносили значение православной церкви в истории России, расхваливали «любовь» духовенства к народу, говорили, что русскому народу якобы свойственна особая религиозность.

Религиозная идеология в школе насаждалась полицейскими мерами. От учителей требовалось, чтобы они поддерживали религиозные взгляды. Изучение естествознания и других точных наук, говорили священники, действует отрицательно на нравственность молодежи. Спасение от неверия видели в пропаганде религиозной идеологи. Ученики и учителя обязаны были регулярно ходить в церковь, исповедоваться, принимать участие в церковных службах, в церковном хоре. За ними существовал неослабный надзор; учеников, пренебрегавших церковными обязанностями, изгоняли из школы как неблагонадежных. Изгонялись и прогрессивные учителя, которые пытались внести в преподавание живое слово, познакомить

учеников с подлинной наукой.

Засилье религиозных взглядов вызвало протест со стороны учащихся, особенно сильно он проявился во время первой русской революции. Ученики отказывались посещать церковные службы, говеть, настаивали на исключении из школьной программы закона божьего, уничтожали ненавистный им «Катехизис» Филарета. Они открыто проявляли неуважение к священникам, требовали удаления из школ наиболее реакционных из них. Несмотря на господствовавший в школе «классический кошмар» и полицейский террор, в школу стали проникать учение Дарвина, революционные идеи. Среди учащихся появилось отрицательное отношение к церкви и религии.

Это вызвало усиление террора со стороны духовных властей, особенно после подавления русской революции 1905 г. Пытаясь изгнать из школы революционный дух, духовное ведомство стало усиливать в ней «церковность». В школе опять безраздельно господствовали религиозные представления о происхождении мира и человека, из школьной программы исключалось все, что противоречило религиозному представлению о мире. На языке священников это называлось борьбой с «нравственной дряблостью».

* * *

В 60-х годах XIX в. в связи с развитием капитализма в России возникла необходимость в грамотных рабочих. Стали возникать воскресные и вечерние школы, где прогрессивные преподаватели учили рабочих грамоте, знакомили их с основами наук, а также с идеями революционных демократов. Правительство закрыло эти школы, считая их рассадниками революции. Взамен них были открыты новые школы, контроль за которыми был возложен на священников. Вместо науки здесь водворялось религиозное мракобесие. Неугодных учителей, несших в народ подлинные знания, церковники при помощи полиции изгоняли.

Осуждая политику самодержавия и церкви против просвещения народа, А. И. Герцен писал: «Делают все так, чтобы куда человек ни обернулся, перед его глазами был бы или палач земной, или палач небесный, – один с веревкой, готовый все кончить, другой с огнем, готовый сжечь всю вечность»[113].

Вместо книг, которые дали бы народу знания, духовное ведомство издавало большими тиражами книги и брошюры, рассчитанные на растление народа, на отвлечение его от

классовой борьбы. Спекулируя на тяге народа к знанию, духовное ведомство способствовало изданию житий «святых», а также книжек и раскрашенных картин с изображением событий из ветхо – и новозаветной истории, со сценами страшного суда, ада и мучений «грешников». Такая литература мутным потоком шла в деревню, заполняла библиотеки для народа, покупалась на его трудовые копейки и отравляла народное сознание.

Книг научно-популярных и художественных было очень мало. Правительство и церковь считали, что развитие грамотности и любовь к чтению развращают народ, способствуют росту материалистических идей и развитию революционного движения. В 60-х годах XIX в. было запрещено издание увлекательного романа Жюля Верна «Путешествие к центру Земли». Духовные цензоры нашли, что этот роман может развить антирелигиозные идеи и уничтожить доверие к Священному писанию и духовенству. В 1886 г. по настоянию представителей церкви было наложено вето на книгу знаменитого французского ученого астронома К. Фламариона «Мир до создания человека»; она-де опровергает библейские сказания о чудесах, о сотворении человека и подрывает религиозные устои[114].

Так же враждебно отнеслись духовные цензоры и к книге Роберта Коха «Природа и человечество в свете учения о развитии», в которой известный ученый знакомил читателей с открытиями в области естественных наук. В списки запрещенных книг внесли в 1893 г. книгу выдающегося ученого Г. Н. Гетчинсона «Автобиография Земли» и добились ее уничтожения. Даже в 1905 г. представители цензурного ведомства и духовенства говорили, что научно-популярная литература вредна для народа, так как якобы дает мало знаний, приучает к верхоглядству, развращает народную душу. Они требовали запрещения научно-популярной литературы и расширения издания церковных, так называемых религиозно-нравственных книг и брошюр.

Правительство и духовенство тщательно следили за библиотеками для народа. Эти библиотеки пополнялись главным образом книгами религиозно-нравственного содержания, произведения же лучших русских писателей – Салтыкова-Щедрина, Гл. Успенского, Некрасова, Короленко, Чехова, Шевченко и др. в них не допускались.

Чтение художественной литературы духовное ведомство считало грехом, ибо усматривало в ней угрозу для религии. Духовное ведомство старалось помешать распространению художественной литературы, добиваясь ее запрещения и уничтожения. При издании в 1853 г. полного собрания сочинений

Н. В. Гоголя из его произведений по требованию духовных властей исключили многие места, которые были найдены оскорбительными для церкви.

Многие огорчения чинили духовные инквизиторы известному писателю М. Загоскину. Московский митрополит Филарет нашел в произведениях Загоскина «смешение» церковных и светских предметов, и в угоду Филарету автору пришлось основательно переделать свои произведения, чтобы они могли увидеть свет[115]. От духовной цензуры пострадал и Н. С. Лесков. При издании в 1889 г. собрания его сочинений духовная цензура «растерзала» шестой том, в котором были собраны произведения из жизни духовенства. Весь тираж книги был уничтожен. Рассказывая о расправе «попов толстопузых» над своей книгой, Лесков назвал эту расправу «подлым самочинством и самовластием со стороны всякого прохвоста»[116].

За литературной деятельностью Л. Н. Толстого следил лично обер-прокурор Синода Победоносцев. По его настоянию многие произведения Толстого, как противные учению и духу христианства, не увидели света в свое время. Еще в 1901 г. Синод добился запрещения романа Толстого «Воскресение» за «неуважительные отзывы о православной церкви и христианстве». Преследованиям духовной цензуры подвергался Максим Горький, которого обвинили в том, что в центре своих произведений он ставит не дух, а тело, чем и подрывает религиозные устои общества.

Православные цензоры, подобно католическим инквизиторам, с большой враждебностью относились к произведениям прогрессивных иностранных писателей, разоблачавших реакционную сущность религии и мракобесную деятельность ее служителей. Произведения великого немецкого писателя Генриха Гейне «Книга песен», «Боги в изгнании» и др. были признаны богохульными и по настоянию духовной цензуры уничтожены. Даже в последнем дореволюционном полном собрании сочинений Г. Гейне (1904) многие места, «подрывавшие» благочестие, были исключены. Духовные власти наложили запрет на многие произведения выдающихся французских писателей: Постава Флобера, Анатоля Франса, Эмиля Золя, Анри Барбюса и др. В них были обнаружены «кощунственные и богохульные» мысли, глумление над христианством. В 1908 г. было изъято одно из лучших произведений А. Франса «Остров пингвинов», а в 1914 г. – роман «Восстание ангелов». Эти произведения А. Франса еще в 1922 г. включались католической церковью в списки запрещенной литературы[117].

Не менее жестоко расправлялись представители церкви с народными зрелищами, с театром. В XVII в. они отбирали у народа музыкальные инструменты – домры, сумры, гудки, гусли и сжигали их на площадях. В XIX–XX вв. духовные власти сравнивали театр с опиумом и добились запрещения устраивать зрелища накануне праздничных и воскресных дней, а за посещение театра в дни великого поста грозили отлучением от церкви и церковным проклятием. Духовное ведомство следило, чтобы в пьесах не было критики религии, не только христианской, но даже языческой. По их настоянию из пьес и оперных либретто вычеркивались целые страницы за то, что в них якобы оскорблялось религиозное чувство верующих. Так, пострадали комедия Гоголя «Ревизор» – за насмешливое отношение к религии и церкви; опера А. Рубинштейна «Демон» – за положения, несовместимые с учением православной церкви (либретто пришлось переделывать по указке духовных цензоров); драма Л. Н. Толстого «И свет во тьме светит» – за критику православной церкви. Духовное ведомство в 1910 г. добилось запрещения ее постановки.

* * *

Духовные власти относились враждебно и к передовой науке, к ее лучшим представителям. Опасаясь, что развитие естествознания и распространение материалистических идей подорвет основу христианской религии – веру в бессмертие души, духовные власти боролись против распространения этих идей. В 1866 г. появилась замечательная книга русского ученого И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», в которой разоблачались религиозные представления о человеке и его душе. По настоянию духовных цензоров эту книгу «за изложение самых крайних материалистических взглядов» признали вредной и наложили на нее арест. Автора хотели сослать в Соловецкий монастырь «для смирения и исправления». Но к книге И. М. Сеченова было привлечено внимание общества, и, боясь возбудить к ней особый интерес, цензурное ведомство было вынуждено снять с нее арест. Однако труд И. М. Сеченова продолжал долгое время числиться в списках запрещенных книг. Автора книги зачислили в число «неблагонадежных» и запретили ему читать лекции для народа[118].

Против развития отечественной науки был и московский митрополит Филарет. Он осудил лекции выдающегося русского естествоиспытателя К. Ф. Рулье (1814–1858), отстаивавшего

материалистические принципы в биологии, и обвинил его в том, что он подрывает веру в библейские мифы о сотворении мира. Преследование выдающегося ученого привело его к преждевременной смерти[119].

Гонениям со стороны Филарета подвергся и другой выдающийся ученый – историк, профессор Московского университета Т. Н. Грановский. Его обвинили в том, что он оказывает вредное влияние на студентов, так как в своих лекциях по истории он не упоминал о роли божественного промысла в историческом процессе. Под цензурным запретом были произведения выдающегося представителя русского материализма А. И. Герцена, который в страстных и гневных словах разоблачал реакционную сущность православной церкви, защиту ею самодержавия и помещиков, враждебное отношение церкви к развитию отечественной науки. В 1893 г. была сделана попытка издать в России сочинения А. И. Герцена, но из четырех тысяч страниц его сочинений цензурой было вымарано больше трех тысяч, и издание не увидело света. Причиной запрещения, как писали защитники духовного ведомства, был «атеизм А. И. Герцена и его социальные идеи». Представители духовного ведомства, добиваясь запрещения произведений А. И. Герцена, выпускали против него грязные книжонки, в которых называли Герцена «богоотступником и врагом христианской веры, противником православия».

С большой враждой встретили духовные власти учение великого английского ученого Чарльза Дарвина, основоположника материалистического учения о происхождении видов, нанесшего сокрушительный удар по религии. Дарвин-де и его последователи подрывают основы религии, не оставляя места для нравственности. Труды Ч. Дарвина преследовались и уничтожались. В 1890 г. была предпринята попытка познакомить русских читателей с книгой, популяризовавшей идеи Дарвина: «Чарлз Дарвин и его учение». Эту книгу духовные цензоры назвали «катехизисом материалистического отрицания религиозных идей». Она была запрещена. В 1895 г. за материалистический характер запретили книгу Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор». Не увидели русские читатели и книгу Сюдекума Альберта о жизни и учении Дарвина. Ее признали антирелигиозной и уничтожили[120].

Борясь против учения Дарвина, духовные власти не ограничивались запрещением произведений Дарвина, книг и статей, популяризовавших его взгляды. Они выступали против дарвинизма в своих проповедях, печатали статьи в журналах, книги, направленные против Дарвина и его учения. Называя

учение Дарвина «богохульным», они пытались доказать его «ненаучность», обвиняли Дарвина в том, что он разрушает нравственность. Духовные цензоры писали, что между эволюционной теорией и христианством существует противоречие самое серьезное, самое коренное, что учение Дарвина отрицает то, что составляет самую сущность религии.

Духовная цензура осуждала также материалистические идеи Эрнеста Геккеля (1834–1919) – крупнейшего немецкого ученого, естествоиспытателя и последователя Дарвина. В своих трудах Геккель клеймил церковное мракобесие, вскрывал реакционную роль церкви, разоблачал религиозные суеверия, а руководителей церкви называл «бессовестными шарлатанами и обманщиками». По настоянию духовенства произведения Геккеля попали в черные списки. Так, в 1873 г. запрещению подвергся труд Геккеля «Естественная история мироздания», ниспровергавший основы религии, особенно потому, что автор развивал в нем материалистическое учение о мироздании и, как считали духовные цензоры, глумился над библейскими сказками о происхождении мира и человека. В 1879 г. в списках оказалась и его «История племенного развития организмов», в которой излагалась эволюционная теория; книга была сожжена. В 1902 г. сожгли и всемирно известную книгу Э. Геккеля «Мировые загадки». За беспощадную критику идеализма и поповщины, за «дерзкие выходки против высочайших предметов христианского почитания» эта книга числилась в черных списках еще в 1916 г. [121].

Опаснейшим врагом религии считали и крупнейшего материалиста домарксова периода Людвига Фейербаха (1804–1872). Работы Фейербаха «О сущности религии», «История новой философии», «Теогония», «Мысли о смерти и бессмертии», «Сущность христианства» считались цензорами разрушительными для религии и христианства, так как в них критиковались библейские сказания о создании мира, человека, жизни на земле, о бессмертии души, разоблачалось религиозное мировоззрение. Еще в 1907–1910 гг. по настоянию духовных цензоров произведения Фейербаха, подрывавшие устои религии, уничтожались. Опасаясь разрушительной силы идей философа, цензурное ведомство, защищавшее интересы православной церкви, не разрешало излагать взгляды Фейербаха даже в журнальных статьях.

В 1888 г. за материалистические взгляды был наложен запрет на труд Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». Через 20 лет это произведение Энгельса вновь подвергли запрещению. В 1914 г. запретили

работу Энгельса «Принципы коммунизма», а в 1915 г. признали «кощунственной» работу «От классического идеализма к диалектическому материализму»; весь тираж этой книги был уничтожен[122]. Запрещениям подвергалось и собрание сочинений основоположников научного коммунизма: церковники справедливо считали, что эти бессмертные произведения зажигательно действуют на умы читателей.

* * *

Православная церковь, как мы видели, относилась к науке, особенно материалистической, с непримиримой враждебностью. Так, харьковский епископ Амвросий писал в 1901 г., что развитие науки приводит к росту неверия. Прогрессивных ученых он называл «опаснейшими врагами церкви»[123]. Другой епископ, Иннокентий, призывал отказаться от научного мировоззрения и вернуться к вере[124]. С особенной силой мракобесие выявилось в период первой русской революции. Церковники готовы были положить на костер и плаху всех, кто не разделял их реакционных взглядов на науку. Так, московский епископ Никон обвинял в 1905 г. московских профессоров в том, что они-де сгубили юношество и вовлекли его в революцию[125]. К этой точке зрения присоединился и петербургский митрополит Антоний Вадковский.

Пытаясь обосновать учение о боге как о создателе и управителе вселенной, представители церкви нападали прежде всего на принцип материальности мира. Они отрицали также объективный характер законов природы, ее вечность. Бог побеждает законы естества, следовательно возможны чудеса. Единственным источником мудрости и знания объявлялась Библия, а единственным критерием истины – религия; научное мировоззрение отвергалось как противоречащее этому критерию, всякое знание, идущее против религии, считалось псевдонаучным, ложным. Служители культа пытались убедить народ, что наука не принесла человечеству пользы, что она бесплодна и бессмысленна, не нужна для практической жизни. Таким образом духовенство настраивало народ против науки и ее прогрессивных представителей.

Однако церковь не могла помешать развитию научных идей, она была вынуждена приспосабливаться к новому времени. Теперь церковники заявили, что между наукой и религией нет противоречия, что естествознание и социальные науки не опровергают откровений и чудес, но согласуются с ними.

Фальсифицируя данные науки, духовенство стало доказывать, что современное естествознание подтверждает библейские сказки о сотворении мира, что эволюционная теория не отвергает догматы христианской церкви (сотворение человека, его грехопадение и искупление), что развитие естествознания вовсе не ведет к атеизму и не опасно для религии, что наука и религия могут жить между собой в союзе.

Приложение к 1-й части

Отлучение Л. Н. Толстого от церкви

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА от 20–22 февраля 1901 г., № 557, С ПОСЛАНИЕМ ВЕРНЫМ ЧАДАМ ПРАВОСЛАВНЫЕ ГРЕКО-РОССИЙСКИЕ ЦЕРКВИ О ГРАФЕ ЛЬВЕ ТОЛСТОМ

Святейший Синод в своем попечении о чадах Православной церкви, об охранении их от губительного соблазна и о спасении заблуждающихся, имев суждение о графе Льве Толстом и его противохристианском и противоцерковном лжеучении, признал благовременным, в предупреждение нарушения мира церковного, обнародовать через напечатание в «Церковных Ведомостях» нижеследующее свое послание:

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ

Святейший Всероссийский Синод верным чадам Православные Кафолические Греко-российские Церкви о Господе радоваться.

«Молим бы, братие, блюдитеся от творящих, распри и раздоры, кроме учения, ему же вы науяистеся, и уклонитеся от них» (Римл. 16, 17). Изначала Церковь Христова терпела хулы и нападения от многочисленных еретиков и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать в существенных ее основаниях, утверждающихся на вере в Христа, Сына Бога Живого. Но все силы ада, по обетованию Господню, не могли одолеть Церкви святой, которая пребудет неодоленною вовеки. И в наши дни Божиим попущением явился новый лжеучитель, граф Лев Толстой. Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние, явно пред всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной, и, посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселе

держалась и крепка была Русь святая.

В своих сочинениях и письмах, во множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого Отечества нашего, он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской: отвергает личного Живого Бога, во Святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа – Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради человек и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых; отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождества и по рождестве Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии, не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства Церкви и благодатное в них действие Святого Духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из Таинств, святую Евхаристию. Все сие проповедует граф Лев Толстой непрерывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем неприкровенно, но явно перед всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковию Православною. Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом.

Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею. Ныне о сем свидетельствует перед всей Церковию к утверждению правостоящих и к вразумлению заблуждающихся, особливо же к новому вразумлению самого графа Толстого. Многие из ближних его, хранящих веру, со скорбию помышляют о том, что он, на конце дней своих остается без веры в Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись от благословений и молитв Церкви и от всякого общения с нею.

Посему, свидетельствуя об отпадении его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние и разум истины (2 Тим., 2.25). Молим ти ся, милосердный Господи, не хотяй смерти грешных, услыши и помилуй, и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь.

Подлинное подписали:

Смиренный Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладожский.

Смиренный Феогност, митрополит Киевский и Галицкий.

Смиренный Владимир, митрополит Московский и Коломенский.

Смиренный Иероним, архиепископ Холмский и Варшавский.

Смиренный Иаков, епископ Кишиневский и Хотинский.

Смиренный Маркелл, епископ.
Смиренный Борис, епископ».

Отлучение было Синодом подготовлено еще в 1890 г., когда Толстой отказался от казенной церкви и открыто выступал против нее. Но церковники не провели сразу это решение в жизнь, опасаясь, что отлучение придаст Толстому ореол мученичества и тем увеличит число его сторонников.

Ответ Л. Н. Толстого на определение синода

«Ответ на определение синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма

Я не хотел сначала отвечать на постановление обо мне синода, но постановление это вызвало очень много писем, в которых неизвестные мне корреспонденты – одни бранят меня за то, что я отвергаю то, чего я не отвергаю, другие увещевают меня поверить в то, во что я не переставал верить, третьи выражают со мной единомыслие, которое едва ли в действительности существует, и сочувствие, на которое я едва ли имею право; и я решил ответить и на самое постановление, указав на то, что в нем несправедливо, и на обращения ко мне моих неизвестных корреспондентов.

Постановление синода вообще имеет много недостатков; оно незаконно или умышленно двусмысленно; оно произвольно, неосновательно, неправдиво и, кроме того, содержит в себе клевету и подстрекательство к бурным чувствам и поступкам.

Оно незаконно или умышленно двусмысленно потому, что если оно хочет быть отлучением от церкви, то оно не удовлетворяет тем церковным правилам, по которым может произноситься такое отлучение; если же это есть заявление о том, что тот, кто не верит в церковь и ее догмата, не принадлежит к ней, то это само собой разумеется, и такое заявление не может иметь никакой другой цели, как только ту, чтобы, не будучи в сущности отлучением, оно бы казалось таковым, что собственно и случилось, потому что оно так и было понято.

Оно произвольно, потому что обвиняет одного меня в неверии во все пункты, выписанные в постановлении, тогда как не только многие, но почти все образованные люди в России разделяют такое неверие и беспрестанно выражали и выражают его и в разговорах, и в чтении, и в брошюрах и книгах.

Оно неосновательно, потому что главным поводом своего появления выставляет большое распространение моего совращающего людей лжеучения, тогда как мне хорошо известно, что людей, разделяющих мои взгляды, едва ли есть сотня, и распространение моих писаний о религии, благодаря цензуре, так ничтожно, что большинство людей, прочитавших постановление синода, не имеют ни малейшего понятия о том, что мною писано о религии, как это видно из получаемых мною писем.

Оно содержит в себе явную неправду, утверждая, что со стороны церкви были сделаны относительно меня не увенчавшиеся успехом попытки вразумления, тогда как ничего подобного никогда не было.

Оно представляет из себя то, что на юридическом языке называется клеветой, так как в нем заключаются заведомо несправедливые и клонящиеся к моему вреду утверждения.

Оно есть, наконец, подстрекательство к дурным чувствам и поступкам, так как вызвало, как и должно было ожидать, в людях непросвещенных и нерассуждающих озлобление и ненависть ко мне, доходящие до угроз убийства и высказываемые в получаемых мною письмах. «Теперь ты предан анафеме и пойдешь после смерти в вечное мучение и издохнешь как собака… анафема ты, старый черт… проклят будь», пишет один. Другой делает упреки правительству за то, что я не заключен еще в монастырь, и наполняет письмо ругательствами. Третий пишет: «Если правительство не уберет тебя, – мы сами заставим тебя замолчать»; письмо кончается проклятиями. «Чтобы уничтожить прохвоста тебя, – пишет четвертый, – у меня найдутся средства…» Следуют неприличные ругательства. Признаки такого же озлобления после постановления синода я замечаю и при встречах с некоторыми людьми. В самый же день 25 февраля, когда было опубликовано постановление, я, проходя по площади, слышал обращенные ко мне слова: «Вот дьявол в образе человека», и если бы толпа была иначе составлена, очень может быть, что меня бы избили, как избили, несколько лет тому назад, человека у Пантелеймоновской часовни.

Так что постановление синода вообще очень нехорошо; то, что в конце постановления сказано, что лица, подписавшие его, молятся, чтобы я стал таким же, как они, не делает его лучше.

Это так вообще, в частностях же постановление это несправедливо в следующем. В постановлении сказано: «Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа его и на святое его достояние, явно перед всеми отрекся от вскормившей и

воспитавшей его матери, церкви православной».

То, что я отрекся от церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо. Но отрекся я от нее не потому, что я восстал на Господа, а напротив, только потому, что всеми силами души желал служить ему. Прежде чем отречься от церкви и единения с народом, которое мне было невыразимо дорого, я, по некоторым признакам усумнившись в правоте церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение церкви: теоретически – я перечитал все, что мог, об учении церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие; практически же – строго следовал, в продолжение более года, всем предписаниям церкви, соблюдая все посты и посещая все церковные службы. И я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения:

И я действительно отрекся от церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей, и мертвое мое тело убрали бы поскорей, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым.

То же, что сказано, что я «посвятил свою литературную деятельность и данный мне от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и церкви» и т. д., и что «я в своих сочинениях и письмах, во множестве рассылаемых мною так же, как и учениками моими, по всему свету, в особенности же в пределах дорогого отечества нашего, проповедую с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской», – то это несправедливо. Я никогда не заботился о распространении своего учения. Правда, я сам для себя выразил в сочинениях свое понимание учения Христа и не скрывал эти сочинения от людей, желавших с ними познакомиться, но никогда сам не печатал их; говорил же людям о том, как я понимаю учение Христа, только тогда, когда меня об этом спрашивали. Таким людям я говорил то, что думаю, и давал, если они у меня были, мои книги.

Потом сказано, что я «отвергаю Бога, во святой троице славимого создателя и промыслителя вселенной, отрицаю господа Иисуса Христа, богочеловека, искупителя и спасителя мира, пострадавшего нас ради человеков и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых, отрицаю бессеменное зачатие по человечеству Христа господа и девство до рождества и по рождестве пречистой богородицы».

Стоит только почитать требник и проследить за теми обрядами, которые не переставая совершаются православным духовенством и считаются христианским богослужением, чтобы увидать, что все эти обряды не что иное, как различные приемы колдовства, приспособленные ко всем возможным случаям жизни. Для того, чтобы ребенок, если умрет, пошел в рай, нужно успеть помазать его маслом и выкупать с произнесением известных слов; для того, чтобы родительница перестала быть нечистою, нужно произнести известные заклинания; чтобы был успех в деле или спокойное житье в новом доме, для того, чтобы хорошо родился хлеб, прекратилась засуха, для того, чтобы путешествие было благополучно, для того, чтобы излечиться от болезни, для того, чтобы облегчилось положение умершего на том свете, для всего этого и тысячи других обстоятельств есть известные заклинания, которые в известном месте и за известные приношения произносит священник.

То, что я отвергаю непонятную троицу и не имеющую никакого смысла в наше время басню о падении первого человека, кощунственную историю о Боге, родившемся от девы, искупляющем род человеческий, то это совершенно справедливо. Бога же – духа, бога – любовь, единого бога – начало всего, не только не отвергаю, но ничего не признаю действительно существующим, кроме Бога, и весь смысл жизни вижу только в исполнении воли Бога, выраженной в христианском учении.

Еще сказано: «не признает загробной жизни и мздовоздаяния». Если разуметь жизнь загробную в смысле второго пришествия, ада с вечными мучениями, дьяволами, и рая – постоянного блаженства, то совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни; но жизнь вечную и возмездие здесь и везде, теперь и всегда, признаю до такой степени, что, стоя по своим годам на краю гроба, часто должен делать усилия, чтобы не желать плотской смерти, то есть рождения новой жизни, верю, что всякий добрый поступок увеличивает истинное благо моей вечной жизни, а всякий злой поступок уменьшает его.

Сказано также, что я отвергаю все таинства. Это совершенно справедливо. Все таинства я считаю низменным, грубым, несоответствующим понятию о Боге и христианскому учению колдовством и, кроме того, нарушением самых прямых указаний Евангелия. В крещении младенцев вижу явное извращение всего того смысла, который могло иметь крещение для взрослых, сознательно принимающих христианство; в совершении таинства брака над людьми, заведомо соединявшимися прежде, и в допущении разводов и в освящении браков разведенных вижу прямое нарушение и смысла, и буквы Евангельского учения. В

периодическом прощении грехов на исповеди вижу вредный обман, только поощряющий безнравственность и уничтожающий опасение перед согрешением.

В елеосвящении так же, как и в миропомазании, вижу приемы грубого колдовства, как и в почитании икон и мощей, как и во всех тех обрядах, молитвах, заклинаниях, которыми наполнен требник. В причащении вижу обоготворение плоти и извращение христианского учения. В священстве, кроме явного приготовления к обману, вижу прямое нарушение слов Христа, – прямо запрещающего кого бы то ни было называть учителями, отцами, наставниками (Мф. XXIII, 8–10).

Сказано, наконец, как последняя и высшая степень моей виновности, что я, «ругаясь над самыми священными предметами веры, не содрогнулся подвергнуть глумлению священнейшее из таинств – евхаристию». То, что я не содрогнулся описать просто и объективно то, что священник делает для приготовлений этого, так называемого, таинства, то это совершенно справедливо; но то, что это, так называемое, таинство есть нечто священное и что описать его просто, как оно делается, есть кощунство, – это совершенно несправедливо. Кощунство не в том, чтобы назвать перегородку – перегородкой, а не иконостасом, и чашку – чашкой, а не потиром и т. п., а ужаснейшее, не перестающее, возмутительное кощунство – в том, что люди, пользуясь всеми возможными средствами обмана и гипнотизации, – уверяют детей и простодушный народ, что если нарезать известным способом и при произнесении известных слов кусочки хлеба и положить их в вино, то в кусочки эти входит Бог; и что тот, во имя кого живого вынется кусочек, тот будет здоров; во имя же кого умершего вынется такой кусочек, то тому на том свете будет лучше; и что тот, кто съест этот кусочек, в того войдет сам Бог.

Ведь это ужасно!

Как бы кто ни понимал личность Христа, то учение его, которое уничтожает зло мира и так просто, легко, несомненно дает благо людям, если только они не будут извращать его, это учение все скрыто, все переделано в грубое колдовство купанья, мазания маслом, телодвижений, заклинаний, проглатывания кусочков и т. п., так что от учения ничего не остается. И если когда какой человек попытается напомнить людям то, что не в этих волхвованиях, не в молебнах, обеднях, свечах, иконах учение Христа, а в том, чтобы люди любили друг друга, не платили злом за зло, не судили, не убивали друг друга, то поднимется стон негодования тех, которым выгодны эти обманы, и люди эти во всеуслышание, с непостижимой дерзостью говорят в церквах, печатают в книгах, газетах, катехизисах, что Христос никогда не

запрещал клятву (присягу), никогда не запрещал убийство (казни, войны), что учение о непротивлении злу с сатанинской хитростью выдумано врагами Христа (Речь Амвросия, епископа харьковского).

Ужасно, главное, то, что люди, которым это выгодно, обманывают не только взрослых, но, имея на то власть, и детей, тех самых, про которых Христос говорил, что горе тому, кто их обманет. Ужасно то, что люди эти для своих маленьких выгод делают такое ужасное зло, скрывая от людей истину, открытую Христом и дающую им благо, которое не уравновешивается и в тысячной доле получаемой ими от того выгодой. Они поступают, как тот разбойник, который убивает целую семью, 5–6 человек, чтобы унести старую поддевку и 40 коп. денег. Ему охотно отдали бы всю одежду и все деньги, только бы он не убивал их. Но он не может поступить иначе. То же и с религиозными обманщиками. Можно бы согласиться в 10 раз лучше, в величайшей роскоши содержать их, только бы они не губили людей своим обманом. Но они не могут поступать иначе. Вот это-то и ужасно. И потому обличать их обманы не только можно, но должно. Если есть что священное, то никак уже не то, что они называют таинством, а именно эта обязанность обличать их религиозный обман, когда видишь его. Если чувашин мажет своего идола сметаной или сечет его, я могу равнодушно пройти мимо, потому что то, что он делает, он делает во имя чуждого мне своего суеверия и не касается того, что для меня священно; но когда люди, как бы много их ни было, как бы старо ни было их суеверие и как бы могущественны они ни были, во имя того Бога, которым я живу, и того учения Христа, которое дало жизнь мне и может дать ее всем людям, проповедуют грубое колдовство, я не могу этого видеть спокойно. И если я называю по имени то, что они делают, то я делаю только то, что должен, чего не могу не делать, если я верую в Бога и христианское учение. Если же они вместо того, чтобы ужаснуться на свое кощунство, называют кощунством обличение их обмана, то это только доказывает силу их обмана и должно только увеличивать усилия людей, верующих в Бога и в учение Христа, для того, чтобы уничтожить этот обман, скрывающий от людей истинного Бога.

Про Христа, выгнавшего из храма быков, овец и продавцов, должны были говорить, что он кощунствует. Если бы он пришел теперь и увидал то, что делается его именем в церкви, то еще с большим и более законным гневом наверно повыкидал бы все эти ужасные антиминсы, и копья, и кресты, и чаши, и свечи, и иконы, и все то, посредством чего они, колдуя, скрывают от людей Бога и его учение.

Так вот что справедливо и что несправедливо в постановлении обо мне синода. Я действительно не верю в то, во что они говорят, что верят. Но я верю во многое, во что они хотят уверить людей, что я не верю.

Верю я в следующее: верю в Бога, которого понимаю как дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что он во мне и я в нем. Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться считаю величайшим кощунством. Верю в то, что истинное благо человека – в исполнении воли Бога, воля же его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними, как и сказано в Евангелии, что в этом весь закон и пророки. Верю в то, что смысл жизни каждого отдельного человека поэтому только в увеличении в себе любви, что это увеличение любви ведет отдельного человека в жизни этой ко все большему и большему благу, дает после смерти тем большее благо, чем больше будет в человеке любви, и вместе с тем и более всего другого содействует установлению в мире царства Божия, то есть такого строя жизни, при котором царствующие теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собою. Верю, что для преуспеяния в любви есть только одно средство: молитва, – не молитва общественная в храмах, прямо запрещенная Христом (Мф. VI, 5–13), а молитва, образец которой дан нам Христом, – уединенная, состоящая в восстановлении и укреплении в своем сознании смысла своей жизни и своей зависимости только от воли Бога.

Оскорбляют, огорчают или соблазняют кого-либо, мешают чему-нибудь и кому-нибудь или не нравятся эти мои верования, – я так же мало могу их изменить, как свое тело. Мне надо самому одному жить, самому одному и умереть (и очень скоро), и потому я не могу никак иначе верить, как так, как верю. Готовясь идти к тому Богу, от которого исшел. Я не говорю, чтобы моя вера была одна несомненно на все времена истинна, но я не вижу другой – более простой, ясной и отвечающей всем требованиям моего ума и сердца; если я узнаю такую, я сейчас же приму ее, потому что Богу ничего, кроме истины, не нужно. Вернуться же к тому, от чего я с такими страданиями только что вышел, я уже никак не могу, как не может летающая птица войти в скорлупу того яйца, из которого она вышла. «Тот, кто начнет с того, что полюбит христианство более истины, очень скоро полюбит свою церковь или секту более, чем христианство, и кончит тем, что будет любить себя (свое спокойствие) больше всего на свете», – сказал Кольридж.

Я шел обратным путем. Я начал с того, что полюбил свою православную веру более своего спокойствия, потом полюбил христианство более своей церкви, теперь же люблю истину более всего на свете. И до сих пор истина совпадает для меня с христианством, как я его понимаю. И я исповедую это христианство; и в той мере, в какой исповедую его, спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь к смерти.

4 апреля 1901. Москва».

Церковь и государство (из статьи Л. Н. Толстого)

Вера есть смысл, даваемый жизни, есть то, что дает силу, направление жизни. Каждый живущий человек находит этот смысл и живет на основании его. Если не нашел, – то он умирает. В искании этом человек пользуется всем тем, что выработало все человечество. Все это, выработанное человечеством, называется откровением. Откровение есть то, что помогает человеку понять смысл жизни. Вот отношение человека к вере.

Что ж за удивительная вещь? Являются люди, которые из кожи лезут вон для того, чтобы другие люди пользовались непременно этой, а не той формой откровения. Не могут быть покойны, пока другие не примут их, именно их форму откровения, проклинают, казнят, убивают всех, кого могут, из несогласных. Другие делают то же самое – проклинают, казнят, убивают всех, кого могут, из несогласных. Третьи – то же самое. И так все друг друга проклинают, казнят, убивают, требуя, чтобы все верили, как они. И выходит, что их сотни вер, и все проклинают, казнят, убивают друг друга.

Я сначала был поражен тем, как такая очевидная бессмыслица, такое очевидное противоречие не уничтожит самую веру? Как могли оставаться люди верующие в этом обмане?

И действительно, с общей точки зрения это непостижимо и неотразимо доказывает, что всякая вера есть обман, и что все это суеверия, что и доказывает царствующая теперь философия. Глядя с общей точки зрения, и я неотразимо пришел к признанию того, что все веры – обманы людские, но я не мог не остановиться на соображении о том, что самая глупость обмана, очевидность его и вместе с тем то, что все-таки все человечество поддается ему, что это самое показывает, что в основе этого обмана лежит что-то необманчивое. Иначе все так глупо, что нельзя обманываться. Даже эта общая всему человечеству, истинно живущему, поддача себя под обман заставила меня признать важность того явления, которое служит причиной обмана. И

вследствие этого убеждения я стал разбирать учение христианское, служащее основой обману всего христианского человечества.

Так выходит с общей точки зрения; но с личной точки зрения, с той, вследствие которой каждый человек и я, для того чтобы жить, должен иметь веру в смысл жизни и имеет эту веру, – это явление насилия в деле веры еще более поразительно своей бессмыслицей.

В самом деле, как, зачем, кому может быть нужно, чтобы другой не только верил, но и исповедывал бы свою веру так же, как я? Человек живет, стало быть знает смысл жизни. Он установил свое отношение к богу, он знает истину истин, и я знаю истину истин. Выражение их может быть различно (сущность должна быть одна и та же – мы оба люди). Как, зачем, что может меня заставить требовать от кого бы то ни было, чтобы он выражал свою истину непременно так, как я?

Заставить человека изменить свою веру я не могу ни насилием, ни хитростью, ни обманом (ложные чудеса).

Вера есть его жизнь. Как же я могу отнять у него его веру и дать ему другую? Это все равно, что вынуть из него сердце и вставить ему другое. Я могу сделать это только тогда, когда вера и моя, и его – слова, а не то, чем он живет, – нарост, а не сердце. Этого нельзя сделать и потому, что нельзя обмануть или заставить верить человека в то, во что он не верит и нельзя потому, что тот, кто верит, – т. е. установил свои отношения с богом и потому знает, что вера есть отношение человека к богу, – не может желать установить отношения другого человека с богом посредством насилия или обмана. Это невозможно, но это делается, делалось везде и всегда; т. е. делаться это не могло, потому что это невозможно, но делалось и делается что-то такое, что очень похоже на это; делалось и делается то, что люди навязывают другим подобие веры, и другие принимают это подобие веры, – подобие веры, т. е. обман веры.

Вера не может себя навязывать и не может быть принимаема ради чего-нибудь: насилия, обмана или выгоды; а потому это не вера, а обман веры. И этот-то обман веры есть старое условие жизни человечества.

В чем же состоит этот обман и на чем он основан? Чем вызван для обманывающих и чем держится для обманутых?

Не буду говорить о браминизме, буддизме, конфуцианстве, магометанстве, в которых были те же явления, не потому, чтобы невозможно было и здесь найти то же. Для каждого, читавшего об этих религиях, будет ясно, что то же совершалось и в тех верах, что и в христианстве; но буду говорить исключительно о

христианстве, как о вере нам известной, нам нужной и дорогой. В христианстве весь обман построен на фантастическом понятии церкви, ни на чем не основанном и поражающем с начала изучения христианства своей неожиданной и бесполезной бессмыслицей.

Из всех безбожных понятий и слов нет понятия и слова более безбожного, чем понятие церкви. Нет понятия, породившего больше зла, нет понятия более враждебного учению Христа, как понятие церкви.

В сущности слово экклезия значит собрание и больше ничего и так употреблено в Евангелиях. В языках всех народов слово экклезия означает дом молитвы. Дальше этих значений, несмотря на 1500-летнее существование обмана церкви, слово это не проникло ни в какой язык. По определениям, которые дают этому слову те жрецы, которым нужен обман церкви, оно выходит не что иное, как предисловие, говорящее: все, что я теперь буду говорить, все истина, и если не поверишь, то я тебя сожгу, или прокляну и всячески обижу. Понятие это есть софизм, нужный для некоторых диалектических целей, и остается достоянием тех, которым оно нужно. В народе, не только в народе, а в обществе и в среде образованных людей, несмотря на то, что этому учат в катехизисах, понятия этого нет совсем.

Определение это (как ни совестно серьезно разбирать его, надо это сделать, потому что столько людей так серьезно выдают его за что-то важное) – определение это совершенно ложно. Когда говорят, что церковь есть собрание истинно верующих, то собственно ничего не говорят (не говоря уж о фантастических мертвых), потому что если я скажу, что капелла есть собрание всех истинных музыкантов, то я ничего не сказал, если не сказал, что я называю истинными музыкантами. По богословию же оказывается, что истинно верующие – те, которые следуют учению церкви, т. е. находятся в церкви. Не говоря уже о том, что истинных таких вер сотни, определение ничего не говорит и, казалось бы, даже бесполезно, как определение капеллы собранием истинных музыкантов; но тотчас же за этим виднеется конец ушка. Церковь истинна и едина, и в ней пастыри и паства; и пастыри, богом установленные, учат этому истинному и единому учению, т. е.: «Ей-богу, все, что мы будем говорить, все истинная правда». Больше ничего нет. Обман весь в этом, в слове и понятии церкви. И смысл этого обмана только тот, что есть люди, которым без памяти хочется учить других своей вере.

Для чего же им так хочется учить своей вере других людей? Если бы у них была истинная вера, они бы знали, что вера есть смысл жизни, отношение с богом, устанавливаемое каждым

человеком, и что потому нельзя учить вере, а только обману веры. Но они хотят учить. Для чего? Самый простой ответ был бы тот, что попу нужны лепешки и яйца, архиерею – дворец, кулебяка и шелковая ряса. Но этот ответ недостаточен.

Таков, без сомнения, внутренний, психологический повод к обману, повод, поддерживающий обман. Но как, разбирая, каким образом мог один человек (палач) решиться убивать другого человека, против которого он не имеет никакой злобы, было бы недостаточно сказать, что палач убивает потому, что ему дают водки, калачи и красную рубаху, точно так же недостаточно сказать, что киевский митрополит с монахами набивает соломой мешки, называя их мощами угодников, только для того, чтобы иметь 30 тысяч дохода. И то, и другое действие слишком ужасно и противно человеческой природе для того, чтобы такое простое, грубое объяснение могло быть достаточно. Как палач, так и митрополит, объясняя свой поступок, приведут целый ряд доказательств, которых главная основа будет историческое предание. «Человека надо казнить. Казнили с тех пор, как свет стоит. Не я, так другой. Я сделаю это, надеюсь, с божией помощью, лучше, чем другой». Так же скажет митрополит: «Внешнее богопочитание нужно. С тех пор, как свет стоит, почитали мощи угодников. Пещерные мощи почитают, ходят сюда. Не я, так другой будет хозяйничать над ними. Я, с божией помощью, надеюсь богоугоднее употребить эти деньги, вырученные кощунственным обманом».

Чтобы понять обман веры, надо пойти к его началу и источнику. Мы говорим о том, что знаем о христианстве. Обратясь к началу христианского учения, в Евангелиях мы находим учение, прямо исключающее внешнее богопочитание, осуждающее его и в особенности ясно, положительно отрицающее всякое учительство. Но от времени Христа, приближаясь к нашему времени, мы находим отклонение учения от этих основ, положенных Христом. Отклонение это начинается со времен апостолов, особенно охотника до учительства Павла; и чем дальше распространяется христианство, тем больше и больше оно отклоняется и усваивает себе приемы того самого внешнего богопочитания и учительства, отрицание которого так положительно выражено Христом. Но в первые времена христианства понятие церкви употребляется только как представление о всех тех разделяющих то верование, которое я считаю истинным, – понятие совершенно верное, если оно не включает в себя выражение верований словами, но всей жизнью, так как верование не может быть выражено словами.

Употреблялось еще понятие истинной церкви, как довод

против разногласящих, но до царя Константина и Никейского собора церковь есть только понятие, со времени же царя Константина и Никейского собора церковь становится делом, и делом обмана. Начинается тот обман митрополитов с мощами, попов с евхаристиею, Иверских, синодов и т. п., которые так поражают и ужасают нас и не находят достаточного объяснения, по своему безобразию, в одной выгоде этих лиц. Обман этот старый, и он начался не из одних выгод частных лиц. Нет такого человека изверга, который бы решился это делать, если бы он был первый и если бы не было других причин. Причины, приведшие к этому, были недобрые. «По плодам узнаете их». Начало было зло – ненависть, человеческая гордость, вражда против Ария и других; и другое, еще большее зло – соединение христиан с властью. Власть – Константин царь, по языческим понятиям стоящий на высоте величия человеческого, (их причитали к богам), принимает христианство, подает пример всему народу, обращает народ и подает руку помощи против еретиков и уставляет посредством вселенского собора единую правую христианскую веру.

Христианская кафолическая вера установлена навсегда. Так естественно было поддаться на этот обман, и до сих пор еще так верят в спасительность этого события.

А это было то событие, где большинство христиан отреклось от своей веры; это были те росстани, где огромное большинство пошло с христианским именем по языческой дороге и идет до сих пор. Карл великий, Владимир продолжают то же. И обман церкви идет до сих пор, обман, состоящий в том, что принятие властью христианства нужно для тех, которые понимают букву, а не дух христианства, потому что принятие христианства без отречения от власти есть насмешка над христианством и извращение его.

Освящение власти государственной христианством есть кощунство, есть погибель христианства. Прожив 1500 лет под этим кощунственным союзом мнимого христианства с государством, надо сделать большое усилие, чтобы забыть все сложные софизмы, которыми 1500 лет, везде в угоду власти, изуродовав все учение Христа, чтобы оно могло ужиться с государством, пытались объяснить святость, законность государства и возможность его быть христианским. В сущности же слова «христианское государство» есть то же, что слова: теплый, горячий лед. Или нет государства, или нет христианства.

Для того, чтобы ясно понять это, надо забыть все те фантазии, в которых мы старательно воспитываемся, и прямо спрашивать о значении тех наук исторических и юридических, которым нас учат. Основ эти науки не имеют никаких. Все эти

науки не что иное, как апология насилия.

Пропустив истории персов, мидян и т. д., возьмем историю того государства, которое первое составило союз с христианством.

Было разбойничье гнездо в Риме; оно разрослось грабительством, насилием, убийством; оно завладело народами. Разбойники и потомки их, с атаманами, которых называли то Кесарем, то Августом, во главе, – грабили и мучили народы для удовлетворения своих похотей. Один из наследников этих разбойничьих атаманов, Константин, начитавшись книг и пресытившись похотной жизнью, предпочел некоторые догматы христианства прежним верованиям. Принесению людских жертв он предпочел обедню, почитанию Аполлона, Венеры и Зевса он предпочел единого бога с сыном Христом и велел ввести эту веру между теми, которых он держал под своей властью.

«Цари властвуют над народами, между вами да не будет так. Не убей, не прелюбодействуй, не имей богатств, не суди, не присуждай. Терпи зло». Всего этого никто не сказал ему. «А ты хочешь называться христианином и продолжать быть атаманом разбойников, бить, жечь, воевать, блудить, казнить, роскошествовать? Можно».

И они устроили ему христианство. И устроили очень покойно, даже так, что и нельзя было ожидать. Они предвидели, что, прочтя Евангелие, он может хватиться, что там требуется все это, т. е. жизнь христианская, кроме построения храмов и хождения в них. Они предвидели это и внимательно устроили ему такое христианство, что он мог, не стесняясь, жить по-старому, по-язычески. С одной стороны – Христос, сын бога, затем только и приходил, чтобы его и всех искупить. Оттого, что Христос умер, Константин может жить, как хочет. А этого мало – можно покаяться и проглотить кусочек хлебца с вином, это будет спасенье, и все простится. Мало того, – они еще его власть разбойничью освятили и сказали, что она от бога, и помазали его маслом. Зато и он им устроил, как они хотели – собрание попов, и велел сказать, какое должно быть отношение каждого человека к богу, и каждому человеку велел так повторять.

И все стали довольны, и вот 1500 лет эта самая вера живет на свете, и другие разбойничьи атаманы ввели ее, и все они помазаны, и все, все от бога. Если какой злодей пограбит всех, побьет много народа, его они помажут – он от бога. У нас мужеубийца, блудница была от бога, у французов – Наполеон. А попы зато – не только уж от бога, но почти сами боги, потому что в них сидит дух святой. И в папе, и в нашем синоде с его командирами чиновниками.

И как какой помазанник, т. е. атаман разбойников, захочет побить чужой и свой народ, – сейчас ему сделают святой воды, покропят, крест возьмут (тот крест, на котором умер нищий Христос за то, что он отрицал этих самых разбойников) и благословят побить, повесить, голову отрубить.

И все бы хорошо, да не умели и тут согласиться и стали помазанники друг друга называть разбойниками (то, что они и есть), и стали попы друг друга называть обманщиками (то, что они и есть); а народ стал прислушиваться и перестал верить и в помазанников, и в хранителей св. духа, а выучился у них же называть их, как следует и как они сами себя называют, т. е. разбойниками и обманщиками.

Но о разбойниках только пришлось к слову, потому что они развратили обманщиков. Речь же об обманщиках, мнимых христианах. Такими они сделались от соединения с разбойниками. И не могло быть иначе. Они сошли с дороги с той первой минуты, как освятили первого царя и уверили его, что он своим насилием может помочь вере, – вере о смирении, самоотвержении и терпении обид. Вся история настоящей церкви, не фантастической, т. е. история иерархии под властью царей есть ряд тщетных попыток этой несчастной иерархии сохранить истину учения, проповедуя ее ложью и на деле отступая от нее. Значение иерархии основано только на учении, которому она хочет учить. Учение говорит о смирении, самоотречении, любви, нищете; но учение проповедуется насилием и злом.

Для того, чтобы иерархии было чему учить, чтобы были ученики, нужно не отрекаться от учения, но для того, чтобы очистить себя и свою незаконную связь с властью, нужно всякими ухищреннейшими соображениями скрыть сущность учения. А для этого нужно перенести центр тяжести учения не на сущность учения, а на внешнюю сторону его. И это самое делает иерархия.

Так вот: источник того обмана веры, который проповедуется церковью, источник его есть соединение иерархии, под именем церкви, с властью – насилием. Источник же того, что люди хотят научить других людей вере, в том, что истинная вера обличает их самих и им нужно вместо истинной веры подставить свою вымышленную, которая бы их оправдывала.

Истинная вера везде может быть, только не там, где она явно насилующая, – не в государственной вере. Истинная вера может быть во всех так называемых расколах, ересях, но наверное не может быть только там, где она соединилась с государством. Странно сказать, но название «православная, католическая, протестантская» вера, как эти слова установились в обыкновенной речи, значат не что иное, как вера, соединенная с

властью, т. е. государственная вера и потому ложная.

Понятие церкви, т. е. единомыслия многих, большинства, и вместе с тем близость к источнику учения в первые два века христианства, был только один из плохих внешних доводов. Павел говорил: «я знаю от самого Христа». Другой говорил: «я знаю от Луки». И все говорили: мы думаем верно, и доказательство того, что мы верно думаем, то, что нас большое собрание, экклезия, церковь. Но только с собора в Никее, устроенного царем, начался – для части исповедующих одно и то же учение – прямой и осязательный обман. «Изволися нам и св. духу», – стали говорить тогда. Понятие церкви стало уже не только плохой аргумент, а стало для некоторых власть. Оно соединилось с властью и стало действовать, как власть. И все то, что соединилось с властью и подпало ей, перестало быть верой, а стало обманом.

Чему учит христианство, понимая его как учение какой бы то ни было церкви или всех церквей?

Как хотите разбирайте, смешивая или подразделяя, но тотчас же все учение христианское распадется на два резкие отдела: учение о догматах, начиная с божественности сына, духа, отношения этих лиц, до евхаристии с вином или без вина, пресного или кислого хлеба, – и на нравственное учение смирения, нестяжательности, чистоты телесной, семейной, неосуждения и освобождения от неволи уз, миролюбия. Как ни старались учители церкви смешать эти две стороны учения, они никогда не смешивались, и как масло от воды, всегда были врозь – каплями большими и малыми.

Различие этих двух сторон учения ясно для каждого, и каждый может проследить плоды той и другой стороны учения в жизни народов, и по этим плодам может заключить о том, какая сторона более важна и, если можно сказать, более истинна, то какая более истинна? Посмотришь на историю христианства с этой стороны – и ужас нападет на тебя. Без исключения с самого начала и до самого конца, до нас, куда ни посмотришь, на какой ни взглянешь догмат, хоть с самого начала – догмат божественности Христа – и до сложения перстов, до причастия с вином или без вина, – плоды всех этих умственных трудов на разъяснение догматов: злоба, ненависть, казни, изгнания, побоища жен и детей, костры, пытки. Посмотришь на другую сторону – нравственного учения, от удаления в пустыню для общения с богом до обычая подавать калачи в острог, и плоды этого – все наши понятия добра, все то радостное, утешительное, служащее нам светочем в истории.

Заблуждаться тем, перед глазами которых не выразились

ясно еще плоды того и другого, можно было, и нельзя было не заблуждаться. Можно было заблуждаться и тем, которые искренно вовлечены были в эти споры о догматах, не заметив того, что они этими догматами служат дьяволу, а не богу, не заметив того, что Христос прямо говорил, что он пришел разрушить все догматы; можно было заблуждаться и тем, которые, унаследовав предания важности этих догматов, получили такое превратное воспитание умственное, что не могут видеть своей ошибки; можно и тем темным людям, для которых догматы эти не представляют ничего, кроме слов или фантастических представлений, но нам, для которых открыт первый смысл Евангелия, отрицающего всякие догматы, нам, имеющим перед глазами плоды в истории этих догматов, нам нельзя уж ошибаться.

История для нас – поверка истинности учения, поверка даже механическая…

О православии (из религиозно-философских произведений Л. Н. Толстого конца 1870-х – нач. 1880-х гг. и его работы «Исследование догматического богословия»)

…Теперь у нас, будочник хватает студента, про которого ему сказали, что он злодей, и вяжет и тащит в тюрьму, тюремщик запирает злодея, он знает, что это нужно для блага мира. Судья судит для блага человечества. Начальник велит задавить его веревкой для блага мира. Палач давит для того же блага. Первосвященник говорит речи, что это хорошо, и для блага же с крестом, на котором распят был Иисус, в память Иисуса одобряет убийство и благословляет тем же знаком креста, на котором распят Иисус, благословляет убийц.

Все для блага людей. Книжник и законник мудрствует и доказывает, что для блага людей нужно убивать «таких злодеев». Приходит старшина, тащит молодого мужа от молодой жены, жившего своим трудом, никого не обижавшего, тащит в город, его стригут, одевают в пестрое платье для блага людей, учат убивать людей для их блага и посылают бить их, или его убивают, если он этого не хочет делать, все для блага людей. И в этом насилии и жестокости и соблазне принимают участие тысячи, от прапорщика мальчика до старика царя. Книжники и законники мудрствуют и доказывают, что это убийство есть добро и [делается] для блага людей…

Да, они – те самые мнимые учителя христианской церкви, мнимые наследники Христа, те самые, которых из всех людей одних проклял Иисус, сказав, что все простится, кроме хулы на

святого духа. И нельзя было ему не проклясть их… Что же сделали эти наследники Христа? Они назвали себя учителями, взяли ключ понимания, сами не вошли, других не пускают и выдумали царство небесное, исполненное лжи и зла, и уверяют, что это-то их царство небесное есть то самое, о котором говорил Иисус, что другого и нет, и что вот это отворено всем тем, которые будут признавать нас. Как же было не проклясть их? Но им мало было этого, они сами открыто отреклись от учения того, кого они называют своим учителем, и главное, они во имя его стали творить, творили и творят те самые дела, от которых приходил Иисус спасти людей. Осуждение за веру, самое злое из всех осуждений – это первое их дело. Их тысяча толков, и каждый проклинает и осуждает все другие… Ненависть – они и сами чувствуют и возбуждают… Война – огромное убийство. А они и возбуждали и возбуждают войны. Гордость. Какая хуже гордость может быть той, которая утверждает, что она одна знает истину истин, а другие все заблуждаются, а они все говорят это. Сластолюбие, сребролюбие – мамон. Где больше найдешь богатств не для целей других, а богатств для любви богатств, как у них? У кого мягче и белее руки, на ком дорогие парчи, шелки, бриллианты? На блудницах и на них. Величание себя. Кто председательствует на собраниях? Генерал-губернатор – палач – и они. Кому кланяются в землю? Их идолам и им. Кому целуют руки? Им и блудным женам.

Учение их – напыщенный вздор, но не просто вздор, а вздор лживый, сознательно обманчивый, имеющий целью подтвердить их значение.

Жизнь их во все времена до наших – ряд пороков и преступлений…

Православная церковь?

Я теперь с этим словом не могу уже соединить никакого другого понятия, как несколько нестриженых людей, очень самоуверенных, заблудших и малообразованных, в шелку и бархате, с панагиями бриллиантовыми, называемых архиереями и митрополитами, и тысячи других нестриженых людей, находящихся в самой дикой, рабской покорности у этих десятков, занятых тем, чтобы под видом совершения каких-то таинств обманывать и обирать народ. Как же я могу верить этой церкви и верить ей тогда, когда на глубочайшие вопросы человека о своей душе она отвечает жалкими обманами и нелепостями и еще утверждает, что иначе отвечать на эти вопросы никто не должен сметь, что во всем том, что составляет самое драгоценное в моей жизни, я не должен сметь руководиться ничем иным, как только ее указаниями.

Цвет панталон я могу выбрать, жену могу выбрать по моему вкусу, но остальное, то самое, в чем я чувствую себя человеком, во всем этом я должен спроситься у них – у этих праздных, обманывающих и невежественных людей. В моей жизни, в святыне души моей у меня руководитель – пастырь, мой приходский священник, выпущенный из семинарии, одуренный, малограмотный мальчик, или пьющий старик, которого одна забота собрать побольше яиц и копеек. Велят они, чтобы на молитве дьякон половину времени кричал многая лета правоверной, благочестивой блуднице Екатерине II, или благочестивейшему разбойнику, убийце Петру, который кощунствовал над Евангелием, и я должен молиться об этом. Велят они проклясть, и пережечь, и перевешать моих братьев, и я должен за ними кричать анафема. Велят эти люди моих братьев считать проклятыми, и я кричи анафема. Велят мне ходить пить вино из ложечки и клясться, что это не вино, а тело и кровь, и я должен делать…

Учительство церкви… теперь есть злейший враг христианства; пастыри ее служат чему хотите, только не учению Иисуса, потому что отрицают его. Учение о церкви учительской есть теперь учение чисто враждебное христианству. Отступив от духа учения, оно извратило его до того, что дошло до его отрицания всей жизнью: вместо унижения – величие, вместо бедности – роскошь, вместо неосуждения – осуждение жесточайшее всех, вместо прощения обид – ненависть, войны, вместо терпения зла – казни. И все отрицают друг друга».

Церковь – все это слово – есть название обмана, посредством которого одни люди хотят властвовать над другими. И другой нет и не может быть церкви.

Часть 2. Нравы русского духовенства (из одноименной книги Е. Ф. Грекулова)

Состав древнерусского духовенства

Церковное общество, в особенности в период XIV–XVII веков, представляет из себя мощную организацию, обладавшую значительными материальными средствами и имевшую вместе с тем большую политическую власть. Богатая и сытая жизнь, довольство и покой, экономическая сила и политическое значение – вот чем характеризуется церковь в этот период.

Ряды духовенства поэтому пополнялись прежде всего теми, кто искал «льготы себе и чести», кто стремился к обеспеченной жизни «покоя ради телесного», кто шел в монастырь «нищеты ради». Для этой массы посвящаемых и постригаемых основной причиной «посвящения себя богу» являлось стремление к обеспеченной жизни и неспособность к общественно-полезному труду.

Это устремление на священнические места совершалось тем легче, что церковная организация испытывала большой спрос на священников, ремесло это становилось выгодным и прибыльным делом.

Наплыв на священнические места как на места легкого заработка заставляет летописца отметить: «Церквей много наставлено, а попы не хотяще рукоделия, но всякой в попы тем ся и кормяху и последоваху плотским похотем, зане бо не богу служить изволиша, но лготу телу своему».

Взгляд на священников как на лиц, занимавшихся своей профессией прежде всего в своих материальных интересах, укоренился в древнерусском обществе довольно рано и нашел себе отчетливое выражение в многочисленных памятниках древнерусской литературы.

Так, в слове неизвестного автора XIV века мы встречаем следующую уничтожающую характеристику древнерусского духовенства: «Каждый держит иерейство, чтобы тем кормиться, а не заботиться о духовных делах, чтобы приять мзду вечного живота: не преподаст правого учения во спасение, а больше снисходит, льстит и из-за дара прощает без епитимии; все и делает и говорит ради чрева, чтобы не лишиться временной чести».

Иностранец Флетчер приводит свой разговор с Вологодским епископом, который на вопрос его, зачем он постригся в монахи, откровенно признался: «Чтобы есть хлеб в покое».

В результате такого подбора «служителей божиих» даже высшее духовенство – епископы, как говорит митрополит Даниил, «только себе… упасоша, и расшириша чревы свои брашны и

пьянствы… и вся дела пастырская презреша, и нимало не попекошася исцелити овца, но точию на славу и честь… и на восприятие мзды уклонишася».

Подобную же оценку духовенству в его стремлении к сытой и покойной жизни дает и Стоглавый собор, в следующих словах характеризующий духовенство: «Некоторые… теперь стригутся ради покоя телесного, чтобы всегда бражничать и ездить по селам для прохлады. Чернцы и черницы по миру волочатся и живут в миру, не зная, что такое монастырь. Старец поставит в лесу келью или церковь срубит, да идет по миру с иконою просить на сооружение, а у царя земли и руги просит… А архимандриты и игумены добываются сана деньгами, лишь бы получить власть; службы же церковные не знают, и монастыря они даже не знают и покоят себя в келье с гостями: да племянников своих содержат в монастыре и удовлетворяют их всем монастырским, а монастыри опустошают, и вкладчиков изгоняют, так что братия обеднела, страдает голодом и жаждою и томится всякими нуждами; потому что богатство все перешло к властям, а они его истощили вместе со своими родственниками».

Это стремление к священству «покоя ради телесного» увеличивалось в значительных размерах во время различных междоусобиц, войн и нестроений, когда пострижение в монастырь служило гарантией сохранения имущества, которое поступало в этом случае, как вклад, в монастырь…

Освобождение священников от зависимости и тягостей необеспеченной жизни также вызывало значительную тягу в ряды духовенства тех, кто шел «нищеты ради»; наконец, духовенство принимало в свои ряды и просто преступников, укрывавшихся за священническим саном от наказания за совершенные преступления.

* * *

В результате такого отношения к священству как к способу улучшить свое положение, основное ядро духовенства подобралось такое, что давало возможность говорить современникам: «Полон мир попов, да делателей мало».

Еще в XI в., говоря о монастыре св. Дмитрия, летописец отмечает: «Мнози монастыри от князь и от бояр и от богатства поставлены, но не суть таци, каци суть слезами, пощением, молитвами, бдением».

А митрополит Даниил, говоря о своих современниках, дает следующую характеристику их «пастырской» деятельности: «Мы

презираем и небрежем о пастве нашей, и колика погибает душ человеческих от лености и небрежения нашего».

Если таково было русское духовенство в общей своей массе, то недостатки его особенно заметны были в высшем духовенстве. Оно смотрело на свои должности как на доходные места, которые должны были вознаградить их за неизбежные временные лишения до достижения высших иерархических степеней. Духовенство меньше всего стремилось к высшим должностям для того, чтобы «наставлять иных ко спасению», оно думало лишь о том, чтобы самим «в отраде и славе и всяком покое всегда жить».

Достигнув различными путями, а особенно «дарами сребра», высших церковных должностей, эти представители духовенства не упускали случая вознаградить себя за свое временное «смирение» и приобретали «стяжания всякие и стада скотские и всякие сладкие пищи».

«Докупившись власти», высшее духовенство предавалось «упиванию» безмерному и жило «во всяком бесчинии».

В своем продвижении по церковной иерархической лестнице духовенство пользовалось двумя орудиями – подкупом и лестью. Подкуп при поставлении не считался даже преступлением.

По свидетельству Максима Грека русское духовенство «тщалось взыти на некий сан церковный, не точию лицемерствующе житие благовейно и дружбы составляюще с сущими во властех, и всяким образом угождающе им и ласкающе, но многажды и дары, ова приносяще им, оважа и обещаще, аще довершат искомое и жалаемое».

В другом месте, говоря об игуменах, домогающихся власти «дарами сребра», Максим Грек клеймит их как «бесчинников житием, в пьянстве всегда и пищи всякой упражняющейся сами, а сущии под рукою их братья презираемы телесне и небрегоми духовые скитаются, якоже овцы, не имуще пастыря».

Также Иоанн Грозный, в своем послании в Кириллов монастырь, отмечает отрицательные явления при избрании игумена: «Умершу бокоему игумену, или иконому, мнози из них (монахов) встанут, на месте его тщашеся прияти (и се таяще один от другого, а всем ведомо сердце) овии мздами, неимущие же ласками, яко змия, яд хотяще излити на испренних? Что же се? Яве, яко имения ради».

Симония, т. е. поставление на духовные должности за деньги, достигло таких значительных размеров, что уже в XIII веке Владимирский собор 1274 года пытался «упорядочить» торговлю церковными местами, ограничив плату за места небольшими суммами.

Это постановление Владимирского собора успеха, однако, не

имело, и симония продолжала процветать в течение ряда столетий.

Поставление священников по мзде ставилось в вину русскому духовенству уже при возникновении первых «ересей». Московские «еретики» обосновали свой отказ от таинства причащения тем, что «ино деи у кого причащатися, так как и попы ставятся по мзде, и митрополит ставит владык по мзде».

Торговля церковными должностями приняла столь значительные размеры и производилась так беззастенчиво, что уже собор 1503 года вынужден был внести специальное постановление, которое ограничивало право торговли церковными должностями: «Впредь нам святителям, мне митрополиту, и нам, архиепископам и епископам, и нашим преемникам, от поставления архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов, попов и дьяконов, и всего священнического чина ничего никому не брать и поминков никаких не принимать».

Собор принимает даже такие постановления, чтобы виновных в симонии лишать сана: «Если кто нерадением дерзнет преступить настоящее уложение, тогда будет лишен своего сана и да извернется сам и поставленный от него без всякого извета».

Однако «отцы» собора, которые выносили это постановление, сами его нарушали, поэтому реального значения это постановление не имело. Понадобилось вмешательство многих лиц, чтобы один из деятелей собора, ревностный поборник «православия» против еретиков, епископ новгородский Геннадий был лишен кафедры за свое корыстолюбие, достигшее невиданных даже для того времени размеров.

Стоглавый собор вновь столкнулся с этим больным вопросом и попытался его упорядочить хотя бы внешне, так как, по существу, все деятели собора были сами заинтересованы в симонии из-за «страсти к наживе», «ради прибытков».

Для выжимания из низшего духовенства денег высшие церковные чиновники создали аппарат «по царскому чину», который должен был выполнять обязанности по сбору налогов, фискальные и полицейские функции, наблюдать за поведением или, вернее, держать в послушании священнический цех, собирать с них налоги и сборы и вообще осуществлять в отношении духовенства те задачи, которые осуществлял государственный аппарат по отношению к населению. На почве управления духовенством таким аппаратом поборы и злоупотребления властью могли только процветать… Как отмечает находившийся в оппозиции к духовенству ростовский поп Скрыница, «владыки назирали за священниками своих

епархий “по царскому чину”, через бояр, дворецких, недельщиков, тиунов, доводчиков, которые, желая иногда выслужиться перед своими корыстолюбивыми владыками, а с другой, помня свой карман, до того притесняли низшее духовенство своим неправым судом, вымогательством, взяточничеством, что “от их великих продаж”, как сознались на Стоглавом соборе сами церковники, многие церкви стояли пусты и без попов».

Высшие церковные чиновники, которые сами, по выражению Максима Грека, «из-за страсти к стяжанию безчувственнейши камений устроиша» не только не запрещали своим наместникам заниматься ограблением низшего священнического цеха, но, напротив, требовали от него значительных денег и разрешали производить всяческие поборы, лишь бы не уменьшались доходы церковных капиталистов…

По словам Максима Грека, церковные аристократы «светло и обильно напивались по вся дни и пребывали в смесех и пьянстве и всяческих играниях, тешили себя гуслями и тимпаны и сурнами и воров студным блядении, а сирот и вдовиц безщадно и безмилостиво росхищали».

Эти же представители высшей церковной иерархии, расхищавшие церковные вклады, по отношению к правящим классам держались так, что заслужили от современников меткое прозвище «потаковники».

Вынося постановления об улучшении нравов духовенства, церковная аристократия меньше всего склонна была поступиться своими привилегиями, отказаться от своих доходов, пусть и не всегда внешне канонических.

* * *

Довольно значительную часть духовенства, в особенности черного, составляли представители правящих классов. Для одних пострижение являлось завершением неудачной политической борьбы, для других пострижение представляло возможность сохранить свое имущество, делая известный вклад в пользу монастыря. Как велика была эта часть духовенства, принимавшая пострижение меньше всего, чтобы соблюдать монастырский устав, можно видеть из того, что прием в монастырь совершался лишь в результате значительных вкладов, доходивших до 1000 и более рублей! Внося в монастырь свой вклад, эти представители духовенства меньше всего думали о соблюдении монастырского устава, «чтобы в мир не ходить, чтобы мир не любить», а переустраивали монастырский устав по своему желанию. По

выражению одного памятника, эти монахи были «только по одежде иноки, а все мирское совершается».

Спекуляция монашескими местами достигла таких размеров, что Стоглавый собор вынужден был дать постановление настоятелям, чтобы они принимали в монастыри всех, «и от тех не истязовати ничтоже, но токмо сами, что дадут по своей воле, то от них принимать по священным правилам» (Стогл., гл. 50). Это постановление Стоглавого собора не соблюдалось ввиду невыгодности его для духовенства, и в результате в монастырях подбиралась богатая и знатная группа, которая ни во что не ставила монастырские порядки.

Несоблюдение монастырского устава богатыми монахами отмечает и Стоглав, который вместе с тем разрешает им известные льготы против монастырского устава: «Так как в великих честных монастырех стригутся князи и бояре и приказные люди великие в немощи или при старости, и дают выкупы (вклады великие и села вотчинные), то на них за немощь и старость законов не налогать о трапезном хождении и о келейном ядении, а покоити их по рассуждению естьвой и питьем, про таких держати квасы сладкие и черствые и выкислые, кто каковы требует, и яства такожде; или (если) у них лучиться свой покой или от родителей присылка, и о том их не истязати же».

В результате такого отношения монахи из высших классов вносили в монастырь все особенности своей мирской жизни и не считались с монастырскими уставами, которые вообще плохо соблюдались. О поведении знатных монахов в монастырях говорит в своем послании в Кирилло-Белоозерский монастырь Иван Грозный.

«…Бояре, пришедши к вам, свои любострастные уставы ввели: значит не они у вас постригались, а вы у них постригались, не вы им учители законопояснители, а они вам… Сегодня один боярин такую страсть введет, завтра другой – иную слабость, и так мало-по-малу весь обиход монастырский испразднится и будут все обычаи мирские. Ведь по всем монастырям сперва начальники установили крепкое житие, да впоследствие разоряло его подобострастие. Кирилл чудотворец на Симонове был, а после него Сергий, и каков закон был – прочтите в житии чудотворца; … а теперь что видим на Симонове? Кроме сокровенных рабов божьих, остальные только по одежде иноки, а все мирское совершается… Ныне у вас Шереметьев сидит в келье, что царь, а Хабаров к нему приходит с другими чернецами, да ядят и пьют что в миру; а Шереметьев, невесть со свадьбы, невесть с родин, россылает по кельям постилы, коврижки и иные пряные составные овощи; а за монастырем у него двор на дворе, на дворе

запасы годовые всякие, – и вы ему молчите о таком великом монастырским бесчинии! А некоторые говорят что и вино горячее потихонько в келью к Шереметьеву приносили. Пригоже ли так в Кириллове (монастыре) быть, как Иосиф, бывший митрополитом, у Троицы с клирошанами, или как Мисаил Сукин в Никитовском монастыре и по иным местам, слоно вельможа жил, или как Иона Мотякин и другие многие живут, не желая подчиняться монастырскому началу… Не говорите: если нам с боярами не знаться, и монастырь без подаяния оскудеет. Сергий, Кирилл… и многие другие святые не гонялись за боярами, да бояре за нами гонялись и обители их распространялись: ибо благочестием монастыри стоят и неоскудны бывают. У Троицы в Сергиеве монастыре благочестие иссякло, и монастырь оскудел: не пострижится никто и не даст ничего. А на сторонах до чего дошли? Уж затворить монастырь некому, по трапезе трава растет…

…Мы же приплетаемся земных вещей, как миряне, учащаем нивы, наполняем гумна, украшаем домы; если что увидали у мирских людей дивного, то всею силою стараемся, чтобы и у нас тоже было; а не помним того, что при пострижении мы отреклися и всего мира и яже суть в мире. Если это покажется ложным, испытаем себя не имеем ли сел, как миряне, словут ли нивы чернеческие и озера, и пажити скотом, и дома твердо огражденные и храмы светлые. Не имеем ли кладовых со имением, крепко охраняемых, подобно мирским домовержцам? Не красуемся ли блистанием златным и веселимся и величаемся? Не нами ли полны бывают обеды и празднества мирские?

Не мы ли опять созываем мирских богачей, сажаем их за свой обед, желая через это большое дерзнование к домам их имети? Не председаем ли мы у них на брачных пиршествах?».

* * *

Введя в монастыри все отличительные черты своей мирской жизни, монахи из высших классов не оставили также привычки кичиться своим происхождением.

У митрополита Даниила мы встречаем любопытное указание, как продолжали князья и бояре, после пострижения в монастырь, считаться своим происхождением, словно у престола московского князя. «Никто же да не глаголет, – поучает Даниил иноков, возносящихся своим происхождением, – яко аз рода царского есмь, никто же да не возносит на высоту брови своя, глаголя: яко мы убо от светлых и благородных родителей есмы рожени и

воспитани, а сии от убогих и нищих рода есть и от худых родителей воспитанных и оного раб есть».

Если таково было высшее белое и черное духовенство, то низшее духовенство немногим отличалось от своих руководителей.

Стоглав подтверждает, что настоятели выгоняют бедных чернецов, даже старых слуг и вкладчиков, и оттого «чернцы и черницы по миру волочились и жили в миру и не знали, что словет монастырь, и тем нигде покою не было, ни в котором монастыре не поднимали».

Низшая братия и низшее духовенство были в полном пренебрежении у своих высших чиновников: последние стыдились признавать за «братию» бедную братию, «алкавшую и жаждавшую и всячески некойную, всяческими нуждами одержимую».

Церковные аристократы брали с низшего духовенства бесчисленные поборы в свою пользу: и за посвящение и пошлину епитрахильную, и за грамоту, и за печать к ней, за пошлину настольную, и за освещение церкви и антиминса, и дань епископу, и переходную, и судную, и ряд других. Все эти поборы низшее духовенство перекладывало затем на население.

Низшее духовенство не пользовалось авторитетом у народа и, подчас, вело довольно жалкий образ жизни. Интересы низшего духовенства были весьма ограничены и не шли дальше изыскания доходов для себя и представителей высшей церковной иерархии.

Низшее духовенство вместе с тем полностью зависело в материальном отношении от своего помещика и прихожан; чтобы несколько улучшить свое материальное положение, духовенство не столько занималось отправлением своих культовых дел, сколько изыскивало источники доходов. Отсюда жалобы на пренебрежение духовенства службой. Митрополит Симон писал о современных ему священниках, что многие из них остаются совершенными невеждами, весь разум свой тратят на снискание пищи, на устройство своей внешней жизни, не учатся и спросить других не хотят, больше заботятся об утробном гладе, чем о душевном.

Бесправное положение низшего духовенства прекрасно охарактеризовано в одной челобитной приходского духовенства царю Алексею Михайловичу, в которой читаем: «Если и придется кому заплатить за бесчестие попа или дьякона, бояться нечего, потому что по благому совету бояр твоих бесчестие положено очень тяжкое Мордвину, Черемису: попу 5 рублей, да 4-ая собака (царской псарни) пять же рублей! И ныне похвальное слово у небоящихся бога дворян и дворянских людей: бей попа, что

собаку, лишь бы жив был, да кинь пять рублей!».

Это бесправное положение низшего духовенства, экономическая зависимость его от помещика и прихожан, наконец, гнет, который испытывал он от церковных помещиков, – естественно создали благоприятные предпосылки к дальнейшему разложению низшего духовенства. Духовенство, впрочем, вообще не отличалось особыми достоинствами, поскольку в духовенство шли все те, кто искал в этом ремесле легкого заработка и не был способен к другому труду.

«Носительница культуры и просвещения»

Поповские историки, говоря о развитии просвещения в России, обычно ставят это в заслугу духовенству: отмечая наличие некоторой части духовенства, несоответствующей высокому «призванию» пастыря и учителя, – церковные историки вместе с тем значительную часть духовенства рассматривают как передовое, де, общество, несущее народу знание и культуру…

Эта оценка духовенства, как носителя культуры, совершенно не верна. В известную эпоху развития письменности на Руси, когда просвещение носило узкоцерковный характер, носителями и хранителями этого церковного просвещения были церковники, преимущественно, монахи в богатых монастырях. В дальнейшем же, с развитием культуры, церковь не только не способствовала распространению просвещения, но, напротив, стала приобретать значение гонителя просвещения.

Прекрасную характеристику церковникам в этом отношении дал ряд иностранцев, посетивших Россию в XVI и XVII столетиях; невежество и мракобесие русского духовенства поражало их тем более, что оно выделялось даже на фоне грубых нравов и невежества той эпохи.

По свидетельству иностранцев, невежество царило среди духовенства, начиная от самых высших церковных чиновников и кончая бедным сельским священником и простым монахом. Высказывая удивление крайнему невежеству духовенства, не знакомого с основными началами грамоты, Поссевино рассказывает, что ряд монахов, с которыми он сталкивался, не знали, какой у них устав. Петрей в следующей резкой форме характеризует современное ему русское духовенство: «Монахи ужасно неприличны, неучтивы, и не умеют ничего ответить, если спросить что-нибудь из библии или отцов об их вере, уставе, образе жизни: они ничего не смыслят в библии: они простодушно говорят, что они не в состоянии отвечать на эти вопросы, потому что содержат себя в простоте и неведении; не умеют ни читать, ни писать».

Другой иностранец, Олеарий, сообщает, что в его время из десяти монахов лишь один знал наизусть молитву господню.

Описывая невежество духовенства, он приводит рассказ, как монахи поплатились за свое невежество во время Иоанна Грозного. Царь пригласил нескольких монахов присутствовать при бракосочетании датского принца Магнуса, и оказалось, что эти монахи по книге не могли так твердо прочитать символ св. Афанасия, как сделал это сам царь, за что разгневанный царь

избил монахов своим посохом. Тот же Олеарий видел в Никольском Новогородском монастыре монаха, который обыкновенно обозначал по книге то место, на котором он прервал свое чтение, тем, что закапывал его воском, иначе ему трудно было найти это место в следующий раз.

Но не только низшее духовенство было так безграмотно. По свидетельству иностранцев, не меньшую безграмотность проявляло и высшее духовенство – епископы, и даже патриарх, которые и в вопросах веры не проявляли должных для их профессии, догматических хотя бы, знаний.

Если невежество духовенства бросалось в глаза иностранцам, посещавшим московское государство в XVI и XVII веках, то недостатки его особенно чувствовались русским обществом, и памятники XIV–XVII веков полны обличений по этому поводу. По свидетельству памятника, Акакий, епископ Тверской, покровитель Максима Грека, «малоучен бе грамоте»; Максим Грек говорит, что при нем не только низшее духовенство, но высшие церковные чиновники знали писание «только по чернилу».

* * *

Эта низкая степень просвещения духовенства станет нам понятной, если мы посмотрим, как вербовались в «воинство христово» новые служители.

Новгородский епископ Геннадий, тот самый, который затем за свое сребролюбие был лишен сана, так описывает посвящение митрополиту Симону: «Вот приводят ко мне мужика; я приказываю ему читать апостол, а он и ступить не умеет; приказываю ему дать псалтырь; а он и по той едва бредет. Я отказываю ему (в священничестве), и на меня жалобы: земля, господине, такова: не может добыть, кто бы умел грамоте. Вот и обругал всю землю, будто нет человека на земле, кого бы ставить в священство.

Бьют мне челом: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктению, а он и слову пристать не может; ты говоришь ему то, а он другое. Приказываю учить азбуке, а они, немного поучившись азбуке, просятся прочь, не хотят учить ее. А у меня духа не достает ставить неучей в священника».

Также и Стоглав, говоря о полном несоответствии духовенства, вынужден отметить невежество и безграмотность его: «Ставленники, хотящие ставиться в дьяконы и попы, грамоте мало умеют, и святителем их поставити ино сопротивно священным правилам, и не поставити, – ино святые церкви без

пения будут, а православные хрестьяне учнут без покаяния умирати. Когда святители спрашивают священников, почему они мало грамоте умеют, они отвечают: мы де учимся у своих отцов или у своих мастеров, а инде нам учиться негде; сколько отцы наши и мастеры умеют, потому и нас учат. А отцы и мастеры их и сами потому же мало умеют, и силы в божественном писании не знают, а учится им негде».

Как рассказывает Антоний Поссевино, в XVI веке в московском государстве было весьма ограниченное количество элементарных школ, где давалось начальное образование. Сосредоточены были эти школы вначале при монастырях, о них пишет, например, Иоанн Кобенцель: «Во всей Московии нет школ и других способов к изучению наук, кроме того, чему можно научиться в монастырях; поэтому из тысячи людей едва найдется один, умеющий читать», эти школы не получали должного развития ввиду отсутствия руководителей, а затем вследствие чрезвычайно развитой среди монашества педерастии. Это вызвало даже нарочитое постановление Стоглавого собора: не держать в монастырях «голоусых». В сборниках XVI века встречаются многочисленные поучения, запрещающие держать в монастырях мальчиков, хотя бы они приходили обучаться грамоте; поучения эти указывают, что монахам неприлично заниматься с ребятами.

Будучи принесены в жертву для избавления монахов от искушений, школы влачили столь жалкое существование, что Стоглав вынужден был отметить: «Ученики учатся грамоте небрегомо».

Отмечая чрезвычайно слабое развитие грамоты среди духовенства, Стоглав выносит несколько добрых пожеланий о насаждении грамотности; однако свои пожелания он не обеспечивает никакими конкретными мероприятиями.

По важнейшему вопросу, о школах, Стоглав вынес такое постановление: «Протопопам и старейшим священникам со всеми священниками и дьяконы, кийждо в своем городе избирати доблих и духовных священников, и дьяконов, и дьяков же, наученых и благочестивых… и у тех священников и дьяконов учинити в домех училища, чтобы священники и дьяконы и вси православные христиане в коемждо граде предавали им своих детей в научение грамоте, и на научение книжного писания, и церковного чтения, и псалтыры по пения налойного… И силу бы им в писании сказывали, по данному вам от бога таланту, ничто не скрывающе, чтобы ученицы ваши книги учили все, которые святая соборная церковь приемлет».

Устроив, таким образом, из обучения своеобразную поповскую повинность, Собор не подумал о тех мерах, которые

дали бы возможность провести это постановление в жизнь: «Учили бы своих учеников чести, и пети и писати, сколько сами умеют, ничтоже скрывающе, но от бога мзды ожидающе, а здесь от их родителей дары и почести, приемлюще по их художеству». Таким образом Стоглав узаконил существующий порядок, когда грамоте учили бездарные «мастера», сами еле знавшие грамоту, и ничего не сделал для развития народного образования.

И, в результате, старцы, «отличные жизнью и знанием грамоты», представляли собой редкое явление еще в половине XVII века, как это можно видеть, например, из грамоты митрополита Варлаама в Белоозерский монастырь (1641 года): грамота предлагает послать этих старцев в Москву и угрожает наказанием за сокрытие их.

Митрополит Даниил, давая резкую оценку нравов современного ему духовенства, в следующих словах характеризует его невежество и неграмотность: «Полон мир попов, да делателей мало. Мнози суть не умеют книг читати, токмо в той чин выидоша ищущи льготы себе и чести… токмо мирская печалуют, а книг не почитают, и учащих ненавидят. Друзии рано пьют, а иные на беседах сидят, а о том не думают, как бы поучати людей на закон божий».

Патриарх Никон, желая поднять умственный уровень духовенства, попытался несколько строже отнестись к ставленникам и издал в 1654 году специальный указ о ставленниках: «Кому ставится в попы или дьяконы, чтобы посадские люди, или в волостях волостные люди приносили выборы и челобитье за руками; а выборы ткали б, чтобы он грамоте умел и смирен, и церковному правилу искусен, и от божественных книг сказателен, и не пьяница, и не зерник, и не тать, и не разбойник и душегубец, и креста на суде не целовал».

Вот какой сложный отбор приходилось делать поставляемым в священники! Естественно, что не все ставленники удовлетворяли столь серьезному испытанию.

Что найти кандидатов в священники, удовлетворявших столь значительным требованиям, было нелегко, видно из того, что Никон вынужден был приглашать духовенство даже с юга, так как московское духовенство его не удовлетворяло…

Попытки Никона хотя бы несколько повысить грамотность духовенства – не увенчались успехом. Собор 1662 года вынужден был вновь отметить, что «во священство поставляются сельские невежды, иже инии ниже скоты пасти умеют, кольми паче людей».

В XVII веке церковное просвещение не только не развивалось, но, напротив, падало, в связи с дальнейшим упадком церковных школ. Трудно было найти грамотного кандидата даже на

ответственную церковную должность, не говоря уже о низшем духовенстве. «Ныне в Софийском дому ризничего нет, – жалуется в половине XVII столетия митрополит новгородский Афроний соловецкому игумену Маркеллу, – а взять негде, во всех монастырях добрые старцы перевелись, а которые и есть, и те бражничают, а грамоте не умеют».

Жалобы на низкий уровень развития духовенства встречаются не только в церковной обличительной литературе, но также и в гражданских актах того времени.

* * *

При таком состоянии церковного просвещения, при полной безграмотности духовенства церковники, естественно, не оправдывали в полной мере возлагаемых на них задач по обработке народа в нужном для правящих классов духе. Поэтому работа церковнослужителей подвергается частой и резкой критике со стороны высших церковных и светских чиновников, призванных русским царем наблюдать за правильным выполнением духовенством возложенных на него обязанностей.

Иностранец, побывавший в России при Иоанне Грозном, отмечает отсутствие церковной проповеди как результат низкого духовного образования: «Они (русские), говорит он, не имеют ни обыкновения, ни способности, чтобы говорить проповеди и наставлять паству, потому что весь клир погружен в глубокое невежество в отношении слова божия».

Подчеркивая роль священства в деле «церковного ради исправления и за мирское спасение», церковный обличитель XVI века с грустью говорит, что духовенство не удовлетворяет своему основному назначению. «Вы же, говорит он, обращаясь к священникам, о сих всех не брегосте… и не во что же не вменяете и детей своих духовных не востязаете, ни поучати их от божественного писания не произволяете, и того священство свое зле храните».

Тот же мотив встречается во многих произведениях церковно-поучительной и обличительной литературы. Всюду встречаются увещания священникам «смотреть прилежно, како себя управляете, и как наставляете на путь спасения христово стадо словесное, вам вверенное».

Как относилась масса к проповеди, – видно из поучения митрополита Даниила. Он указывает, что священники не пользуются среди паствы никаким авторитетом, и что над ними открыто глумятся. «Когда пастырь начнет учить народ, говоря

ему: о дети, так и так поступайте, как велят нам христовы заповеди и прочия божественныя писания: тогда ему слушатели отвечают: прежде научи себя; иные же говорят: до чего тебе доучить нас? Ты сам ли по писанию живешь… отчего ты забыл себя, отец святой? Учитель начнет учить их от божественного писания, а они станут говорить о нем. О, учитель наш, как фарисей – тщеславится».

Тщетно высшее духовенство обличало свою младшую братию «исправиться» и грозило ослушникам лишением сана: «Если вы, священники, не исправитися сами и не будете учить свою паству исправиться от пороков мы лишаем вас сана и не даем своего благословения». «И вы священники, егда сами уклонистеся право пути, како можете извести стадо свое на пажити духовные, напоити животные воды, пребывающие в живот вечный».

«Не мудрено, что и другие, смотря на вас, соблазняются» «посему исправьте прежде себя, а потом народ», – таковы обычные выражения церковной проповеди, пытающейся придать, но неудачно, хотя бы внешнюю благопристойность духовенству.

Характерным является упрек, который бросает духовенство народу, говоря устами митрополита Даниила: «Ты же пастыря презираеши и не во что не поставляеши». Трудно было рассчитывать на уважение среди населения, когда духовенство показывало примеры самых необузданных пороков и, проявляя полную безграмотность даже в своем ремесле, заботилось лишь об увеличении своих доходов не считаясь со средствами.

Если в таком состоянии была проповедь низшего духовенства, то высшие церковные чиновники в своей проповеднической деятельности опирались на правящие партии и соответственно с этим проводили свою политику. Заискивающий и лицемерный тон проповеди типичен для высших церковных деятелей. У архиереев, по словам литературного противника Грозного и выразителя взглядов представителей старой знати, князя Курбского, выработался такой взгляд на проповедь: «Не должно говорить пред царями, не стыдяся о свидении господнем и обличать их в различных законопреступных делах; их ярость неудобостерпима естеству человеческому».

Архиепископ новгородский Феодосий, говоря о современном ему высшем духовенстве, метко отметил: «Всяк сан со златом советуется».

Закрывая глаза на недостатки своих покровителей, «потаковники» эти в своей деятельности и на соборах проводили ту политику, которая была выгодна правящим классам.

Говоря о высших церковных чиновниках, Курбский в следующих резких словах отзывается о них: «Посмотрим и на

священнический чин, в каких обретается, не яко их осужаем, – не буди то, но беду свою оплакуем; не токмо душа своя за паству христову полагают, но и расхищают; всем яко бедно ми глаголати, не токмо расхищают, но и учителя расхитителем бывают, начало и образ всякому законопреступлению собой полагают; не глаголют перед царя, не стыдяся о сведении господни, но паче потаковники бывают, не вдовиц и сирот заступают… но села себе устроят и великие храмы и богатствы многими кипят и корыстьми, яко благочестием, украшаются».

«Безмерное упивание»

Страсть русского духовенства к «пьянственному питью» достигала таких размеров, что «упивание» выходило далеко за пределы бытовой подробности и очень беспокоило высшую церковную иерархию и государственную власть.

Благодаря «безмерному упиванию» духовенство не в состоянии было справляться удовлетворительно с возложенными на него, как на помощника правящих классов задачами и теряло в глазах населения свой авторитет. Пьянство вызвало столь значительное разложение духовенства, что грозило самому существованию налаженного церковного аппарата; поэтому государственная власть вместе с высшей церковной иерархией, пыталась несколько обуздать эту страсть духовенства, свести ее до размеров не столь катастрофически опасных для авторитета духовенства.

«Пьянственному питию» отдавали должное все: и низшее духовенство, и монашество, и духовная аристократия вплоть до епископов, и «упивание» встречается уже в самые ранние времена истории нашей церкви.

В канонических ответах митрополита Иоанна II (1080–1089) мы встречаем любопытные указания, что «в монастырях часто пиры творят, созывают мужа вкупе с женами и в тех пирех друга друга преспевают, кто лучей сотворит пир». В тех же ответах митрополит Иоанн рекомендует епископам указывать, что «яко пьянству злу царства божья и лишаться, яко пьянство иного зла последует: невоздержание, нечистота, блуд, хуление, нечистословие, да не реку злодеяние, к сим и болезнь телесная».

То же древнее поучение грозит лишением священства всем «иереем, до упивания пьющим», кто «не лишается пьянства» и предлагает при посвящении особенно следить, чтобы кандидат не страдал запоем.

Что пьянство среди древнерусского духовенства было не случайным явлением, а глубоко бытовым, можно видеть из того, что редкое церковное поучение не упоминает об этом «душеспасительном» занятии духовенства.

Новгородский епископ Лука Жидята в поучении к братии пишет: «Не твори блуда, не пей безвременно, но пей в меру, а не до пьянства». Ту же мысль проводит в своем поучении и Феодосий, говоря: «Иное пьянство злое, а иное – питье в меру, и в закон, и в приличное время, и в славу божью».

Чтобы оправдать пьянство, духовенство ссылалось на апостола Павла, который в своем послании говорит Тимофею: «Не

пий воды, но мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых недугов» (Тим. 5, 23). Отсюда монастырская поговорка, оправдывающая пьянство «стомаха ради».

Иностранцев, побывавших в московском государстве в XVI и XVII веках, прежде всего поражало пьянство духовенства, и они в мрачных красках описывали быт и состояние духовенства. Конечно, и западноевропейское духовенство не отличалось чистотой нравов, но что поражало иностранцев в нашем духовенстве, – это крайняя внешняя распущенность и разнузданность, не стесняемые никакими соображениями о церковном авторитете.

Описывая быт русского духовенства, Олеарий отмечает, что в большие праздники, вечером, всегда можно увидеть священников, валяющимися в грязи.

По словам Петрея, монахи проводят свою жизнь в сластолюбии, пьянстве, а вклады на устройство церквей, монастырей и часовен служили только для суетности, невоздержанности и обжорства. Монахи искали только случая, чтобы поесть и попить, и на праздниках до того напивались, что падали на улицах.

Еще резче отзывается о русском духовенстве иностранец Корб, который пишет, что монахи и монахини, по окончании постов, погружаются во всякого рода распутство, причем более на гуляк, чем на монахов похожи; пьяные шатаются на улицах и, лишившись всякого стыда, нередко там же предаются сладострастию».

В своей характеристике московского общества, говоря о пьянстве, свойственном «всем без различия классам общества», Маржерет отмечает, что духовенство в отношении пьянства нисколько не уступает мирянам, но даже его превосходит.

Один иностранец (Хитрей) подметил эпизод, достаточно типичный для духовенства того времени. Вот как описывает он случай, свидетелем которого он был лично. «Случится ли свадьба: за священником посылают раз-другой, потому что несчастный поп спит пьяный. Наскучив ожиданием, родственники жениха отправляются к священнику, приносят ему в подарок водку и насильно уводят в церковь, но он не может твердо держаться на ногах и часто падает. В церкви поднимается такой смех и хохот, что с ним едва ли могло сравниться языческое богослужение, совершавшееся в капищах Венеры. Чтобы священник не упал, его нарочно поддерживают и, по совершении таинства, обратно отводят домой».

В Троицкой лавре на одного монаха отпускалась бутылка хорошего кагору, штоф пенного вина, ковш меду, пива и квасу;

пьянство в лавре доходило до того, что перед всенощной в алтари приносились ведра с пивом и медом, и во время службы монахи по очереди подкреплялись. Непомерное пьянство монахов лавры во время службы послужило основанием для сложения специальной поговорки: «Правый клирос поет, а левый в алтаре вино пьет».

Говоря о безмерном упивании, процветавшем среди духовенства, Стоглав отмечает, что «иноки от пьянственного пития в конечную погибель и в блудный ров впадали». Вопросу о пьянстве духовенства в Стоглаве посвящается целая глава, где монашество увещается не предаваться «безмерному упиванию» и соблюдать воздержание.

Изображая в резких чертах церковное пьянство, Стоглав не ставил своей задачей искоренить пьянство среди духовенства, он стремился лишь ограничить его: отцы собора советовали «егда подобает» выпивать «по чаше, по две или по три», не находя в этом ничего предосудительного. Но духовенство не ограничивало себя той мерой, какой предлагал Стоглав, и монахи, как с грустью отмечает Стоглав, «сего ограничения ниже слышати хотели, ниже ведали меру чаш онех, но сицева мера их есть, егда пьяни будут, якоже себе непознавати ниже помните множицей даже и до облевания и тогда престанут пити».

Об этой страсти духовенства к безмерному упиванию говорит и сам – на редкость алкоголик – царь Иван Грозный: «Мы (иноки) пием, донележе в смех и детем будем».

Столь же резкую оценку духовенству в его страсти к безмерному упиванию дает инок Вассиан, отмечая, что пастыри и овцы вместе заблудились. Попы и церковные причетники, говорит Вассиан, в церкви всегда бывают пьяны, и тогда всякие неподобные речи исходят из уст их, а подчас и бьются в церкви, а миряне, смотря на их бесчиние, делают тоже, все равно, как на торжищах и играх или на пиру или в корчмах: «Лаются без стыда всегда и всякими укоризнами неподобными скаредными и богомерзкими речами».

Любопытна жалоба игумена Кирилло-Белоозерского монастыря Игнатия с братьей – на своевольство старца Александра, который «игумена и старцев соборных лает блядинными детьми… братью… бьет плетьем, без нашего игуменского и без старческого совету, и на чепь и в железа сажает… И после ефимона на погребе пьет сильно с теми людьми, которых емлет с собой в пустыню… И общежительство… кирилловское разоряет, слуги и лошади держит собинные, торгует себе на собину».

Конечно, такое отношение к игумену со старцами и к

монастырскому имуществу могло проходить безнаказанно лишь потому, что партия старца Александра была сильна, так как иначе мятежного старца живо отправили бы в дальний монастырь на покаяние.

* * *

Прославленные и богатые монастыри, как Соловецкий Троице-Сергиевский и др., не составляли в этом отношении исключения.

Царская грамота 1584 года в Соловецкий монастырь указывая, что в монастыре «сытят квасы медвенные да квасят, и устав прежней монастырской переменен», отмечает уже, что недостатки монастырской жизни являются результатом монашеской праздности и безделия. Поэтому запрещая монахам заниматься приготовлением вина, грамота предлагает монастырскому начальству: «И вы бы есте берегли накрепко, чтобы у вас в монастыре безделия какого не явилося, а которые старцы учнут роптати, и вы бы тех старцев смиряли по монастырскому чину».

Эти недостатки в Соловецком монастыре не прекращались, несмотря на многочисленные попытки улучшить монастырскую жизнь. Из грамоты 1636 года о недержании вина и прекращении беспорядков мы узнаем, как развито было пьянство в Соловецком монастыре. Приводим выдержки из этой монастырской грамоты, могущей быть в равной степени отнесенной и к другим монастырям эпохи.

«Ведомо нам учинилось, читаем в грамоте, что в Соловецкий монастырь с берегу привозят вино горячее, и всякое красное немецкое питье, и мед пресной, и держат то всякое питье старцы по кельям, а на погребе не ставят, и келарей и казначеев выбирают без соборных старцев и без черного собора те старцы, которые пьяное питье пьют; и на черных соборах смуту чинят и выбирают и потаковников, которые бы им молчали, а они бы их в смирение не посылали и на погребе бы им беспрестанно квас подделной давали, а которые старцы постриженники старые и житьем искусны, и тех де старцев бесчестят и на соборе говорити им не дают».

Обрисовав картину монастырского общества, грамота ограничивается, однако, лишь увещаниями: «И вы бы в Соловецком монастыре жили бы по правил св. отец и по преданию великих чудотворцев Зосимы и Саватея, как бывало наперед сего; и квасов бы поддельного и вина горячего и красного

немецкого, и никакого пьяного пития, ни меду пресного старцы по кельям не держали и не пили; а которые будут старцы или служки меду пресного что невеликое и привезут, и вы бы тот мед велели держати на монастырском погребе с береженьем и давали бы им, которым надобно, смотря по немощи, не повелику».

В других случаях непокорных, неподдающихся исправлению монахов подвергали ссылке в дальние монастыри. Так, в церковной грамоте Вологодскому архиепископу Варлааму указывается: «Писал ты нам: бывают на Вологде пришлые и в Вологодских монастырях бесчинные старцы, живут в мирских домах и по кабакам пьют и бражничают, и бредят в мире с великим бесчинством».

Этих бесчинствующих старцев грамота предлагает принимать на смирение: «И ты бы таких старцев бесчинников унимал и смирял… и в монастыри посылал, чтобы иным… впредь плутать так не было повадно».

Те же меры воздействия по отношению к монахам, нарушавшим монастырский устав, предлагает применить царский указ 1670 года и Суздальскому Спасо-Евфимиеву монастырю. Приводя распорядок монастырской жизни и необходимость соблюдать устав, указ отмечает: «А старцам велеть жить в монастыре стройно, смирно и немятежно, в покорении и в повиновении, и покоити их по монастырскому чину; а от хмельного питья и от самовольства их уймать и по кельям над ними надзирать накрепко, чтобы они хмельного питья в кельях у себя отнюдь не пили и не держали; и с монастыря без архимаричья и без келарева ведома никуда не сходили, и уставить в монастыре у ворот сторожем, чтобы они старцев из монастыря без веления никуда не спускали и монастырские врата закрывали. А которые старцы будут непослушны, учнут жить самовольством, и по кельям хмельное питье держать и пить, и бесчинство ходить… и келарю тех самовольников смирять монастырским кротким смирением и черной работой».

Запрещение пьянствовать на улицах приводится также в наказе митрополита Новгородского Корнилия архимандриту Тихвинского монастыря Варсонофию.

Во многих случаях государство шло на такие меры, как разрушение монастырских винокуренных аппаратов, и назначало штраф за несоблюдение своих распоряжений в этой области до 50 рублей. Так, в грамоте Варлаама, митрополита Ростовского и Ярославского, в Кирилло-Белоозерский монастырь о недозволении держать в монастырях хмельное питье читаем: «Во всех монастырях хмельное питье, вино, и мед и пиво, отставить, чтобы от того монастыря в оскудении не были; а велено во всех

монастырях про братью и в расход квас ячной и ржаной и ты учинил бы еси заказ крепкой, под великим государским запрещением, чтоб у тебя, сыну, и во всех монастырях нигде отнюдь хмельного никакого не было; да и б ты, сыну, и иные архимандриты, и игумены, и келари, и строители, в кельях не держали и общежительства б и монастырскому чину не разрушали, и на трапезу ходили всегда с братьей обще, а в кельях трапезы никто б не чинили, а про братью держали квасы ячные и ржаные, чтобы однолично во всем монастыре в нашей митрополии никакого пьянственного пития, опричь квасу, не было».

Впрочем, эти меры государство применяло не для борьбы с пьянством, процветавшим в монастырях, а для искоренения кормчества, подрывавшего государственную винную монополию.

Но даже столь незначительные взыскания вызвали среди братии возмущение и бегство. Так, в грамоте митрополита Новгородского Питирима в Нилов-Столбенский монастырь читаем: «И ты бы в Нилове пустыне и Столбенского Чудотворца хмельного питья, буде прежде всего не бывало, и ныне держать не велел; а будет которое тое Нилове пустыне старцы учнут в монастыре по кельям хмельное питье держать, или которое буде учнут вне монастыря допьяни напиватися, и ты б тех старцев смирял монастырским смирением, смотря по вине, а которые буде старцы из монастыря сбежали, и что с собой снесли, и где они ныне живут, ты б на тех беглых старцов писал нам».

Царская грамота 1647 года в Соловецкий монастырь вскрывает те ухищрения, на которые пускались монахи, чтобы получить вино, несмотря на запреты. Как жалуется игумен Илья, братия получает «сыченый квас без хмелю» недоквашенный; вместо того, чтобы пить этот напиток в трапезной, монахи уносят по своим кельям, где доквашивают и напиваются до пьяна: «Оттого пьянства бывает многая вражда и мятежи». В результате таких нестроений часто сменяются игумены, а монахи «повыкли жити по своей воле» и поддерживают тех кандидатов, которые «пьянственному питию касаются».

Такие «бесчинства», по выражению актов, творились не только в дальних монастырях. Как указывают памятники, беспробудное пьянство развито было и в близлежащими монастырях, а также среди московского духовенства, не говоря уже о провинциальном. Царская грамота 1652 года отмечает: «В московских, в ближних и дальних, в степенных и нестепенных монастырях, архимандриты, и игумены и келари, и строители, и казначеи, и священники, и братья на монастырских погребах и по кельям у себя держат хмельное питье, вино, пиво и мед, и про

монастырский обиход и про себя в монастырских вотчинах вина сидят, и пива варят, и меды ставят, и в монастыри возят, и от того хмельного пития церкви божьи бывают без пения».

«Безмерное упивание» совершалось монахами не только за монастырскими стенами, но также далеко за пределами их, что еще в большей степени разоблачало духовенство среди населения. Описывая, например, чинимые духовенством безобразия, одна грамота 1672 года предлагает церковному начальству… «учинить заказ крепкий, чтобы игумены, и черные, и белые попы и дьяконы, и старцы, и чернецы, на кабак пить не ходили, и в мире до великого пьянства не упивались, и пьяны бы по улицам не валялись».

* * *

Белое духовенство также пьянствовало, как и монахи: многочисленные памятники указывают на чрезмерное «упивание» священников, на исполнение ими своих церковных обязанностей в пьяном виде, на катание в пьяном виде на улицах, на соблазн своей пастве, на полное неуважение населения к своим духовным отцам. В одном акте крестьяне жалуются на своего попа: «А преж того поп Василий служил у Николы чудотворца, а потому его от церкви отрядили миром, что он, стал зернью играть и крестьян бить и грабить».

В конце 1690 года архангельский приход Палеозерской волости Сольвычегодского уезда жаловался архиепископу великоустинскому Александру на бесчинства своего попа Никиты Иванова. Поп уже раньше был уличен в краже церковной казны. «И всегда, государь он, поп Никита, живет бесчинно, и пьет на кабаках безобразно». Жалоба, приводимая в царской грамоте 1601 года Нижегородским Преображенскому и Архангельскому соборам, что «попы и дьяконы на собор к молебнам и на престолы приходят пьяны», – является типичной для духовенства этого времени. «Попы и дьяконы хмельного пития до пьянства упиваются, и всякое бесчиние во всяких людях чинится», – вот как характеризуется церковное общество этого времени.

Говоря о недостатках современного ему духовенства, митрополит Даниил особенно подчеркивает страсть духовенства к «безмерному и премногому пьянству» и видит в нем причину многочисленных пороков духовенства. Также и Стоглав отмечает: «Церковные причетники в церкви всегда пьяны, к церквам божьим ходили и на божественном пении бесчинно стояли, билися, и лаялися и сквернословили, и пьяни в церковь и во святой алтарь

входили и до кровопролития бились».

В соборном ответе 1681 г. содержится следующая характеристика духовенства: «В нынешнее время многие попы и дьяконы живут бесчинно, упиваются безмерным пьянством и дерзают безстрашием неизтрезвився служить божественную литургию и прочие церковные службы, утрени, вечерни, молебны, панихиды, такожде и церковные тайны… действуют пьяные, и от такого бесчинного пьянства в покаяние не приходят и не престают, и божественного писания не внимают, а архиерейские запрещения презирают».

Этой страсти «безмерного упивания» предавались, однако, не только священники и монахи и низшие церковные служители: ей предавалась также и церковная аристократия, начиная с игуменов и кончая епископами и даже митрополитами. Клеймя с высоты своих кафедр «безмерное упивание» как несовместимое с достоинством церковного служителя, высшие церковные чиновники, в свою очередь, в таких размерах занимались «упиванием», что служили соблазнительным примером для низшей церковной братии.

Исторические источники содержат многочисленные указания на пьянство высших церковных иерархов, этих «наставниц всякого бесчиния», служивших соблазном «верным и неверным».

Митрополит Зосима, один из руководителей русской церкви, получил от Иосифа Волоцкого такую характеристику: «Сосуд сатаны и дьявола, предавшийся чревоугодию, пьянству и содомству, старый еретик».

Князь Курбский называет одного видного деятеля Стоглавого собора – архиепископа Ростовского, Никандра, пьяницей, а другого – епископа Суздальского, Афанасия – пьяницей и сребролюбцем.

По словам Максима Грека, высшие представители духовенства «светло и обильно напивались по вся дни и пребывали в смесех и пьянстве и всяческих играниях, тешили себя гуслями и тимпаны и сурмана и воров студными блядении».

Говоря об игуменах, поставленных «дарами серебра и злата», Максим Грек клеймит их как «бесчинников житием, в пьянстве всегда и пищи всякой упражняющихся».

Даже такой поборник церковного благочиния, как князь-инок Вассиан, и тот, будучи в Симонове монастыре, пользовался великокняжеским столом: «Пил этот нестяжатель романею, бастр, мушкатель, ренское белое вино».

Резкую характеристику ближайших помощников Ивана Грозного, высших церковных иерархов, его «потаковников», дает также поп Сильвестр, называя их «пьяницами, погрязшими во

всяком грехе».

Во время мятежа 1771 года был разграблен Чудов монастырь и расхищено имущество митрополита Амвросия личное и принадлежавшее архиерейскому дому. В частности, был разграблен лично принадлежавший митрополиту винный погреб. По описи не хватала следующих напитков: «Венгерского самого хорошего три антала не початых, каждый по 25 рублей, еще венгерского 48 бутылок, 3) шампанского полторы дюжины, 4) бургонского красного 2 дюжины, 5) рейнвейну самого хорошего 36 бутылок, 6) каноралекту 3 дюжины, 7) белого старого французского бочка, 8) красного ординарного бочка, 9) кагорского красного вина 40 бутылок, 10) пива аглицкого 100 бутылок и 11) 7 погребцов разных, в каждом по 12 штофов с заморскими водками и ликерами.

Прошел слух, что у митрополита было найдено в большом количестве женское платье».

* * *

О недостатках церковной аристократии обличительные памятники говорят часто весьма осторожно, так как открыто разоблачать высших иерархов было невыгодно, да и небезопасно. Обличитель пороков высшего духовенства очень легко мог быть обвинен в каком-нибудь проступке против догмы православия и сослан в какой-нибудь отдаленный монастырь в заточение.

Также и светская власть щадила своих помощников, «ласкателей и потаковников», оберегая их авторитет.

Если где-либо попадался игумен непьющий, то монахи недолго терпели его, так как такой настоятель мешал и им предаваться «упиванию»; он очень быстро смещался, а на его место выбирался кандидат, подходящий для большинства монахов.

Попытки исправления нравов духовенства путем административного воздействия очень любопытны.

Уже митрополит Иоанн в своих канонических ответах (1080–1089) говорит, что священников, предающихся пьянству, следует лишать сана. Эту же меру воздействия в отношении безмерно упивающегося духовенства предлагает и Владимирский собор 1274 года и Виленский собор 1509 года. Последний содержит следующее постановление по этому поводу: «Аще ли священник начнет дом свой держати в небрежении, безчинно, или церковные хвалы, божественные службы, не будет полнити по уставу, или упиватися… у такого бесчинника церковь отнати и отлучити».

Для наблюдения за поведением духовенства Стоглав учредил специальный институт поповских старост, на обязанности которых лежало не допускать пьянства среди духовенства. Поповские старосты, согласно инструкции, должны были о всех священниках, которые «учнут жить в слабости и пьянстве и в прочих неподобных делах, или учнут глумиться мирскими кощунами и ходить на мирская позорища, или в корчмы ходить, а о церкви божьей небрещи», – сообщать архиерею для предания виновных суду и лишению сана.

Впрочем, и сами старосты не выдерживали соблазна и предавались пьянству: в этом случае доносить на провинившихся, которые «начнут пренебрегать священными правилами, упиваться и бесчинствовать», должны были сами священники.

Запрещая в монастырях держать «пьянственное питье», Стоглав разрешает монахам употребление, во славу божью, «фряжского вина».

Так последовательно проводил Стоглав свою «противоалкогольную» политику.

Постановления Стоглавого собора были так же безрезультатны, как и более ранние: священники и монахи бесчинствовали на улицах до такой степени, что светская власть уже издает специальный указ о задержании всех появляющихся в пьяном виде на улицах и бесчинствующих священников.

В следующем за Стоглавым собором году был издан дополнительный указ к судебнику об иноках, которые «забыв страх божий и презрев священные правила, царскую заповедь, и соборное уложение, учнут по корчмам ходити, и в пьянство упиватись и по двором и по улицам скитатись пьяны, или учнут сквернословити, или матерны лаяти кому, на соблазн мирским человеком или пьяны учнут битись и дратись». Бесчинников из духовенства предложено было подвергать такому же наказанию, как и прочих бесчинствующих бражников: «Брать царскую заповедь по земскому обычаю» и сверх того ссылать в монастыри для усмирения по монашескому чину.

Церковное начальство, не удовлетворяясь пьянством за монастырскими стенами, часто разъезжало по монастырским селам «для большей прохлады», где предавалось «безмерному упиванию» за счет своих крестьян. Стоглавый собор пытался положить конец этим путешествиям монастырского начальства по своим вотчинам и ограничил их право объезда одним разом в год.

Церковные старосты не выполняли возложенных на них обязанностей по наблюдению за нравственностью духовенства; инструкция старостам – чтобы «во пьянстве бы попы и дьяконы не упивалися» – много раз повторяется. Соборным приговором 1594

года институт поповских старост и десятских, призванных «для церковного благочиния и всяких ради потреб церковных», вновь подтверждается, причем ему предлагается следить: «А бесчиния б всячески в божьих церквах не именовалося и священницы б и дьяконы не упивались и бесчинно не ходили». Всего было учреждено восемь старост поповских, а при них 40 попов и 4 дьякона.

При царе Федоре Ивановиче, сыне Ивана Грозного, пьяницы и бродяги из монахов дошли до такого безобразия, что бывший при нем собор счел необходимым организовать специальный «изолятор» для пьянствующего духовенства. В постановлениях собора читаем: «Из монастырей монахов не выпускать. А которые чернецы в монастырях не живут и бесчинствуют по Москве и в городах, ходят по кабакам, по корчмам и мирским домам, упиваются до пьяна и валяются по улицам, на таких бесчинников Троице-Сергиева монастыря власти должны возобновить бывший Пятницкий монастырь, огородив его высоким стоячим тыном… в этот монастырь бесчинников сослать».

Даже такие «изоляторы» для алкоголиков из духовенства не помогали, и церковное начальство, не будучи в состоянии справиться со своей бесчинствующей братией, обращается к правящим классам за помощью. В этом отношении любопытен ряд памятников, рисующих всю беспомощность церковного начальства в деле управления своевольной братьей.

Одна грамота XVII столетия в весьма категорической форме запрещает держать в монастырях «винное питие», а вместо него предлагает удовлетворяться пивом и квасом медвенным, бесхмельным и непьянственным; за несоблюдение этого распоряжения грозит даже отобранием в государство монастырских вотчин: «А буде вперед сыщется в которых монастырях вотчинах учнут вино сидеть, и те монастырские вотчины будут взяты на государя безповоротно, а властем быти в великом запрещении и смирении».

Это запрещение гнать вино под угрозой отобрания вотчин продиктовано, впрочем, не столько мерами охраны церковного благочиния, сколько защитой государственного винокурения, серьезную конкуренцию которому составляло винокурение церковное.

В Угрешском монастыре все монахи предавались пьянству. По донесениям игумена Иллариона того монастыря наместник иеромонах Иосиф, строитель иеромонах Арсений и некоторые монахи были привезены в консисторию и представлены перед собранием: «И усмотрены, как видно по самой их слабости и бесстрашию пьяны», за то наказаны – наместник и строитель –

содержанием в оковах, а прочие – плетьми. Четырем монахам, Данилова монастыря определено: «За пьянство учинить в том монастыре при собрании всей братии жестокое наказание плетьми, а для того послать секретаря». Та же консистория вынесла постановление «оным монахиням (Варсонофьеского монастыря) за невоздержанное житие в том монастыре при собрании всех сестер, учинить нещадное плетьми наказание, а для того послать канцеляриста».

Окружный патриарший наказ 1646 года также обращается к духовенству с призывом «от пьянства и злобы удалиться» и предлагает «протопопов, попов и дьяконов, которые учнут пити и ходити бесчинно», смирять всеми доступными мерами; впрочем, этот наказ не указывает, какими мерами, кроме смирения, церковное начальство вправе располагать.

Собор 1681 года, по жалобе царя, что «монастырское крепкое житие упразднилось», вновь возвращается к церковному пьянству и выносит по этому поводу ряд постановлений. Так же, как и в предыдущих постановлениях, собор ограничивается лишь описанием фактов церковного бесчинства и предлагает смирять провинившихся мерами монашеского воздействия, допуская более крутые меры лишь в отношении совершенно неисправимых.

Лишь в отношении бесчинствующих вдовых священников собор допускал крутые меры воздействия – «извержение по правилам», т. е. лишение сана. По выражению собора, эти священники «упиваются безмерным пьянством и дерзают бесстрашием не отрезвися служить божественную литургию и прочие церковные службы, действуют пьяные и от такого бесчинного таинства в покаяние не приходят и не престают, и божественные писания не внимают, и архиерейские запрещения презирают».

В некоторых случаях за появление в пьяном виде назначается штраф, причем при повторных случаях штраф увеличивается. Так, в указной грамоте новгородского митрополита Евфимия архимандриту Иверского монастыря Антонию читаем: «Тебе… учинить заказ… чтобы игумены, черные и белые, попы и дьяконы, и старцы и черницы, на кабаки не ходили, и в мире до великого пьянства не упивались, и пьяные по улицам не ходили и не валялись б, а буде кто из тех чинов учнут на кабак ходить и пить до великого пьянства, и за то править пени, с первого привода по полтине, со второго по рублю, с третьего по два рубля и семи алтын».

* * *

Для полной оценки вопроса о церковном «упивании» и мерах борьбы с ним – остановимся несколько на борьбе между церковным и царским винокурением. Для обслуживания «пьянственным питьем» огромной массы духовенства, к тому же нуждавшегося для утоления своей «жажды» в больших количествах вина, нужно было огромное количество всякого рода вина, монастыри пришли на помощь своей «страждущей братии», занявшись производством вина в массовом размере.

Размеры монастырского винокурения не могли не беспокоить царскую власть, особенно с введением «кружечных дворов», поэтому царизм ведет борьбу с монастырским винокурением, защищая свой собственный «пьяный» бюджет.

О размерах монастырского винокурения можно видеть из следующих фактов. С запрещением в 1681 г. монастырям гнать вино, – некоторым монастырям, в изъятии запрещения, разрешено было производить винокурение в пределах собственной потребности. Эта потребность для Саввинского монастыря составляла, например, в 1683 г. 2400–2700 ведер вина, причем это количество получалось из 300 четвертей ржи; для Сергиевской лавры потребность в вине составляла до 3000 ведер вина в год, и это количество лавра имела возможность беспошлинно ввозить.

Запрещение монастырям заниматься винокурением не выполнялось, и запрещение это много раз повторялось, таково постановление 1694 года с предложением закупать вино на кружечных дворах; таково постановление 1740 года.

Как иллюстрацию к этой своеобразной борьбе с монастырским винокурением, в основе которой лежало стремление уничтожить церковное кормчество, приводим грамоту архиепископа Вологодского Маркелла на Белоозеро с запрещением курить вино в монастырях.

Архиепископ пишет своим подначальным, чтобы: «…В монастырских вотчинах служки и старосты и крестьяне вин отнюдь не курили, и судов винных не держали, а в уезде в монастырских вотчинах попы и дьяконы и церковные причетники и бобыли, которые живут на церковных землях, вино не курили и судов не держали, чтобы мимо кружечных дворов проданного питья не было и от него… казне порухи не чинилось, и всякое дурно не множилось».

С монастырей отбиралась подписка, что они не будут заниматься винокурением, причем несоблюдение этого влекло за собой наложение штрафа.

Запрещая винокурение в монастырях, государство пользуется, однако, хорошо налаженным монастырским аппаратом для нужд

собственного винокурения. Так, грамотой 1669 года Савва-Сторожскому монастырю предложено было представить в распоряжение «Сытного дворца» и «сытников» как самогонные аппараты и рабочую силу, так и необходимое «сырье»: «И вы бы им для медвянных ставок и пивного и квасного и бражного варения, работных людей и суды и иное, что к тому варению понадобится, велели давать по сему… указу».

В другом случае, по царскому приказу снимаются котлы для винокурения и запечатывается питье.

Несмотря на предпринятые меры против винокурения в монастырях, борьба с ним была все же очень трудной, так как монастыри, ввиду большого спроса на вино, производили его не только в размерах, необходимых для удовлетворения собственной потребности, но и для продажи населению. И понадобилась упорная борьба с церковными самогонщиками, чтобы уменьшить монастырское винокурение и приучить духовенство к цареву кабаку.

Но если уменьшилось количество вина, выгоняемого монастырями непосредственно, то сокращение собственного винокурения нисколько не отразилось на потреблении вина, и духовенство, как мы видели выше, пило в ужасающих количествах. И это «безмерное упивание» наложило отпечаток на весь быт русского духовенства.

Говоря о недостатках современного ему духовенства Максим Грек заставляет «бога» дать следующую характеристику своим служителям, погрязшим в пьянстве и прочих пороках: «Священницы мои и моего нового Израиля наставницы, вы и объедаетеся, и упиваетеся невоздержно и земной яростью друг друга досаждаете, суетному спору от многого винопития воздвигшуся и зельне избесившу вас, да еще во дни божественных праздников моих, едва подобаше наипаче трезвитися и благочинно жити и иные такожде в ту же ревность спасенную привлачити, образом трезвения вашего; вы же учиненные моим мановением праздника во славу убо и в честь мою, вам же во святыни и жития доброго исправления, пьянству и бесчинию вины творите, зело нелепотно бесчинствующе в них».

«Блудное объядение»

Доказывать, что наше духовенство любило обжорство и что свое насыщение оно ставило выше всех других вопросов, – вряд ли приходится. Лишь для полноты характеристики церковных нравов мы скажем несколько слов об этой стороне церковной жизни.

О высшем духовенстве, конечно, уж не приходится и говорить.

Здесь вопросы «объядения» занимали весьма видное место, и многочисленная челядь, окружавшая церковную знать, добросовестно удовлетворяла аппетит своего начальства.

Чтобы составить хотя бы приблизительное представление о столе церковной аристократии, – приведем, пользуясь свидетельством источников, данные о меню русского патриарха. Это меню лишний раз подтверждает всю серьезность обвинения самим царем Иоанном Грозным русского духовенства в том, что жизнь его «изобилует обжорством, праздностью, грабительством, что духовенство гораздо хуже скотов».

Вот, например, что было подано к «скоромному» будничному столу патриарху Андриану 4 сентября 1690 года: «Икра зернистая, икра белой рыбицы. Вязига под хреном. Прикрошка телная. Присол щучей. Присол стерляжей. Щука паровая. Лещь паровая. Язь паровой. Линь паровой. Схаб белужей. Кружок телной. Збитель. Шти с кашей. Уха окуневая. Пирог косой. Уха карасевая. Потрох. Пироги долгие. Щука колодка. Звено белой рыбицы. Пышки. Полголовы осетрии. Олады путные. Звено ставное. Сырники. Блины тонкие. Блюда карасей. Блюдо прежье. 2 леща паровые. Стерлядь паровая. Язь паровой. 2 плотицы на масле». Это был, правда, стол «скоромный». Постный стол был значительно «скромнее». В него входило: «икра зернистая, вязига, грузди гретые, шти со снятками. Галушки. Калья (похлебка с паюсной икрой и огурцами). Лапша. Пирог с вязигой. Блюдо оладий. Пироги долгие. Блюдо прежья. Блюдо карасей».

Да не подумает читатель, что приведенное нами патриаршее меню составляло что-нибудь исключительное. Это было обыкновенное «будничное» меню, праздничный же стол был значительно богаче.

Вот, например, каков был воскресный стол 21 октября: «Икра зернистая. Икра белой рыбицы. Вязига под хреном. Прикрошка тельная. Прикрошка осетрья. Присол щучьей. Присол стерляжий. 2 звена белой рыбицы. 2 схаба белужья. Збитель. Оладья тельная. Шти с кашей. 2 ухи карасевые. Пирог рассольный. 2 ухи

подлещиковые. Пирог косой. 2 ухи окуневые. Пирог с телесы. 2 ухи плотичьи. Пирог с белой рыбицей. Потрох. Пироги подовые. 2 щуки колодки. Оладьи путные. Полголовы белужьи. Пышки. Полголовы осетрии. Сырник. 2 звена ставные. Блюдо карасей. Блины тонкие. Блюдо прежья».

Конечно, такое «скромное» меню было не под силу престарелому патриарху. Справиться с сытными блюдами, обильно поливаемыми к тому же всяким «пьянственным питьем», – помогали патриарху различные чиновники, составлявшие двор патриарший.

Высшее духовенство также не отличалось особенным воздержанием в своей пище и стремилось «в отраде и славе и всяком покое всегда жить». Те самые нестяжатели, которые подняли борьбу за «чистоту» церковного общества, за отказ от «стяжаний» – недвижимой собственности, были также любителями хорошо поесть и попить и никак не могли служить примером церковного воздержания. Говоря о печальном положении духовенства, обличитель нестяжателей Зиновий так описывает быт сторонников идеи нестяжания: «Видал я при дворе великого князя называющих себя нестяжателями, у которых в кошельке было по 1000 серебрянных монет и больше, которые ели хлебы пшеничные, чистые и мягкие, икры белые и черные, вязиги белужьи и осетринные, белых рыбиц и паровых рыб, ухи белые, черные и красные, овощи у них были: смоква, станиды, (изюм), рожки, сливы, вишни, дули, яблоки; а приправы: инбир, перец, корица… Одежды мягкие, теплые и легкие».

Если таков был стол высшего духовенства, то и стол «дворян от духовенства» немногим ему уступал. Устав Иосифа Волоцкого различал три вида пищи для монахов своего монастыря, в зависимости от социального положения монахов: 1) хлеб-соль и вода, 2) варево и 3) калачи и рыбное. Однако уже очень скоро сам Иосиф монастырь позабыл устав своего основателя и ввел трапезы, далеко не похожие на скромный стол, предусмотренный уставом.

Вот, например, расписание стола Волокаламского монастыря, правда, праздничного (8 сентября), сохранившееся в церковных памятниках: «В трапезе скатерти-настилки белые, хлеб кладут осьминки, да калачи целые по солонкам, а шти белые, да рыба двоя добрая – со зваром, и с хреном, или с горчицей, да каша молочная, а квас медвен». На праздник памяти Иосифа монастырский стол составлял: «В трапезе на братью утешение великое, настилки белые, шитые, а калачи белые, а рыбы троя: в сковородах свежая да по сковородам просола добрая двоя, да сельди переяславские, и масляное обои – и пироги и оладьи с

медом и квас медвен».

Такой стол был типичен для многих богатых монастырей, особенно тех, кто имел значительную недвижимую собственность и не стеснялся в средствах. Дошедшие до нас два устава о трапезах Троице-Сергиева и Тихвинского монастырей содержат подробное расписание по дням пищи и питья монахов и дают материал для ознакомления с этой стороной монашеской жизни. На этих монастырских обедах и ужинах подавались, между прочим, как видно из уставов, следующие блюда и напитки: «Хлебы белые ржаные и пшеничные, колачи, щи капустные, ботвинья, борщ, уха, лапша молочная, лапша с перцем, каша овсяная гречневая, с головизнами, тертая, с соком, молочная, куличи, блинчатые пироги, пироги с маком и с рыбой, с яйцами и сыром, с морковью, горохом и репой, сиги, лещи, караси, лососина, сельди, щука под чесноком, судаки, осетрина свежепросольная, яишница, яйца, икра, кисель с молоком, кисель с медом, ягоды, изюм, сухари, орехи, оладьи, блины с медом и пр., квас, мед, пиво, сыченое вино».

* * *

Таков был тот разнообразный монастырский стол, которым питались монахи в своем монастырском уединении. Но в действительности монашество не удовлетворялось даже этими уставами и требовало себе дальнейших послаблений.

Послабления делались прежде всего по отношению к тем богатым жертвователям-вкладчикам, которые, уходя в монастырь, «покоя ради», – меньше всего склонны были ограничивать себя в своих привычках. В угоду таким монахам и менялись монастырские уставы. Стоглавый собор посвятил им целую главу (52-ю), чтобы обосновать их права на неподчинение монастырскому уставу: «…Так как в великих честных монастырях стригутся князи и бояре и приказные люди великие… и дают выкупы и села вотчинные, то на них за немощь и старость законов не полагать о трапезном хождении и келейном ядении, а покоити их по рассуждении естовой и питьем». И как «покоила» себя эта часть монашества – видно хотя бы из обличительного письма Иоанна Грозного в Кирилло-Белоозерский монастырь, где он указывает, как устраивались в этом отношении монахи, оказавшиеся в монастыре по своей ли, или по чужой воле…

Еще в церковном правиле, приписываемом митрополиту Иоанну, мы встречаем следующее обличение духовенства, любителей «объядения»: «О горе вам, яко имя мое вас ради хулу

принимает в языцех, иное в монастырех часто пиры творят, созывают муже вкупе с жены, и в тех пирех друг другу преспевают, кто лучший творит пир».

Устройство таких пиршеств, да еще в больших размерах, было далеко не единичным явлением. Древнерусские лукуллы из духовенства умудрялись попадать из-за своих беспутных пиршеств «в печать», т. е. в древнерусские памятники, вследствие чего мы и можем восстановить эту сторону церковной жизни.

Исчерпывающая характеристика обжорства духовенства дана митрополитом Даниилом в его обличительных словах: «Почто братие, гордимся и возносимся, и сами себя прельщаем, ища власти игуменства, или епископства, страстни суще и немощни на таковая величества восходити? Для чего мы этого ищем? Для того ли, чтобы есть и пить многоразличная и драгая и сладострастнейшая, или злата и серебра, и многая богатства и имений собирати; или веселиться и прохлождаться, и возноситься, составлять пиры и созывать на обед славных и богатых, и напрасно истощать на тунеядцев монастырские доходы, яже церкви и церковным потребна б и станным и нищим. Мы призираем это, и церковные доходы изъедаем со славными, и богатыми, и тунеядцами».

Иностранец Петрей отмечает, что монахи проводят жизнь в сластолюбии и пьянстве, и что средства, получаемые от эксплуатации церковного имущества, а также вклады постригаемых, служат лишь для суетности, невоздержанности и обжорства. Такие же обвинения бросает русскому духовенству, преимущественно монашеству, и ряд критиков и обличителей церковного неустройства.

Обличитель церковных стяжателей, Вассиан, говоря о господствующих нравах среди духовенства, возвышается даже до публичного ошельмования эксплуататорской роли церкви. «Какая может быть польза, – говорит он, – благочестивым князьям, принесшим все это (церковные богатства) богу, если вы употребляете приношения неправедно, и лихоимственно, совершенно вопреки их благочестивому намерению? Сами вы изобилуете богатством и объедаетесь, сверх иноческой потребы, а братья наши крестьяне, работающие на вас в ваших селах, живут в последнеи нищете…».

Максим Грек в своем слове по случаю пожара 1537 года, написанном из тверского заточения, вкладывает в уста «бога» следующую обличительную проповедь против современного ему духовенства: «Если я у вас на иконе ношу золотой венец, за то в жизни погибаю от холода и голода, тогда как вы объедаетесь, упиваетесь, и в светлые одежды облачаетесь… Вы честные дары

доблестных и богатых вельмож расточаете на различные наслаждения душ ваших, на украшение своих одежд, на богатые пиршества».

Имея в бесконтрольном распоряжении «весь покой монастырский, богатство и всякое изобилие», монастырское начальство старалось извлечь все выгоды сосредоточения в своих руках значительных материальных средств.

Не раз цитируемый нами обличитель церковных нравов князь-инок Вассиан так характеризует монашескую жизнь: «Мы, многогрешные и прегрешные иноки, возлюбив иночество и отрешись этого мира и всего, что в нем, носим на себе только образ иночества. В иноческом образе мы строим себе каменные ограды, и палаты, позлащенные узорами, со травами многоцветными, украшаем себя в кельях царские чертоги и берем с мира все лучшее и покоим себя пьянством и пищей, достающейся нам из рук трудящихся на нас. Мы, по зависти, лишаем мирян лучшей пищи; а по справедливости лучшая пища и питие принадлежит мирянам, работающим на нас, не нам, инокам».

* * *

Но было бы неправильно думать, что таково было положение всего духовенства. Так жило и объедалось, конечно, высшее духовенство, а также духовные «дворяне», количество которых было, правда, очень велико. Низшее же духовенство – приходские священники, причетники, низшее монашество – не пользовалось столь большими благами и вынуждено было ограничиваться худшей долей. Это духовенство эксплуатировалось, в свою очередь, своими старшими собратами до такой степени, что оно вело подчас полуголодное существование. По свидетельству Зиновия Отенского пищей для этих монахов-чернорабочих был «хлеб овсян не сеян или класы ржанные толчены, питие же вода и варение имеющих капустное листвие».

Именно из этих кругов выходило бродячее духовенство, представители которого «по миру волочились и жили в миру и не знали, что словет монастырь» и которое затем доставило много хлопот духовному начальству.

Картина «тихого монастырского жития», которую мы обрисовали, является столь типичной для уклона жизни всего нашего духовенства; церковное «объядение» охватывало столь значительные слои духовенства, всех видов, что не упоминать о нем, говоря о нравах русского духовенства, не представляется

возможным.

Именно на фоне «объядения и безмерного упивания» вырисовываются прочие, столь характерные особенности в быту нашего духовенства.

«Плотское похотение»

Отдавая дань прочим человеческим «слабостям», духовенство и в половом вопросе не было на высоте и усердно занималось разрешением этой проблемы в специфически церковных условиях.

Уже из беглого знакомства с историческими документами приходится сделать вывод, что русское духовенство в этом щекотливом вопросе оказалось ничуть не скромнее своих западноевропейских собратьев. Разврат среди духовенства принимал столь большие размеры, что эта сторона жизни духовенства, наряду с прочими пороками, делала его притчей во языцех для современников…

Конечно, эти особенности церковной жизни, чрезмерное увлечение «женским» и вообще половым вопросом (эту поправку приходится делать, учитывая пристрастие духовенства и к не-женщинам, о чем ниже) характерно не только для рассматриваемой нами эпохи, но и для духовенства современного.

Но в отличие от дооктябрьской эпохи, когда всякий недостаток среди духовенства подвергался обязательному замалчиванию, нравы до XVIII века были значительно проще и откровенней. И этой простоте нравов мы обязаны тем, что до нашего времени дошли в подлинниках исключительные акты, которые дают нам возможность разоблачать, основываясь на документах, истинное лицо духовенства, ведущего именно «монашеский» образ жизни.

Женщины так основательно эротически «возмущали» наше духовенство, что иностранцы, посещавшие Московское государство, неизменно останавливали свое внимание на этом «увлечении» и отмечали виденные ими бытовые картинки в своих записках.

Вот как, например, отзывается о монастырских нравах иностранец Мейерберг, оскорбленный в своем целомудрии при ближайшем знакомстве с нашими монастырями: «Тогда как в семействах, пишет он, женская половина ограждается если не стыдом, то строгим заключением, в женских монастырях не соблюдаются священные установления. Ограды женских монастырей не запираются никакими замками. Таким образом любопытный пол, не стесняясь ни какими препонами, допускает в свои обители мужчин и, по окончании службы, которая оканчивается еще до рассвета, свободно бродит по городу. Так как монастыри не берегут стыдливость и честность, то

чувственность заграждает доступ каким бы то ни было увещаниям: он дает полный простор своим пожеланиям и, поддаваясь без разбора всем увлечениям, стремится в бездну бесславия, оскорбляя таким образом всякое благородное чувство и уничтожая благородное покрывало».

Как рассказывает иностранец Корб, монахи открыто предаются сладострастию на улицах, «лишившись всякого стыда».

Эти проявления монашеского темперамента могли быть доступны для иностранцев только в некоторых случаях; практика, существовавшая в этой области во всех слоях духовенства, на самом деле была значительно богаче и ярче, чем те скудные наблюдения, которые запечатлены в записках иностранцев. И нужно отдать справедливость русскому духовенству, что в этой области, как и в области безмерного упивания, оно обнаружило значительное «дарование», возвышаясь нередко до блестящих «подвигов».

Злостное использование духовенством своего влияния достигло таких размеров, что церковное начальство вынуждено было насторожиться. Так, церковными правилами стало уже запрещаться священникам, не пришедшим в «целомудренную старость», принимать к себе на исповедь лиц женского пола, «да не помышлением соблажняется, ибо дьявол со женами творит брань людям». Только священнику, пришедшему в старость и имеющему жену, разрешалось принимать на исповедь женщин. «Юной же иерей отнюдь да не посмеет приити ни едину душу, понеже слепец слепца водят-оба в ров впадется». Правила устанавливают также, что женщина при исповеди должна стоять с покрытой головой, «в прусте церковном» (на паперти), причем двери наружные должны быть открыты «соблазна ради». Была установлена специальная епитимия, если церковник поцелует женщину: «Аще чернец поцелует како жену, пост 40 дней, и поклонов 80 на день».

Но даже столь «суровое» наказание не избавляло духовенство от искушений дьявола в образе женщины, и такому искушению подвергалось не только низшее духовенство, но и церковная аристократия. Как видно из грамоты 1634 года, архиепископ Суздальский Иосиф был отправлен в Сийский монастырь на жительство за бесчинство: «Что он живет не по святительскому чину, делает многие непристойные дела».

* * *

Вопросу о церковной нравственности уделяли большое

внимание церковные обличители того времени.

Проповедники эти, отдавая дань необходимости, спускаются даже до обсуждения некоторых интимных подробностей в этом вопросе и с серьезностью пытаются установить господствующую точку зрения.

Митрополит Даниил дает совет духовенству, чтобы избавиться от искушений, «бежать сонмищ лукавых, бежать мудрований плотских и собраний прелюбодейных». Тот же Даниил посвящает целое послание вопросу о непроизвольном извержении, «истицании»; приведем одно место из его поучения, посвященное ограждению нравственности духовенства, где он категорически запрещает «осязати кое что от удов, яко се, или за руце кого держати, и мягкостью и гладкостью услажатися, или главу обымати, и ланите приимати и осязати, и не яко желая плотского похотения, но яко от духовные любве маяся сие творити, или от жалости на котором показая ситцевая, или забывся, и по мало малу приходит пострекание, и растет страсть и скоктание, и мокроту многажды во сне и на яве содевает». Как видно из описания, Даниил оказывается большим знатоком в этом деле.

Даниил устанавливает также епитимию – «пост три недели, а поклонов по ста» за такие прегрешения – «еще рукою тыкнувше в лоно жене, или ногою, или сквозе платье блуд сотворивши, или пьяной или сонной».

Даниил договаривается в одном из своих поучений до того, что рекомендует оскопление как единственный способ избавления от искушения; между тем, русская церковь оскопление считает непростительным грехом.

Было бы ошибочно, однако, думать, что половая распущенность духовенства особенно развилась в период перехода к капиталистическому хозяйству, и что ранее, в феодальный период, нравы духовенства были чище. Только при значительной половой несдержанности могли возникнуть такие требования ко вновь посвящаемым во священство, какие предъявляет, например, Владимирский собор 1274 года. В числе прочих испытаний, назначаемых посвящаемым, Владимирский собор считает необходимым тщательную проверку и в отношении его половой жизни: «Испытати их о вещех греховных, егда в блуде содомством были будут; ли со скотиною, ли в руку согрешение, или в татьбе, разве аще не детского, ли преже поятия жены своея растлить девство, ли со многими… будет, или от своея жены законные блуд сотворил будет… Аще кто от преждереченных сих вин хотя единого ят будет, – таковые их не может быть поп, и ни дьякон ни причетник».

«Содомская пагуба»

Мужеложество было развито среди духовенства, преимущественно черного, что объясняется особенностями монастырской жизни.

Однако и белое духовенство отдавало достаточную дань этой гнусности. Среди духовенства «содомская пагуба» особенно распространилась в XVI веке, как можно видеть из настойчивых обличений порока именно в этот период. Но и ранее, еще в XIII веке, встречаем мы указания на склонность духовенства к содомской пагубе.

Давая ряд наставлений об испытании лиц, посвящаемых в священники, Владимирский собор 1274 года, прежде всего, считает необходимым испытать о «вещах греховных, егда в блуде содомском были будет». Начиная же с XVI века, редко можно встретить какое-нибудь «слово», где бы ни указывалось, и в довольно резкой форме, на этот порок «содомского блужения» и где бы ни обличалось, «аще к юным отроком любовь», где бы ни было увещания «содомского греха блюстись».

Было бы неправильно, конечно, думать, что это «содомское блужение» было свойственно только духовенству: в светском обществе, особенно в высших классах его, широко была развита педерастия. Но все же именно духовенству принадлежит «честь» культивирования «содомской пагубы» в широких размерах.

В одном обличительном послании митрополита Даниила о поклонниках «доброзрачных иноков» мы встречаем следующее любопытное описание жертвы общественного темперамента. «Волосы твои не только зрезаешь бритвой и с плотью, но и щипцами исторгаешь их из корня и не стыдишься выщипывать; позавидовав женам, мужское свое лицо претворяешь на женское. Или весь хочешь быть женою? Если не хочешь, то за чем волосы бороды твоей или ланит твоих щиплешь, и не стыдишься истогать из корня, а лицо твое много умываешь и натираешь, и делаешь ланиты твои червленными, красными светлыми. Желая насытиться блудными страстями и весь ум твой непрестанно отомимся, ты слугам своим на сии блудные бесовские деяния много серебра и злата истощаешь. И что много исчислять? Ты всегда стремясь к блудницам, и сам себя для многих сотворил блудницею».

В этом обличительном послании Даниила дана характеристика «блудницы» для высших классов, духовенство же удовлетворялось для своей «страсти» «доброзрачными иноками» поскромнее. Еще в XIV веке в кодекс нравственных предписаний

духовенству было внесено как борьба с этим пороком среди духовенства: «С юными детьми не дружиться и книгам их не учить». Уставная грамота 1526 года Новгородского архиепископа Макария Дуновского монастырю предписывает: «…И мирским людем, женам и ребятам к старцам не ходити, никоторыми делы… Такоже игумен Тихон, или кто по нем ины игумен будет… да держат у себя, в кельи, келейника чернца или дву чернцов; и робятам молодым по кельям, у игуменам и устарцев не жити».

Иосиф Волоцкий в IX главе своего монастырского устава, говоря о вреде, который приносят юноши монахам, отмечает, что «не подобает в монастыри жити отрочатом голоусым» и категорически запрещает впускать их в монастырь по каким бы то ни было делам. «Голоусых ребят» Иосиф считает самой большой заразой для монахов: «Злейши бо суть жон отрочата на иноки».

Особенно резко и настойчиво обличает мужеложество у духовенства митрополит Даниил. У него редко встречается послание, где бы ни было совета «бежать от женщин и доброзрачных отроков».

Старцу, снедаемому «содомской пагубой», Даниил дает совет: «Не только совокупляться, ниже беседовать с тем, на которого восходила душевная любовь, и паче же на едине хранитися иже не беседовавши с ним не токмо не нужных, но и мыслящихся благословных бесед».

В царствование Иоанна Грозного содомская пагуба получает еще большее распространение.

В одном послании, приписываемом ближайшему помощнику царя Иоанна, попу Сильвестру, так бичуется этот порок: «Велико некако беззаконие внезапу воссташе, – пишет Сильвестр, – и мнози помрачищися безумием и обнародеша пьянством и всякими грехи, и изнемогоша совестью, житие свинское улучиша, прелюбодеяние содомское постигоша, и таково прелюбодеяние, яко не во языцех именуетца».

Подверженных этому пороку Сильвестр называет опасными для государства.

Так же смотрел на мужеложества и Иоанн Грозный, который указывал в своей речи на Стоглавом соборе, что «за содомский блуд и за всякую нечистоту многие царства исчезоша».

Отцы Стоглавого собора обратили внимание прежде всего на распространение содомской пагубы среди населения и постановили действовать на подверженных этому пороку поучением: «А содомские бы скверные дела в православных крестьянех… и всякая скверна никогда же не именовалося вашим священническим поучением и наказанием… и о тех о всех

страшных и скверных и зазорных дел скаредных отцем духовным, священным протопопом и священником детей своих духовных на крепко испытывати и запрещати с великим истязанием духовным, чтобы никаких скверных и мерзких дел не творили и которые покаются и впредь обещаются, и вы бы их исправляли… а без епитемьи есте не прощали. А которые не исправятся, ни покаются, и вы бы их от всякие святыни отлучали и в церковь входу не давали, и приносу от них не принимали, дондеже покаются и престанут от зол своих».

Обличая так содомский грех и пытаясь его искоренить мерами «кроткими», Стоглав не мог пройти молчанием развитие этого порока среди духовенства. Отмечая, что «ребята молодые, голоусые, живут по всем кельям невозбранно, и ездят с чернецами по селам и по миру без всякого зазрения», – Стоглав выносит постановление о запрещении жить юношеству в монастыре. Если же монах по старости или болезни не мог обойтись без услуг послушника, то Стоглав рекомендует с этой целью приглашать «имеющего браду».

Не имея возможности полностью изгнать юношей из монастырей, так как некоторое количество школ все же существовало, – Стоглав рекомендует, чтобы монахи «наиболее учеников своих берегли и хранили во всякой чистоте, и сохраняли бы их всякого плотского растления, а в особенности от содомского греха и рукоблудия».

Говоря о недостатках духовенства, инок Вассиан отмечает: «А вот еще учинилось великое зло: некоторые (монахи), многим людям на соблазн и на смятение и погибель, скверное беззаконие творят – содомскую пагубу, за что от множества народов и от иноверных бывает поношение и укоризна вере».

Что постановления Стоглавого собора не дали никаких положительных результатов (как, впрочем, и все другие его постановления в области улучшения нравов духовенства), видно из того, что уже около 1575 года сам царь Иван IV так говорил на собрании церковных иерархов, обращаясь к этой своей политической агентуре: «Вы ведете жизнь самую дурную, утопаете в удовольствиях и наслаждениях, дозволяете себе ужаснейшие грехи, вымогательства, взяточничество и непомерные росты. Ваша жизнь изобилует кровавыми и вопиющими грехами: грабительством, содомским грехом, вы хуже, гораздо хуже скотов».

О росте содомской пагубы говорит также старец Филофей: «О третьей же (заповеди) пишу и плача горце глаголю, яко да искорениша из твоего православного царствия сий горкий плевел. Писано бо есть: преступает от своя жены разбирает плоть свою, а

творяй содомская убивает сам плод чрева своего. Бог сотворил человека и семя на чадородие, мы же сами даем свои семена на убийство и в жертву дьяволу. Сия мерзость умнозишися не токмо в мирских, но и прочих, о них помолчу, чтый да разумеет». Легко понять, на кого намекает Филофей, говоря о «прочих»: это были монахи и даже высшие церковные чиновники, как, например, митрополит Зосима.

Таким образом никакие предписания не дружиться с «юными детьми» не помогали, и содомская пагуба процветала в монастырях.

Во время Никона производилось следствие по делу совершения мужеложества архимандритом над дьячком в церкви во время богослужения.

Как развит был этот порок в древнерусском обществе, видно из любопытного чина исповеди, представляющего очень ценный исторический документ: «Се суть, отце, согрешения моя; и чрез естественная плотская беззакония согреших от юности моея, растлевая в детских растлениях содомским блудом». В этом чине исповеди содержится ряд вопросов о самых изощренных формах разврата, с описанием таких подробностей, что мы не рискуем здесь их изложить, щадя скромность наших читателей.

Мы не собираемся, однако, доказывать, что русскому духовенству были свойственны какие-нибудь особые пороки, которых не знало современное ему общество. Напротив, недостатки духовенства были обычны для всего русского общества. Но тем важнее вскрыть эти недостатки, показать, что духовенство наше, страдая всеми недостатками своей эпохи, меньше всего могло претендовать на роль учителей и наставников общества.

«Особые стяжания»

Те особенности быта русского духовенства, которые изложены нами на предыдущих страницах, требовали, конечно, специальных средств. «На всякие свои потребы» духовенство, по выражению Вассиана, производило «кражу в собину», т. е. расхищало церковное имущество, обкрадывало свои церкви и монастыри. Церковь владела значительными богатствами, полученными как в результате вкладов при пострижении и на «поминок по душе», а также в результате ведения своего хозяйства на капиталистических началах.

Сребролюбие духовенства, стремление его к личному обогащению, бесцеремонное обращение с порученными ему церковными средствами «чтобы самим в отраде и всяком покое жить», – эти особенности церковного быта не могли не обращать внимания современников. Стремление приобрести «стяжания всякие, стада скотские и всякие сладкие пищи» – свойственно было всем слоям церковного общества: и высшие церковные чиновники, эти, по выражению Иосифа Волоцкого, «сосуды сатаны и дьявола, предавшиеся чревоугодию, пьянству и содомству, открытые еретики», и монастырские игумены и старцы, и низшее духовенство, – все они по мере своих сил и возможностей растаскивали церковное добро на личные надобности. Памятники рассматриваемой нами эпохи сохранили много свидетельств о растратчиках из духовенства.

В 1606 году Василий Шуйский, узнав о различных беспорядках и злоупотреблениях, происходивших в Пермском Вознесенском монастыре, писал Пермскому воеводе, чтобы он «Черному попу, старцу Иосифу, велел быть в строителех, и от бесчиния старцев унимать». В 1609 году, во время осады Троицкой лавры, один из монахов ее, Гурий Шишкин, ввиду определенных подозрений в растрате, произведенной монастырским казначеем, просил жившего тогда в Москве келаря лавры, Авраамия Палицина, произвести полную ревизию монастырской казны.

В 1630 году царь Михаил Федорович, узнав о злоупотреблениях «строителя» Чердынского Богословского монастыря, Трифона, писал Чердынскому воеводе, чтобы он «назначил на его место старца Герасима и велел произвести подробную опись всего монастырского имущества».

В 1592 году митрополит Новгородский Варлаам, узнав, что в одном монастыре его епархии казначей Трофим и некоторые монахи распоряжаются монастырской казной самовольно и

незаконно, написал грамоту, в которой предлагает монастырским властям «старца Трофима в монастырской казне счести». Отец Котошихина, бывший келарем в одном из московских монастырей, предан был суду за растрату; по решению суда дом и имущество, принадлежавшие Котошихину-сыну, были конфискованы в казну, об этом рассказывает сам Котошихин.

Игумен и старцы Новгородского Кириллова монастыря, как жалуется Мостицкий игумен Трифон, «государеву казну монастырскую учали давать по займам».

Старцы Чердынского монастыря писали в 1632 году царю и патриарху, что «был… у них в богословском монастыре преже сего в строителех старец Трифон, и тот де, строитель… многие монастырские вотчины… воровством распродал, иные в заклад заложил, и монастырь опустошил».

Любопытная жалоба игумена Кирилло-Белоозерского монастыря на своевольство всесильного старца Александра, который «игумена и старцев соборных лает блядинными детьми… и строителем в Москве был… а отчету монастырской жизни не дал… и общежительство Кирилловское разоряет, слуги и лошади держит собинные, торгует себе на сабину».

Из грамоты 1606 года узнаем, что в Вознесенском Богословском монастыре монастырскими средствами монахи распоряжаются очень оригинально: «В монастыре они в казне денег не держат; кто что даст вкладу, им откуда какие деньги привезут, и они делят по себе, и от того богатеют, и книг приходных и расходных не держат, чтобы и не по чему было считать; а хлеба что упашут, и раздают своим же посестрием и детем… (деньги) скопили крадучи из монастырского дохода, и отдают в рост в кабалы из ростов, а в монастыре строения никакого нет, а церковь и трапеза развалились, ни служб ни келий нет, а и строить некому». Грамота 1613 года указывает, что игумен Иона закончил разорение Переяславского монастыря, разоренного поляками во время смуты, а «что было осталось образов и прикладов, риз и книг, а то все игумен пропил и сам из монастыря сшел».

Интересные сведения мы находим в грамоте 1639 года, обвиняющей царских чиновников Михаила Ладыжина и дьяка Федорова в невыполнении данного им поручения обследовать Спасо-Евфимиев монастырь. «В нынешнем году, – читаем мы в грамоте, – били нам челом Спасо-Евфимиева монастыря келарь старец Кирило, казначей Галактион с братьей, что послали вы для сыску и счету, и у архимандрита пируете, а архимарит у вас почасту, и завел у себя архимарит питье келейное, дворян и детей дворянских, государевых дворцовых сел и боярских и княжецких

приказных людей, старост и крестьян скупает, а вы де сыщики ему архимариту во всем норовите и по его архимаричию научению братьев и служкам угрожаете и крестьян продаете, во всем его норовя архимариту, чтобы ему в нашем богомолье и впредь быть архимаритом, а наших богомольцев братью и служек и крестьян разогнать; и от того де ваших сыщиковых продаж и братья и служки и крестьяне разбрелись розно и соборные церкви и пределы оставили».

Из этой любопытной грамоты мы видим, что даже при жалких потугах правительства устранить замеченные недостатки в монастырях, посылаемые на ревизию чиновники продавались церковным растратчикам, покрывали их и т. п.

Говоря об упадке Николо-Угрешского монастыря, историк его замечает, что причина упадка его была в недобросовестности его строителей. Игумен Варлаам жалуется на Угрешского келаря Георгия, что он продал за бесценок московское подворье, купленное за 1100 рублей, что он собирал с крестьян доходы не в монастырскую кассу, а в свою пользу, что он расхищал монастырское имущество, пока, наконец, не разорил окончательно монастырь и исчез неизвестно куда.

Разоряя монастырское хозяйство, обращая доходы монастырей в свою пользу, церковники не забывали также и свою младшую братию и облагали их всякими поборами в свою пользу.

Стоглав упоминает, что от духовных «десятинников и заезчиков», обязанных смотреть за дьяконами и священниками, была «нужда и продажа великая». Вымогая от низшего духовенства эти поборы, церковные чиновники за то делали ему ряд послаблений и смотрели сквозь пальцы на грешки своих младших братьев, за нравственностью которых и за исполнение ими их обязанностей они обязаны были «дозирать». В постановлениях Стоглавого собора находим очень яркую оценку этой деятельности высшего духовного начальства: «Бояре и дьяки и тиуны и десятильники и недельщики судили и управу чинили не прямо, а волочили, и попов по селам продавали без милости, и дела составляли с ябедники; по сговору с жонками и девками чернцов и на попех и на мирянех силы искали и соромоты.

Зато и «священницы бедные и братьи», будучи «алчны и жадны и всячески неспокойны», в свою очередь также не оставались в долгу, и всю тяжесть поборов переносили на население, с которых вытягивали всякими способами последние гроши.

* * *

Церковное сребролюбие вызывало ожесточенную борьбу, хотя и неуспешную, со стороны ревнителей церковного благочестия и устроителей церковной жизни.

Известный обличитель церковных стяжателей, Вассиан, так характеризует современное ему церковное общество: «Господь сказал: роздай имение твое. А мы, войдя в монастырь, не перестаем, по нашему безумию, всячески приобретать себе чужие села и имения, то бесстыдно выпрашивая у вельмож лестью, то покупая. Сделавшись, таким образом, вопреки заповеди, господами чужих имений, мы считаем за великую правду и добродетель постоянно увеличивать их, и вместо того, чтобы безмолствовать и питаться своим рукоделием и трудами, беспрестанно разъезжаем по городам и заглядываем в руки богатых, лаская их всячески и угождая, чтобы как нибудь получить от них село или деревеньку или какую животину».

Эти стяжательские стремления вызывали частые изменения в существующей сети мелких монастырей, когда иссякли их источники, и старцам поживиться в них было нечем. Как отмечает Стоглавый собор, «старец в лесу келью поставит или церковь срубит, да пойдет по миру с иконою просить на сооружение, а у меня (царя), земли и руги просит, и что сбережет, то пропьет, а церковь – выставку, пробыв в ней год, покинет, жалуясь на притеснения архиерейских десятильников и недостаток земли и руги». Высшее же духовенство, достигнув разными путями своего положения, не упускало случая вознаградить себя за временное смирение и, в поисках «стяжаний всяких, стад скотских и всякие сладкие пищи», не останавливалось ни перед какими средствами. Отсюда симония, поборы и эксплуатация низшего духовенства.

Живя «в отраде и покое», высшее духовенство представляло достаточную полноту власти своим чиновникам, лишь бы только они могли обеспечить им тот образ жизни, к которому они стремились; поэтому все жалобы на насилия, чинимые этими чиновниками, что они «бесщадно и безмилостиво расхищали имущество», высшее духовенство оставляло без последствий. И нужно было совершить какое-нибудь особенно тяжкое преступление, чтобы высшее духовенство отказывалось от защиты своих верных чиновников.

Говоря о современном ему высшем духовенстве, Максим Грек дает ему уничтожающую характеристику: «Ты же, треокаянный, говорит он, обращаясь к епископу, кровей убогих бесщадно испивавши, лихвами и всяким делом не праведным и себе оттуда преобильно приготовляеши вся твоя угодная, егда же якоже хощещи».

Такая характеристика духовенства не должна нас удивлять.

Значительная часть духовенства, отказавшись временно, «по отречении», от стяжаний после того, как достигала власти, вновь начинала «пристяживать села и стяжания различна», т. е. стремиться к увеличению своих богатств. Естественно, что в этом стремлении к округлению своих владений нельзя было быть особенно разборчивым в средствах. По образному выражению Максима Грека «плотские и духовные страсти, паки возникнувши, окаянную душу иноков начинали обступать и воевать и всяким образом уязвлять».

Духовенство, в особенности церковная аристократия, за счет церковных доходов удовлетворяла не только свои «потребы», но и содержала значительное число родственников-паразитов и знакомых. Церковная аристократия, «подкупом достигшая своих должностей», как свидетельствует Стоглавый собор, «покоили себя в кельи с гостьми; да племянников своих вмещали в монастырь, доволили всем монастырским». На этих друзей, церковных приспешников и прислужников, уходила значительная часть церковных и монастырских богатств. «Весь покой монастырский, – читаем мы в Стоглаве, – и богатство, и изобилие во властех оне (власть) истощали с роды и племянники и с боярами и с гостями и с любимыми друзи».

Многие игумены и архимандриты не принимали никаких мер к правильному ведению монастырского хозяйства, но расстраивали его вследствие полного пренебрежения интересов монастыря, заботясь лишь о своем благополучии. Даже Волоколамский монастырь, являвшийся примером староиноческой жизни, и тот подвергался общему разложению нравов. Монахи, во время игуменства там Даниила, жили «особые стяжение держаще злаго ради пристрастия и сребролюбия ради». Это дало Даниилу основание обратиться к своей братии с резкой проповедью, где он укоряет ее в сребролюбии, жадности и несоблюдении монашеского устава.

В посланиях митрополита Даниила мы встречаем неоднократные указания на епископов-сребролюбцев, проявлявших слишком большую «заботливость» в отношении к вверенным им средствам. Один епископ так открыто крал церковное имущество, что в результате многочисленных жалоб на него со стороны пострадавших он удостоился специальных посланий митрополита. Послания эти, адресованные епископу, «лихоимственное житие имущему», выявляют очень любопытную физиономию этого епископа, которой являлся крупным вором даже для своей эпохи, не делавшей зачастую различия между личной и государственной собственностью.

Известнейший деятель петровской эпохи, Феофан

Прокопович, охарактеризовал в одном доносе следующим образом: «Во время архиерействованя своего во Пскове многие святые церкви и монастыри, для богомерзкого своего лакомства, псковскому архиерейскому дому приписал, от которых вотчины и всякие доходы отнял и к оному дому присовокупил и священнослужителей отрешил… Еще ж от них церковные имения, всякую утварь и колокола, отобрав распродал и в непристойные монашеству роскоши употребил. Оным же злодеем Феофаном и в главной соборной ризнице со священных облачений крупный жемчуг обиран, который сообщником его, таковым же церковным татем, иеродиаконом Адамом, продаван и получаемые деньги на общую их, непристойную монашеству, роскошь употреблены… в Синоде епитрахиль и пелена в лице поличного имеется. По его же Феофанову велению, бывшим при нем судьей, архимадритом Маркеллом Радышевским, собранные от святых икон привески отвезены в Ригу и променены на несколько бутылок заморских нитей, а о количестве должен объявить помянутый Родышевский. В оное же свое архиерействование во Пскове, как собранному до него, так и родившемуся хлебу, чинена продажа, а деньги употреблены им на вышесказанную роскошь; а не задолгое время переведения его на новгородское архиерействование, продано им хлеба без мала на 10 тысяч рублей, и в самое короткое время деньги употреблены в помянутую роскошь. Из собранных Федосом и его сообщниками, от продажи ограбленных ими от монастырей и церквей денег, которые запечатаны были по именному указу, оный Феофан из-за печати едва что не все похитил. Такоже и опиской купно с оными деньгами хлеб мало что не весь растощил, и получаемые денежные и хлебные доходы в непристойные монашеству роскоши тратил весьма необычно».

* * *

С проведением секуляризации церковных имений, когда духовенство было переведено на твердый оклад, стяжательные наклонности духовенства получили еще большее развитие; будучи лишено права бесконтрольно распоряжаться церковной недвижимой собственностью, духовенство пыталось отыграться на своей пастве, увеличивая свои специальные доходы.

Лишение духовенства недвижимой собственности было явлением временным. Лишив церковь значительной части ее недвижимой собственности, господствующие классы вновь стали одарять церковь и ее служителей за оказываемые ею услуги движимой и недвижимой собственностью, и в результате,

стяжательные наклонности духовенства получили новую пищу, которой духовенство питалось вплоть до октябрьской революции.

Ростовщики от духовенства

Сосредоточив в своих руках значительные земельные владения, русская церковь уже очень рано выступила в качестве мощного капиталиста, оказывавшего значительное влияние на общественные отношения Древней Руси.

Широко эксплуатируя свою недвижимую собственность, русская церковь пускала в оборот свои свободные денежные средства, занимаясь, с одной стороны, торговой деятельностью, а, с другой, – выступая в качестве самого крупного ростовщика своей эпохи.

Полемическая и обличительная литература Древней Руси, а также постановления соборов, дают многочисленные свидетельства борьбы с церковным ростовщичеством, «резоиманием», которая велась, начиная с XI века. Эту борьбу с церковным ростовщичеством, объявленную с церковной кафедры и в церковной литературе, мы встречаем уже очень рано, что свидетельствует о развитии церковного ростовщичества, начиная с XI века. Борьба против церковного ростовщичества с церковной кафедры становится тем значительнее, что это было одной из редких возможностей проявления в Древней Руси общественного мнения.

В 1077 году, в поучении преподобного Феодосия, мы встречаем первое указание на «резоимание». В поучении к священникам своей епархии архиепископ Илья грозит занимающимся ростовщичеством: «И кун лишу и в казнь будете от меня».

Епископ Владимирский Серапион называет ростовщичество «кровавым резоиманством» и увещает от него отказаться.

В поучениях Кирилла Туровского, митрополита Кирилла II, в «Вопрошании Кирикове», на созванном в 1274 году Владимирском соборе, мы встречаем всюду то же указание на недопустимость «резоимания» и увещание духовенству не заниматься им. Такое увещание встречается и в послании митрополита Петра «игуменам, попам, дьяконам», а особенно подробно – в поучениях митрополита Фотия.

Неоднократные указания на недопустимость церковного ростовщичества встречаются и в обличительной литературе, посвященной борьбе за церковное землевладение. Так, Вассиан, обращаясь к стяжателям – сторонникам церковного землевладения, говорит: «Вы… все годовые излишки берете себе: или обращаете в деньги, чтобы давать в рост, или храните в кладовых, чтобы после, во время голода, продавать за дорогую

цену». В том же обличительном слове Вассиан бросает резкие обвинения русским епископам, которые, по его словам, «вовсе по помышляли о благотворениях, иждивали все доходы своих кафедр на то, что умышляли себе несытно бесчисленные образы одежд и пищи и которые для умножения своих доходов занимались ростовщичеством, столь же немилостиво поступая с должниками, как и всякие другие ростовщики».

В слове Максима Грека «Об иноческом жительстве» содержатся резкие обличения против монастырских чиновников, что они «всякими неправдами и лихоимством стараются скопить себе злато и серебро, морят крестьян своих тяжкими и непрестанными работами, отдают свои деньги в рост бедным и своим крестьянам и когда росты умножатся, истязуют этих бедняков, отнимают у них имущество, выгоняют их с семействами из их домов и даже из селениий».

В другом месте Максим Грек говорит «о страсти иудейского сребролюбия и лихомания», которым подвержено духовенство, в особенности монастыри.

Такое же обличение духовенства за ростовщичество встречаем мы у митрополита Даниила, который, в поучении к братии Иосифа Волоколамского монастыря, пишет о монахах, что если они, «имея всего вдоволь в общей монастырской казне на всякие свои потребы, держат еще в стяжаниях, ради сребролюбия продают и покупают, берут росты на росты и за свои рукоделия копят серебро и золото, то они должны подлежать строгому ответу перед богом и не избегнут страшных мук геенских».

Замечательно, что за ростовщичество наказание возлагается только перед богом, о санкциях гражданского характера митрополит Даниил не упоминает, так как борьба с церковным ростовщичеством велась только путем увещания, но не мерами принуждения.

Обличение ростовщической деятельности церкви встречается на всех церковных соборах.

Ростовщичеством занимались все церковные капиталисты, начиная от митрополитов, в размерах, допускаемых их экономическим положением.

* * *

Как же относилась царская власть к ростовщической деятельности церкви? До тех пор пока не развился в России торгово-промышленный капитал, царская власть не мешала церкви заниматься этой «полезной» деятельностью, и никаких

постановлений, касающихся права церкви заниматься ростовщичеством, мы почти не видим.

Попытки ограничить в этом отношении права духовенства мы встречаем с того момента, когда в защиту интересов торгово-промышленного класса происходит постепенное ограничение прав церкви, в частности, права заниматься коммерческими операциями, в том числе и ростовщичеством. Первую попытку ограничить духовенство в его праве совершать ростовщические операции встречаем мы в постановлениях Стоглавого собора, который допускает производить операции по залогу недвижимой собственности лишь с царского разрешения. Постановление это, как, впрочем, и все другие постановления, пытавшиеся упорядочить церковный быт и нравы, не соблюдалось, и мы встречаем еще в XVII веке многочисленные примеры ростовщической деятельности церкви, совершаемые еще «без докладу царю».

В 1582 году издается, правда, категорическое запрещение духовенству не держать закладной, однако, и это постановление соблюдалось плохо, несмотря на имеющиеся в нем санкции. Понадобилось сто лет, чтобы соборное постановление 1551 года было приведено в известной мере в жизнь. По уложению 1649 года заложенные церковью земли должны были отпираться безденежно «на государя». И после Уложения 1649 года встречаются еще случаи ростовщической деятельности церкви, однако, уже не в том объеме.

Если ростовщическая деятельность церкви несколько изменилась, то не потому, что изменились нравы церкви. Церковь вынуждена была сократить свою ростовщическую деятельность, так как те функции, которые раньше почти исключительно принадлежали церкви, были переданы последней, правда, без ее согласия и против ее воли, развившемуся торгово-промышленному классу. Впрочем, церковь продолжала свою ростовщическую деятельность, поскольку ей это удавалось.

Нравы духовенства в XVIII веке

Все те недостатки, которыми характеризовалось духовенство XIV–XVII веков, мы наблюдаем и у духовенства XVIII века, причем недостатки эти, в связи с некоторым повышением культурности населения, становятся еще более заметными.

Культурный уровень духовенства оставался на той же высоте, что и в ранее рассмотренную нами эпоху: священники не только не могли «наизусть проповедовать догматы и законы св. писания», но не знали грамоты. В ряды духовенства, как и ранее, проникали, благодаря взяточничеству, люди безграмотные, подучившие наизусть несколько псалмов. Духовенство, погрязшее в пороках, занятое лишь тем, чтобы побольше извлечь доходов от своего ремесла, относилось к своим обязанностям очень небрежно. Недаром высшее духовенство именовало поведение низшей братии «бесстыдным и нахальным». «Сатанинская злоба безмерного упивания», составлявшего единственную отраду нашего духовенства во все времена, – и в XVIII веке является основным занятием духовенства.

О пьянстве среди духовенства в XVIII веке говорят, например, следующие документы. Крестовоздвиженского монастыря двух иеромонахов и иеродиакона велено за пьянство и ослушание содержать при консистории в цепях и железах.

Определением Курского Знаменского монастыря поставлено: «Иеромонаха Паисия за то, что он пьяный волочился на монастырском дворе мимо монастыря, при братии наказать плетьми, дабы впредь другим монахам пьянствовать и в мирские домы, где не подлежит, ходить не повадно было; а когда монах где напился пьян, то б шел в монастырь, а за монастырем нигде бы не ночевал и не спал».

Впрочем, не только рядовое духовенство было не на высоте, высшее духовенство также страдало теми же пороками. Оно не только ничего не делало, чтобы несколько улучшить нравы духовенства, но «и себя единого управити не могло». Характеризуя высшее церковное управление, современник находит, что здесь «во всем видится слабо и неисправно», что большие доходы «погибают по прихотям властителей», что высшее духовенство озабочено только выколачиванием денег из своих епархий, погружено в личные дела, «строит свои имения» и меньше всего думает об интересах своей епархии.

Высшее духовенство, «ревновавшее о вельми жестокой славе», требовавшее себе чести, «равной царской», нуждалось, конечно, в значительных средствах для поддержания своего дома в должном

великолепии. Не удовлетворяясь теми значительными средствами, которые были в его распоряжении, высшее духовенство черпало дополнительные и значительные средства путем взяточничества, распространенного в значительных размерах в эту эпоху. Как свидетельствуют источники, «нахальная» подручная архиерейская братия отличались у архиереев-взяточников «неистовым воровством». Священников, обращавшихся к епископскому суду, не допускали к епископу «никоторыми мерами», прежде чем они не делали должный «гостинец», причем одарять приходилось ряд лиц, сопричастных к высшему духовенству. И значительная часть этих поборов поступала высшему духовенству, дозволявшему поэтому своей подручной братии грабить низшее духовенство, сколько разрешали обстоятельства.

При Петре была сделана попытка исправления духовенства, которая, однако, успеха не имела. Регламентское прибавление, например, констатирует: «Достаточно наставлений преподал бог церковному клиру, но с течением времени клир настолько развратился, что св. отцы нашли нужным на разных соборах издать правила, клонящиеся к исправлению его. В нашей российской церкви многие немощи существуют».

Каковы были нравы даже высшего духовенства в XVIII веке, свидетельствует, например, манера обращения высших иерархов к царю Петру.

В 1709 году митрополит нижегородский и алатырский, смиренный Исайя, обращался со следующей просьбой: «Указал бы меня великий государь, меня богомольца своего взять в Москву, также и Сильвестра, прелюбодея духовного, и нового блядливого Арксакия, что был Троицы Сергиева монастыря архимандрит, и кто надлежит с ним Сильвестром прелюбодеем и новым Арксакием блюдливым, что прелюбодействует с моей духовной невестой нижегородской церковью противно закону нашему и нашей благочестивой греческой церкви» (так велся спор из-за кафедры).

Дмитрий Ростовский в таких выражениях отзывался о духовенстве: «Попы, по вчерашнем пьянствовании не протрезвившеся, не приготовившеся к слушанию, дерзают литургии читати, еще людям есть на соблазн, а самим таким иереям на погибель. Другие же злонравии священницы в церкви и в святом алтаре сквернословят и матерно бранящеся и творят дом божий вертепом разбойников».

Регламент заставляет наблюдать в отношении духовенства: «Не бесчинствуют ли священницы и дьякона и прочие церковники, не шумят ли пьяны в церквах, не сорятся ли по

мужичью на обедах, не истязают ли в гостях потчивания, не храбрствуют ли в боях кулачных, и за такие вины жестоко их наказывать».

Духовный регламент, отмечая недостойное поведение духовенства, указывая на их «нестерпимое безстудие», предписывает высшему духовенству смотреть, чтобы священники вели себя, как подобает их сану, «хранили на себе благообразие», одежду имели «хоть и убогую, но чистую, и единой черной, но никакой другой окраски, не ходили бы простоволосы и не ложились бы спать по улицам, не пили бы по кабакам».

Историк петровской эпохи Посошков дает следующую характеристику своему духовенству: «Аще будут в духовном чину люди неученые, в писании неискусные и веры христианской… основания неверующие и воли божьей не разумеющие, к тому же аще будут пьяницы и иного всякого безумия и бесчинства наполнены, то благочестивая наша вера исказится и весьма испразднится и вместо древнего единогласного благочестия вси разыдутся в разногласные расколы и во иные еретические веры».

Развитие раскола Посошков объясняет, между прочим, также и «просвитерским пренебрежением», из-за которого «много нашего российского народа в погибельные ереси уклонилось».

И можно согласиться с Посошковым, что безнравственность духовенства, помимо прочих, чисто политических и социальных причин, сыграла известную роль в развитии раскола на Руси.

«Что привело тебя в чин священнический, – спрашивает Дмитрий Ростовский священника своего времени, – то ли, дабы спасти себя и других? Вовсе нет, а чтоб прокормить жену, детей, домашних. Спасения ради ты шел, или ради покормки, чем бы питать тело? Ты поискал Иисуса не для Иисуса, а для хлеба куса!».

Монастыри, по выражению императора Петра I, были наполнены «тунеядцами»; монахи XVIII века также в «бесстрашии пьянствовали, проводили жизнь во всяком бесчинии, своеволии, ходили по кабакам» и вообще производили «многую вражду и мятеж».

Ростовский епископ Георгий Дашков с отчаянием сообщает Петру, что в епархии «чернецы спились и заворовались». Аналогичную оценку своего монашества дают и другие епископы.

Впрочем, сам Георгий Дашков недалеко ушел от своих подчиненных. Вот как рисуют этого вельможу в одном памятнике в бытность его еще келарем Троицкого монастыря: «Одной прислуги было у него человек до двадцати. Вкладов золотом и серебром не отдавал в казенный приказ, а заводил на них кареты, коляски, шоры, покупал лошадей, строил конюшенные дворы и

держал до 150 конюхов. С вотчинных управителей, которых посылал без братского совету, брал взятки; а знатных людей, в которых заискивал, дарил деньгами и лошадьми; родственников своих которых у него было много, награждал хлебом и разными припасами; лошадьми и экипажами: племянниц повыдал замуж за мирских дворян, которых посылал потом в лучшие вотчины управителями. Поездки его к братиям в Алексин и в приписные монастыри для того времени были почти баснословны. Забравши с собой множество припасов он отправлялся в путь огромнейшим поездом, брал с собой до 150 человек служителей и до 100 лошадей».

Архимандрит того же Троице-Сергиева монастыря, как описывает памятник, так шествовал в баню: «Он ехал шестерней в карете, впереди его дьякон верхом, позади телега с разными припасами, пол в бане устилался благовонными травами и цветами, на каменку поддавали венгерским вином и окачивался им высокопреподный».

Богатая хроника этой эпохи сообщает о многочисленных случаях, когда монахи в погоне за наживой совершают самые недопустимые с точки зрения церковного устава проступки. Среди этих проступков ростовщичество, разграбление монастырской казны и пр. занимают не последнее место. Характерен, например, один эпизод, когда настоятель, поссорившись со своими монахами, созывает монастырских крестьян и кричит им: «Бейте монахов, они вас разорили».

Иверский архиепископ Феофилакт в 1726 г. пишет архимандриту своей епархии Иосифу Решилову: «…За вашими бездельными и излишними прихотями и расходами, святая обитель во всеконечное пришла разорение, а паче в барышничестве твоем клобуковских коренных и собственных твоих лошадей».

Впрочем, представление о том вреде, которое приносило духовенство, в частности, монашество, постепенно начинает проникать в сознание народа, тем более что бездарное и безграмотное духовенство, скомпрометировав себя своей безнравственностью и пьянством, не пользовалось никаким авторитетом. Любопытна оценка духовенства, сделанная митрополитом Ростовским Дмитрием: «Окаянное наше время, – писал Дмитрий, – в котором так пренебрежено сияние слова, божья! и не знаю, кого прежде надобно винить, сеятелей или землю, священников или сердца человеческие, или тех и других вместе? Сеятель не сеет, а земля не принимает; иереи небрегут, а люди заблуждаются: иереи не учат, а люди невежествуют; иереи глупы, а люди не разумны».

* * *

При Петре I вновь были сделаны попытки подчистки духовенства, которые, однако, успеха не имели.

В отношении духовенства, в особенности в связи с произведенной попыткой секуляризации церковных земель, был проведен ряд мероприятий для упорядочения церковного общества.

Было предложено значительно сократить духовное сословие, подчинив оставшееся духовенство твердому режиму. Видя в монахах праздных людей, от которых идут только разные «забобоны» (болтовня), ереси и суеверия; считая, что монастырь является учреждением ненужным, очагом смут и бунтов, император Петр I пытается ограничить число монастырей, урезать их доходы, пытается приспособить монахов на какое-нибудь ремесло.

Регламент предписывает: «Весьма монахам праздным быти да недопускают настоятели; избирая всегда дело некое. А добре бы в монастырях завести художества, например, дело столярное». Указ 1724 года о звании монашеском пытается произвести коренную реформу в монастырском быту.

Смерть Петра не дала провести этот указ в жизнь, хотя основная мысль петровской реформы о бесполезности монахов, так как они «бегут от подати», чтобы даром «хлеб есть» – не забывается и в дальнейшем. И, начиная с петровского указа, следует ряд мероприятий, направленных на уменьшение числа попов и монахов, которые, по выражению регламента, «вбираются в священнический чин».

В основе всех этих мероприятий лежало желание упорядочить жизнь духовенства, подчинить его в большей степени светской власти и, с установлением твердых штатов, перевести духовенство на определенный бюджет.

В эпоху Екатерины II недостатки духовенства и злоупотребления, совершаемые им, нисколько не уменьшились, напротив, разложение духовенства дошло до крайних пределов и вызывало даже открытые возмущения недовольного населения.

В конце царствования Екатерины II могилевский епископ Афанасий Вольховский едва умел читать. Он был назначен на эту кафедру, особенно важную для борьбы с католичеством, по просьбе матери канцлера графа Безбородко. Взяточничество в консисториях достигало огромных размеров. Зато сельское духовенство было очень принижено. Нельзя перечислить все виды унижения, которым подвергалось низшее духовенство и от высших служителей, которые, как тобольский митрополит Павел

Котоскевич, не верили в обращение земли вокруг солнца, и от местных дворян, и от администрации. «Плети, кулачная расправа и розги» были обыкновенными явлениями среди духовенства, и редкий священник не испытывал на себе этих наказаний.

Петр Панин во время Пугачевского бунта, в котором принимали участие сельские священники, доносил императрице: «Во всей здешней стороне, где я теперь обращаюсь, чин церковный еще погружен в самом вышнем невежестве и грубианстве».

Со своей стороны, и господствующие классы видели в разложении духовенства серьезную угрозу существующей системе, в которой духовенству была отведена весьма видная роль. Поэтому государство берет на себя инициативу в проведении мероприятий по оздоровлению духовенства. Не полагаясь на церковный аппарат, не доверяя высшему духовенству, государственная власть пытается административным способом воздействовать на разложившееся духовенство, проводит ряд мероприятий по поднятию его «престижа» среди населения.

Литература

Исторические материалы

Акты исторические (сокращенно А.И.).

Акты археографической комиссии (А.А.Э.).

Дополнения к актам истор. (Доп. А.И.).

Русская историческая библиотека, т. VI.

Научные труды

Л. Рущинский. Религиозный быт русских у иностранцев XVI и XVII вв.

Н. Ростиславов. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПБ. 1871.

П. Преображенский. Нравственное состояние русского общества в XVI в. по сочинениям М. Грека. М. 1881.

В. Иконников. Русские общественные деятели XVI в. Киевск. Унив. Извест, 1866.

В. Иконников. Максим Грек. Киевск. Унив. Изв.

Б. Николаевский. Русская проповедь в XV и XVI вв. (Ж. Мин. Народн. Просв. 1868 г. 1 и II).

В. Жмакин. Русское общество XVI в. Ст. и Новая Россия, 1880. кн. II и IV.

В. Жмакин. Митрополит Даниил. 1881.

В. Малинин. Старец Елизарова монастыря Филофей, 1888, Киевск. и др.

Н. Розанов. История Московского Синодального Управления, 1869.

П. Знаменский. Приходское духовенство со времени реформы Петра Вел. Каз. 1873 и др.

Приложение к 2-й части

Жозеф де Местр. Русское православие и священники (из книги Жозефа де Местра «Религия и нравы русских»)

Православие

Греческая религия есть не что иное, как ненависть к Риму. Эта ненависть чрезвычайно сильна и может захватить целиком. Эта ненависть неизлечима, потому что она не имеет ничего общего с разумом или наукой. Что касается протестантизма, то отношение к нему далеко не такое же, хотя в догматике он гораздо дальше отстоит от православия.

Я говорил с графом Салтыковым о стремлении Петра I объединить греков. «Я уверен, – сказал он совершенно искренне, – что все, что он делал, он делал только ради того, чтобы понравиться французскому двору, ибо Вы прекрасно понимаете, что он просто не мог всерьез помышлять о чем-либо, столь далеком от политики».

Говоря о церковном календаре, другой министерский сановник (Татищев, который сегодня министром в Палермо) сказал, что «одна только мысль праздновать Пасху с латинянами может привести ко всеобщему мятежу».

Впрочем, нет ничего более неверного. Какое-то время спустя я говорил на эту тему с одним из самых лучших умов этой страны, графом Петром Толстым, который, пожав плечами, сказал мне, что император может все, что захочет.

Совсем недавно за обедом у графа Строганова говорили об аббате Голицыне, который в настоящее время совершает миссионерское служение в Америке. Княгиня Голицына, сидевшая за столом, засмеялась при упоминании его имени. Когда сказали, что скоро он должен вернуться в Россию, я воспользовался случаем и спросил у этой госпожи, сохранит ли господин аббат право наследования в России и будет ли обладать гражданскими правами?

– Нет, нет, – ответила она, сопровождая свои слова жестом человека, отлучающего от Церкви, – он утратил все свои права.

– Но позвольте, – возразил я, – мы знаем, что потомок дома Головкина, например, является протестантом и тем не менее пользуется всеми гражданскими правами. Граф Федор Головкин –

протестант, потому что случай заставил его родиться в протестантской стране. [При этом кто-то добавил, что он даже вполне явно попечительствует протестантской церкви.] Никто его в этом не упрекнул, он был министром, придворным цереммониймейстером и в настоящее время чувствует себя преспокойно. Что касается аббата Голицына, то ему, в свою очередь, довелось родиться в католической стране, и он исповедует католическую религию. Так в чем же, простите, разница?

Княгиня не проронила ни слова, а я не настаивал…

В детстве я прочитал интересный рассказ о стремлении Петра I воссоединить все Церкви. Один старый профессор математики поведал мне о том, что в Париже он был знаком с доктором из Сорбонны, у которого Петр I попросил почитать его научное исследование. Этот доктор рассказывал профессору, что, взяв его работу на прочтение, Петр спустя несколько дней сказал ему:

– Это просто здорово, Вы правы. Как только я прибуду в Россию, я прикажу взять на вооружение этот проект.

– Но, Ваше Высочество, – возразил доктор, – мне кажется, Вы слишком торопитесь. Прежде всего надо узнать, одобрят ли эту идею русские епископы.

Услышав это, Петр пришел в чрезвычайное негодование:

– Если они посмеют мне перечить, – сказал он, – я побью их палкой.

* * *

Когда-то патриарх всея Руси был значительной фигурой, и с ним, ввиду его сильного влияния на народ и совершенной неприкосновенности, должен был считаться сам император. Она была такова, что император, решивший призвать на суд патриарха, совершившего тяжкие ошибки, не нашел никакого средства для того, чтобы судить его; для того чтобы суд был сведущим, ему пришлось созвать всех патриархов-схизматиков. Петр I упразднил это звание и стал абсолютным властителем. Все церковные дела вела организация, именовавшаяся Святейшим синодом.

Формально в Синоде председательствует архиепископ Санкт-Петербургский, но по существу дела там вершит весьма важный государев чиновник, именующийся прокурором Святейшего синода. Он присутствует на всех заседаниях и, хотя не имеет права решающего голоса во всем, что там обсуждается, все выслушивает, на все высказывает свое мнение и всему мешает.

Какой-либо церковный указ обретает силу только после его подписи, которую предваряет решение о том, что принятое должно быть исполнено. Это главенство совсем не похоже на то, которое отличает английского короля. По существу патриархом является сам император, и я нисколько не удивляюсь тому, что когда-то на Павла I нашла причуда самому совершить богослужение.

Так как высшей духовной власти больше не существовало, люди постепенно отвыкли испрашивать особые дозволения на те или иные случаи жизни, ибо такое дозволение есть благодать, а право благодатного наделения таким дозволением принадлежит только высшему духовному лицу. Однако поскольку довольно часто такие дозволения весьма желанны и даже необходимы, решили просто освободиться от необходимости испрашивания подобных дозволений, что само по себе удобнее и дает такой же результат. Известно, например, что в греческой Церкви соблюдают два или три поста, но никто не обращает на это должного внимания. Кроме того, там, как и у нас, обращают внимание на некоторые степени родства, при наличии которых брак между родственниками возбраняется, однако поскольку порой очень хочется взять в жены двоюродную сестру, так и поступают, несмотря на запрет, причем такой брак сохраняет свою силу, хотя это и большой грех; говорят, что закон, воспрещающий браки между родственниками (за исключением случаев, оговоренных в Книге Левит), всего лишь церковный, и в то же время о законе, который запрещает разводиться, говорят, что он божественный. Трудно представить что-либо более изобретательное…

Именно печально известный Петр III обобрал духовенство. Кое-кто утверждает, что эту мысль ему внушила его жена, подвигшая его осуществить этот замысел, потому что он уже правил, а она хотела пробудить ненависть к своему мужу, дабы потом внезапно этим воспользоваться. Как бы там ни было, но Петр III завладел имуществом духовенства. В соответствующей преамбуле грабительского указа было сказано, что исполнению духовных обязанностей Церкви, царствие которой не от мира сего, не должно мешать управление земными благами и т. д. Через тридцать лет то же самое сказали в другой стране, и это всегда будут повторять всюду, где пожелают сделать нечто похожее.

Петр III отнял от Церкви (я имею в виду черное духовенство) миллион душ, или крепостных, а точнее говоря, девятьсот с лишним тысяч. Во всей империи едва ли наберется две тысячи монахов, которым государство платит не более двадцати пяти

рублей.

Что касается белого духовенства, то здесь я не могу назвать точного числа, но знаю, что оно огромно и совершенно не пользуется уважением. Черное духовенство – это монахи, которых тоже немало. И те, и другие почти всегда являются потомками крепостных или священников, и, таким образом, здесь мы поистине имеем дело с коленом Левия, хотя не столь уважаемым, как древнее.

* * *

В одном из лучших домов Санкт-Петербурга русские рассказывали мне о том, как в одном кабаке заспорили между собой два молодых человека. Когда дело дошло до взаимных оскорблений, один обозвал другого «поповичем», однако последний, защищаясь, сказал: «Это неправда, я сын пахаря» (т. е. крестьянина).

Монахи, по крайней мере отчасти, более образованны, чем «попы», и даже по виду не так презренны. Меня уверяли, что некоторые даже знают французский, читают все подряд и являются большими шалопаями. Трудно сказать, как оно на самом деле, учитывая, что представители обоих духовных званий совершенно отъединены от остального общества.

Могу, по крайней мере, сообщить то, что мне рассказала одна дама из высшего общества: совсем недавно согласно обычаю этой страны к ней для совершения тайны исповеди пришел один монах, который, ожидая ее, пустился говорить на французском такие непристойности, что его пришлось выставить за дверь.

Монахи не женятся, белое же духовенство, напротив, всегда вступает в брак, и если кто-нибудь из них становится вдовцом, его силой постригают в монахи. Если же священник двадцати пяти или тридцати лет от роду теряет жену в расцвете сил и обаяния, его тоже обрекают на безбрачие и затвор во благо его души, что так же разумно, как и все прочее.

Епископ получает от государства не более десяти тысяч рублей, но имеет значительные преимущества, и я слышал от одного католического архиепископа, что архиепископ Петербурга, имея строго определенное вознаграждение в десять тысяч рублей, получает около шестидесяти тысяч рублей годового дохода. Быть может, это несколько преувеличено, но нет сомнения в том, что некоторые преимущества весьма существенны: например, погребения в Александро-Невской лавре выглядят поистине вызывающе. Расходы на такое погребение могут доходить до

полутора тысяч рублей звонкой монетой, и, кроме того, имеется существенная побочная прибыль: карета и лошади, например, которые должным образом перевозят покойника к месту захоронения, принадлежат Церкви.

Основное богатство того и другого духовенства составляют добровольные пожертвования. Белое духовенство почти не имеет иных средств к существованию.

Один сенатор сказал мне как-то, что он устроил хороший приход одному священнику. «Но каким образом одно прелатство (он употребил именно это слово) может быть лучше другого?» – спросил я. «Это зависит от ситуации, – ответил он. – Если приход стоит на большой дороге, он приносит больше дохода. Там больше проезжих, больше и подают».

Общее число лиц, принадлежащих духовенству (включая тех, кто вообще связан с этим сословием), превышает сотню тысяч, а монахи не набирают дозволенного им числа (что примечательно). Во всей Российской империи насчитывается двадцать восемь тысяч православных церквей, а число иноверческих церквей мне неизвестно.

В настоящее время все пожертвования церквам были изъяты и преобразованы в капитал, который разместят в банке для поддержания священников. В одной губернии для перестройки деревянной церкви в каменную собрали пожертвования в сумме тридцати тысяч рублей. Губернатор взял их, сказал, что деревянная церковь тоже хороша.

Все оплачиваемое духовенство кончает тем, что с ним поступают таким же образом.

Священники

Екатерина не вернула духовенству владений, отнятых у него Петром III, но хотела извлечь его из тьмы невежества, в котором оно пребывало и с которым она сталкивалась почти везде. Она открыла несколько университетов, академий и семинарий, в частности в городе Киеве, где сыны русских священников, единственные (как у евреев) кандидаты на священнический сан, должны были в какой-то мере постигать богословие и церковно-славянский язык, являющийся языком литургии русской Церкви.

Обер-прокурор Синода князь Александр Голицын решил заставить русское духовенство учиться и тем самым придать ему больший лоск, однако для этого дела ему недоставало преподавателей. Так как молодые семинаристы кое-что смыслили в латыни, преподавателями богословия им назначили

протестантов-мирян. Однако эти лютеране признавали исхождение Святого Духа от Отца и от Сына, признавали причащение только под двумя видами, а также исповедовали прочие заблуждения, которые ненавязчиво внушали своим слушателям, несмотря на данное ими обещание не касаться спорных вопросов. Высказывалось мнение, что иезуиты лучше держали бы свое слово, если бы они его дали. В это время они пользовались большой благосклонностью властей. Обер-прокурор Голицын оказывал большую поддержку идее преобразования коллегии, расположенной в Полоцке, в университет (или в академию; русские употребляют эти два слова, не делая особого различия между ними), и вскоре разрешение было получено.

Обратились к генералу ордена Фаддею Брзозовскому, который решил посоветоваться с Римом. Ожидая решения, русские почли это дело улаженным, и Филарет решил узнать, кто именно из отцов иезуитов будет преподавать и книгой какого автора он собирается пользоваться. Генерал ответил, что если все это действительно свершится, то преподавателем богословия назначат о. Ж.-Л. Розавена, который возьмет за основу теологию Сарданья и не станет касаться ни проблемы исхождения Святого Духа, ни чистилища, ни первенства римского епископа. В ту пору о. Розавен преподавал логику (что во Франции называют философией) в петербургском дворянском пансионе, и его учениками были почти одни только русские. Когда он перешел к преподаванию этики и рассуждениям о том, какое поклонение надо воздавать Богу, он доказал, что католическая религия является единственно истинной, а в качестве человека, выступающего против этого утверждения, он представил одного мусульманина, который от своего имени приводил аргументы деистов, схизматиков и еретиков, направленные против католической религии. В назидание этому бедному мусульманину он разбил все их доводы. То же самое о. Розавен сделал бы и по отношению к протестантам, но ни в коем случае не затрагивая трех спорных положений. О. Филарет, который не заглядывал так далеко, очень хвалил деликатность о. Розавена в преподавании логики и ожидал, что так же дела будут обстоять и в преподавании богословия. Тем не менее он пожелал посмотреть книгу Сарданья, и в этой связи генерал ордена предоставил ему экземпляр книги.

Впрочем, замысел, связанный с преподаванием о. Розавена, не осуществился, и лютеранин-мирянин снова стал возглавлять кафедру богословия в семинарии Александро-Невской лавры.

Тем не менее вскоре стало ясно, что такое положение никуда не годится, и на о. Филарета оказали такое воздействие, что он в

конце концов согласился взять на себя это преподавание. Как он справлялся без соответствующих курсов логики и теологии? Очень плохо, но русские не сознавались в этом. Тем не менее они очень хорошо видели, что надо что-то менять в обучении духовенства. Из тех, кто собирался стать попами или представителями белого духовенства, они отказались делать что-либо, хоть в какой-то мере подходящее, и ограничились образованием молодых монахов.

Граф де Местр предрекал, что если однажды русское духовенство начнет учиться, оно превратится в философов, что, собственно, и стало сбываться в среде монахов стараниями князя Александра Голицына. Он хотел, чтобы они играли определенную роль в литературном мире, и заставлял их учить не греческий или еврейский, которые почти никто из русских священников не знает, а современные языки, математику и все разделы физики, и вот из таких людей и станут поставлять высшее духовенство и епископов, которые будут знать немного обо всем, кроме Священного Писания, логики и теологии.

Граф Александр Толстой смеялся над неразумием добрых и благочестивых русских, которые вообразили, что их монахи, пусть даже и приобретшие некоторый лоск, смогут соперничать в науке с каким бы то ни было иным христианским духовенством, будь то католическое или протестантское.

Таково положение русского белого духовенства, и так как эти священники имеют жен и детей, их никогда нельзя будет вытащить из их невежества, потому что они сами не смогут или не захотят учиться.

Однако правительство, стыдясь, что православное духовенство так сильно уступает католическим священникам, постановило, чтобы в главной церкви каждого города каждое воскресенье по меньшей мере четверть часа читалась проповедь. Священник читает или, выучив наизусть, сказывает какой-либо отрывок из какой-либо книги, переведенной с немецкого, латинского или французского, выкладывая все, как может. Если он знает один только русский (а таких священников триста против одного), он выстраивает свою проповедь по гомилиям русского архиепископа Платона, а также по Амвросию или другим монахам.

* * *

Когда исповедник собирается должным образом исповедовать порядочного человека (это всегда происходит у последнего), они,

не чинясь, усаживаются друг перед другом, и священник, не вдаваясь в подробности, спрашивает о соблюдении заповедей. Кающийся ничего не сообщает в деталях. «Не случалось ли Вам как-либо нарушить шестую заповедь?» – спрашивают у него.

«Да, каким-то образом», – отвечает он, и на этом все заканчивается, хотя, быть может, за десять лет, в течение которых он не исповедовался, ему довелось запятнать себя всевозможными мерзостями.

Сегодня хозяин одного из лучших домов в этой стране сказал мне, что самая долгая исповедь длится не более четырех минут. Если священник не удосуживается задать даже общие вопросы, тем хуже для него. Тогда ему ничего не говорят.

Когда однажды я удивился необычайной легкости такого предприятия, а еще больше – неизменно совершающемуся после этого причащению, князь Г. ответил мне в самый разгар обеда: «Все это – совершенно необходимая формальность. Впрочем, если есть на самом деле что-то слишком серьезное, то им об этом не говорят».

Прошлым летом одного батюшку (человека духовного, но сильно подверженного винопитию) позвали к умирающему причастить его перед смертью. Священник был пьян. Он тут же отправился в путь, но по дороге потерял Святые Дары.

Все это произошло во владении и на глазах одной весьма почтенной дамы, которая мне это и поведала. Кроме того, она добавила, что архиерей, в подчинении у которого этот священник находился, не отважился сообщить о случившемся Синоду, полагая, что в таком случае этому священнику наверняка придется расстаться с его саном, а он как-никак отец семейства, который не имеет возможности заработать на жизнь ни чем иным, кроме нынешнего ремесла.

Иногда русские помещики устраивают в своих владениях нечто наподобие театра и заставляют играть в нем своих камердинеров и лакеев, а если недостает какого-нибудь актера, то и приходского священника.

«В настоящее время в одном из моих имений разыгрывают те самые скабрезности, которые играют здесь на театре. Главный актер – наш священник» (граф Сергей Румянцев). На то удивление, которое я ему выразил, он ответил:

– А что прикажете делать, если нам иногда приходится поколачивать их?

– Но позвольте, какое же Вы имеете право? – спросил я.

– Да, конечно, этого нельзя делать, но это делается.

…Вся армия, генералы, офицеры, солдаты – все всегда причащаются. Назначается день какой-либо Постной недели (так

же, как день проведения парада), в который первый и второй полковые батальоны пойдут в церковь (два раза в день), в парадной форме, но без оружия, с офицерами во главе. В день принятия исповеди их разделяют на группы по тридцать человек в каждой. Встав перед такой группой, священник восклицает:

– Во время поста вы вместо елея смазывали себе голову обычным маслом, а также совершали много других грехов.

– Господи, помилуй! – раздается в ответ, после чего священник произносит формулу отпущения, затем подходит вторая группа, потом третья и т. д., а на следующий день совершается общее причащение. За исповедь и причащение солдаты ничего не платят священнику, но все остальные должны платить. Один из наших слуг был на исповеди; а потом кто-то из наших пансионеров спросил его:

– Завтра мы идем причащаться, ты пойдешь с нами?

– Я не могу, – ответил он.

– Почему?

– У меня только рубль, поп сказал, что его я должен ему за исповедь, а еще один рубль за причащение, но у меня нет больше денег.

– Ну что ж, тогда ты с нами не пойдешь.

* * *

О. Анджолини решил отремонтировать церковь при нашей коллегии в городе Витебске и сделал из нее подлинное чудо. В его распоряжении находился подрядчик по строительным работам, человек весьма умный, который попросил священника отпустить его к семье, обещая вернуться в конце шестой недели. Он уехал и не вернулся. Через год или два о. Анджолини отправился в поездку и остановился в одном большом поселении. Однажды, прогуливаясь, он увидел вдали православного священника: длинные волосы, ниспадающие по плечам, роскошная борода, подрясник, перехваченный поясом, а поверх его – ряса с широкими рукавами (зеленая, красная или фиолетовая – не важно: каждый священник выбирает цвет по своему вкусу), в руках посох. Все его одеяние, очень красивое, источало строгое величие. Поравнявшись с о. Анджолини, священник снял свою широкополую шляпу и приблизился к нему с видом старого знакомого.

– Вы не узнаете меня? – спросил он.

– Нет.

– Я ваш бывший подрядчик.

– А теперь вы священник?

– Да.

– Как так?

– Когда я приехал к своей матушке, священник в нашей деревне только что умер, и мой хозяин, здешний помещик, помня о том, что я довольно хорошо знаю церковно-славянский язык, послал меня к епископу с письмом и тремястами рублями на мое рукоположение, и вот теперь я священник здешнего прихода.

…Русские священники, по-видимому, не испытывают большого почтения к Святым Дарам.

Время от времени к иезуиту о. Анджолини, духовно окормлявшему итальянцев Петербурга, приходил в гости один русский священник. Однажды зимой он пришел к нему в шубе, подбитых мехом сапогах, которые были надеты поверх других, и в медвежьей шапке, как и принято в этой стране. В передней он оставил все это убранство и вошел в кабинет к о. Анджолини. Когда визит завершился, он снова надел все это на себя, но позабыл меховые сапоги. Через некоторое время о. Анджолини вышел в переднюю и увидел эти сапоги, стоявшие в углу. Он осмотрел их и в одном сапоге обнаружил свиток. Это была большая русская епитрахиль с карманом, в котором он увидел Святые Дары: вероятно, священник нес их какому-нибудь больному или от него. О. Анджолини был сильно озадачен. Что делать? Он нашел для епитрахили более достойное место, а вечером, когда его гость пришел за своими сапогами, он сделал ему наставление, которое тот воспринял со смехом.

– Я совсем не хотел идти к вам в епитрахили, – сказал он. (Надо отметить, что она напоминает монашеское одеяние кармелитов, но ниспадает только спереди, а вверху имеет отверстие, через которое ее и надевают.)

– Я свернул ее и положил в сапоги, а потом и забыл об этом.

– Но ведь там лежали Святые Дары.

– Ну да так что ж из того? Всего доброго.

* * *

Не стоит слишком удивляться, узнав, что русские несильно уважают своих священников. В Полоцке господин де Кристин рассказывал мне о том, как граф Марков обходится со своими батюшками и как он причащается.

Хотя русское дворянство не соблюдает многочисленных постов, установленных в их Церкви, тем не менее в течение трех дней, предшествующих исповеди и причащению, дворяне

постятся, и в дом два раза в день приходит священник, чтобы совместно читать принятые в таком случае молитвы. Однако некоторые благочестивые русские совершают эти молитвы в церкви.

Священник приходил в понедельник на Страстной неделе, а также в последующие дни, но так как священников никогда не принимают в салонах (кроме протопопов и монахов), он оставался в прихожей с прислугой, потому что граф еще не пришел из часовни. Хозяева не вышли на совершение молитв, и на протяжении двух часов батюшка попеременно молился, пил водку и болтал с прислугой, а потом ушел.

Наконец наступает вечер среды, время исповеди. У графа собрались гости, до двух часов играли в карты, а потом дворецкий объявил, что господин зовет к ужину (потому что граф никогда не был женат). Кончили играть, граф подал руку какой-то даме, и, когда они через переднюю шли в столовую, он сказал ей: «Прошу прощения, мадам, но мне надо сказать два слова его преподобию». Они останавливаются, граф достает из бумажника двадцать пять рублей (в ту пору это составляло пятьдесят франков) и, протягивая их священнику, громко говорит: «Ваше преподобие, это за мои грехи, как в прошлом году». Поп взял деньги и начал читать формулу отпущения грехов, а когда закончил, граф уже снова держал даму под руку.

На следующий день все отправились в церковь и там причастились, граф первым. Такой удобный подход – вполне обычное дело в России.

…Адмирал Кутузов был суровым человеком. В его дворце были часовня и русский священник при ней. Один из наших пансионеров, граф Войнович, сын черноморского адмирала, сказал мне, что в Пасхальную ночь он находился в гостиной, где собралась вся семья Кутузова, ожидая полуночи, чтобы идти в часовню. Пробило полночь, но священник не появился.

– Отыщите его, – сказал адмирал.

Отправились на поиски, но нигде не обнаружили.

– Сейчас мы быстро его найдем, – сказал Кутузов. – Пойдите в кабак, наверняка он пьет там с дворниками.

Так и оказалось. Священника привели.

– Отведите его на конюшню, – сказал адмирал. – Пусть получит двадцать пять ударов кнутом и тотчас начинает службу.

Вот так русские уважают свое духовенство. Когда Суворов в 1799 г. переходил через Альпы, в Павии, что в Ломбардии, находился госпиталь русских солдат, хотя гарнизон был австрийским. Однажды русскому капеллану при госпитале понадобилось о чем-то поговорить с немецким генералом, в

ведении которого этот госпиталь находился. Священника ввели в большой зал на первом этаже и попросили там подождать генерала. Служанка, очень захотевшая посмотреть, как выглядит русский священник, спряталась за стеклянной дверью и оттуда стала его разглядывать. Оставшись в зале, священник подошел к камину, на котором стояли два серебряных подсвечника, снял их оттуда и спрятал в широкие рукава своей рясы. Вскоре пришел генерал, выслушал священника и уладил его дело.

Священник стал медленно спускаться по лестнице, но служанка оповестила генерала о том, куда подевались подсвечники. Генерал вышел на балкон, находившийся прямо над воротами, через которые должен был проходить священник, велел стоявшему там часовому арестовать его и препроводить обратно в сопровождении четырех солдат. Поп вернулся, его обыскали, подсвечники изъяли, а генерал написал записку начальнику госпиталя, в которой сообщил о произошедшем. Затем он приказал солдатам отвести священника в госпиталь. Прочитав записку, начальник госпиталя сказал: «Принесите скамью и дайте его преподобию двадцать пять ударов кнутом».

Солдаты взяли его преподобие за руки и за ноги и ничком положили на скамью. Подошел капрал, поцеловал ему руку, как того требует обычай, дал ему положенное количество ударов кнутом, снова поцеловал руку и разрешил убираться восвояси…

notes

Примечания

1

С. К. Викторовский. История смертной казни в России. М., 1912, стр. 17.

2

А. И. Клибанов. Реформационные движения в России. М., 1960; см. также Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальное движение на Руси XIV – начала XV в. М. – Л., 1955, стр. 39, 56.

3

«Русская старина», кн. I, 1885, стр. 190.

«Русское прошлое», кн. III, 1923, стр. 37; «Русская историческая библиотека», т. VI, 1874, стр. 775–776.

5

«Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), т. IV. СПб., 1848, стр. 159.

6

В. И. Жмакин. Жизнь и деятельность митрополита Даниила. М., 1881, стр. 184–192. См. также А. А. Зимин и Я. С. Лурье. Послания Иосифа Санина. М. – Л., 1959.

В. И. Жмакин. Указ. соч., стр. 410.

8

Ард. Попов. Суд и наказание за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904 стр. 44.

9

И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606–1607 гг. М., 1951, стр. 35.

10

Дело М. Башкина изложено в Актах Археографической экспедиции (ААЭ), т. I, № 239.

11

И. А. Малиновский. Кровавая месть и смертная казнь. Томск, 1909, стр. 39.

«Акты исторические» (АИ), т. I, № 154.

13

И. С. Бердников. Краткий курс церковного права, т. II. Казань, 1913, стр. 981.

14

В. О. Ключевский. Сказания иностранцев о московском государстве. М., 1866, стр. 122.

15

С. К. Викторовский. Указ. соч., стр. 107.

«Полное собрание законов» (ПСЗ), т. IV, стр. 1910.

17

Следственные материалы по делу Г. Талицкого напечатаны Г. Есиповым в книге «Раскольничьи дела XVIII в.» (т. I. СПб., 1861, стр. 59–84); см. также Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I. М., 1957, стр. 134–145.

«Русский вестник», кн. 2, 1871, стр. 718.

19

«Описание архива святейшего Синода», т. II, ч. 1, 1722, № 187, приложение XXIV; т. X, 1730, № 33; см. также Н. Тихомиров. Московские вольнодумцы начала XVIII в. и Стефан Яворский. – «Русский вестник», 1870, кн. 9; 1871, кн. 2 и 6.

20

«Описание архива святейшего Синода», т. I, № 494. Г. Есипов. Раскольничьи дела XVIII в., т. I, стр. 7-51; см. также А. Н. Филиппов. О наказаниях по законодательству Петра Великого М., 1891, стр. 203.

21

«Русский архив», 1867, стр. 1708–1720.

«Православный собеседник», кн. IV, 1910, стр. 296.

«Исторический вестник», кн. VII, 1885, стр. 102.

В. Г. Белинский. Сочинения, т. X. М., 1955, стр. 214.

25

«Житие протопопа Аввакума…», стр. 108; см. также Ард. Попов. Суд и наказание за преступления против веры и нравственности. Казань, 1904, стр. 55.

«Русское слово», кн. 8, 1861, стр. 14.

«Костромская старина», 1890, стр. 24.

28

А. И. Иванов. Соловецкая монастырская тюрьма. Соловки, 1927. Описанию Соловецкой тюрьмы посвящены следующие работы: М. Колчин. Ссыльные и заточенные в Соловецком остроге в XVI–XIX в. М., 1908; В. И. Немирович – Данченко. Соловки. СПб., 1875; А. С. Пругавин. В казематах. СПб., 1909; М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. 1–5. М., 1951–1956; Д. Венедиктов. Палачи в рясах. М., 1923.

29

Описание тюрьмы суздальского Спасо – Евфимиева монастыря см.: А. С. Пругавин. Монастырские тюрьмы. М., 1905; «Суздаль и его достопримечательности». Суздаль. Изд. Владимирской архив ной комиссии, 1912.

30

Г. Антипин. Крепость Кирилло – Белозерского монастыря. Кириллов, 1934, стр. 34–38.

31

Н. П. Розанов. История Московского епархиального управления, ч. II, кн. 2, М., 1876, стр. 153.

Павел Алепский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в России, – «Чтения ОИДР», кн. 4, 1896–1897, 1900.

33

И. А. Чистович. Феофан Прокопович. СПб., 1878, стр. 166–168.

Там же, стр. 173.

И. А. Чистович. Указ. соч., стр. 348, 365.

«Русский архив», кн. II, 1873, стр. 1780.

«Русский архив», 1867, стр. 1139–1155.

Там же, стр. 1160.

М. С. Попов. Арсений Мациевич и его дело. СПб., 1912.

40

М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. 2, стр. 486.

41

О. И. Дубасов. К истории противоцерковного движения. – «Древняя и Новая Россия», 1878, № 8, стр. 312.

Н. И. Барсуков. Соловецкое восстание. Петрозаводск, 1954.

«Исторические записки», т. 31, 1955, стр. 96, 102.

Там же, стр. 129–130.

М. Н. Гернет. Указ соч., т. 2, стр. 488.

Д. Венедиктов. Указ. соч., стр. 90. 86.

47

«Деяния 3 Всероссийского миссионерского съезда в Казани». Киев, 1897, стр. 90.

М. Гернет. Указ. соч., т. 2, стр. 481.

49

Там же, стр. 475.

«Древняя и Новая Россия», кн. 8, 1878, стр. 313.

51

М. Гернет. Указ. соч., т. 2, стр. 331.

52

Отчет обер-прокурора Синода за 1909 г. СПб., 1910, стр. 22.

«Ежегодник Музея истории религии», т. IV. Л., 1960, стр. 118.

АИ, т. I, № 98.

55

М. С. Попов. Арсений Мациевич и его дело. СПб., 1912, стр. 376.

ААЭ, т. IV, № 249.

Доп. АИ, т. V, № 186.

58

Доп. АИ, т. XII. № 86.

59

К. Маркс. Ст. Разин. – «Молодая гвардия», кн. I, 1926, стр. 125.

ПСЗ, т. I, № 503.

61

Н. А. Вроцкий. Утес Стеньки Разина. – В кн.: В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1955, стр. 148.

«Чтения ОИДР», кн. I, 1872, стр. 172.

«Русский архив», кн. II, 1871, стр. 443.

«Последование в неделю православия». СПб., 1869, стр. 25–29.

65

Текст отлучения опубликован в журнале «Церковные ведомости», № 8, 1901.

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 22.

67

Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 34, 1952. стр. 247.

«Правда», 19. IV 1912 г. Документы об отлучении академика А. А. Маркова от церкви опубликованы в сб. «Вопросы истории религии и атеизма», № 2. М., 1954, стр. 397–411.

69

«Деяния поместного церковного собора 1917–1918 гг.» кн. XIX, стр. 72.

70

А. Мень. Расизм перед судом христианства. – «Журнал Московской патриархии», 1962, № 3, стр. 22–23.

71

Е. Карманов. Христианство и расовая дискриминация. – «Журнал Московской патриархии», 1962, № 2, стр. 35–37.

В. Д. Бонч-Бруевич. Знамение времени. М., 1921, стр. 76.

73

Д. Цветаев. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI–XVII ее. М., 1886, стр. 41.

«Чтения ОИДР», кн. III, 1884, разд. II, стр. 13–14. 118.

75

Н. С. Тихонравов. Квирин Кульман. – «Русский вестник», кн. XI, XII, 1867, стр. 568–593; см. также сб. «Русское государство в XVII в.». М… 1961, стр. 327.

«Русский архив», 1867, стр. 1152; см. также Н. Д. Сергеевский. Наказание в русском праве. СПб., 1887, стр. 126–127.

ДАИ, т. X, № 107.

Д. Цветаев. Указ. соч., стр. 308.

79

Н. Г. Устрялов. История Петра Великого, т. II, прил. IX. СПб., 1863; см. также Д. А. Толстой. Римский католицизм в России, т. I. СПб., 1876, стр. 117.

80

А. И. Бобрищев – Пушкин. Суд и раскольники – сектанты. СПб., 1902, стр. 73.

81

Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т X. М., 1951, стр. 131–132.

«Чтения ОИДР», кн. I, отд. 4, 1866, стр. 165.

83

Н. М. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях, т. II. Изд. 2, М., 1886–1893, стр. 365.

И. Г. Оршанский. Русское законодательство об евреях. СПб., 1877, стр. 18.

85

Сб. «Пережитое», кн. II. СПб., 1910, ст, р. 1 – 48; см. также Н. Н. Голицын. Законодательство об евреях, т. I. СПб. 1866, стр. 28–42.

«Русская литература в борьбе с религией». М., 1963, стр. 23.

Н. Голицын. Указ. соч., стр. 614–616.

А. И. Герцен. Сочинения, т. VIII. М., 1956, стр. 232–233.

И. Г. Оршанский. Указ. соч., стр. 49.

В. Д. Бонч-Бруевич. Знамение времени. СПб., 1921, стр. 259.

91

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 64.

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 289.

93

В. М. Скворцов. Миссионерский посох, т. I. СПб., 1912, стр. 518 (численность раскольников была значительно занижена).

В. М. Скворцов. Миссионерский посох, т. I. СПб., 1912, стр. 518 (численность раскольников была значительно занижена).

95

Н. Варадинов. История Министерства внутренних дел, т. 8. СПб., 1862, стр. 472–473.

Е. Н. Тарновский. Религиозные преступления в России. – «Вестник права», 1899, № 4, стр. 2 – 17.

В. И. Корецкий. Современное сектантство и его преодоление. – «Вопросы истории религии и атеизма», т. IX, 1961, стр. 45.

«Древняя и Новая Россия», 1878, № 8, стр. 312.

«Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству святейшего Синода», кн. II. СПб., 1860, стр. 54.

100

А. И. Бобрищев – Пушкин. Указ. соч., стр. 173–174, 175.

101

«Миссионерский съезд в Орле 16–24 сентября 1901 г.», Орел, 1902, стр. 172.

«Отчет обер-прокурора Синода за 1911–1912 гг». СПб., 1913.

103

«Церковно – общественный вестник», 1913, № 47.

104

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 143.

105

«Стенографический отчет Государственной думы», 3-й созыв, 2-я сессия. Заседание 23 мая 1909 г.

Более подробно об этом см. Е. Ф. Грекулов. Православная церковь – враг просвещения.

107

«Журнал московской патриархии», 1956, № 5, стр. 66.

108

М. В. Ломоносов. Избранные философские произведения. М, 1950, стр. 397.

109

П. П. Пекарский. История Академии наук, т. II. СПб., 1873, стр. 603–604.

«Архивное дело», 1938, № 1 (45), стр. 93.

111

П. С. Иващенко. Народная школа в Белоруссии с конца XIX в., дисс, стр. 54.

112

Ш. Ганелин. Очерки по истории средней школы. М, 1954 стр. 45.

113

А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 14, стр. 481.

«Архивное дело», 1930, № 1 (45), стр. 90.

115

А. Котович. Духовная цензура в России. СПб., 1909, стр. 559.

«Книжные новости», 1937, № 12.

117

«Литературное наследство», т. 22–24, 1935, стр. 627, 635–673; т. 33–34, 1939, стр. 583–584.

118

«Материалы по пересмотру действующих постановлений цензуры и печати», ч. I. СПб., 1870, стр. 499–505; В. Прокофьев, Атеизм русских революционных демократов. М., 1955, стр. 88.

119

«Русская старина», 1903, № 12, стр. 687.

120

«Вопросы истории религии и атеизма», 1960, № 7, стр. 411–421.

121

«Вопросы философии», 1958, № 9, стр. 89; см. также «Архивное дело», 1938, № 1 (45), стр. 86–87.

«Историк-марксист», кн. 8–9, 1935, стр. 65–88.

«Вера и разум», 1901, № 12.

Там же, стр. XI.

125

Газета «Русь», 1905, № 164.